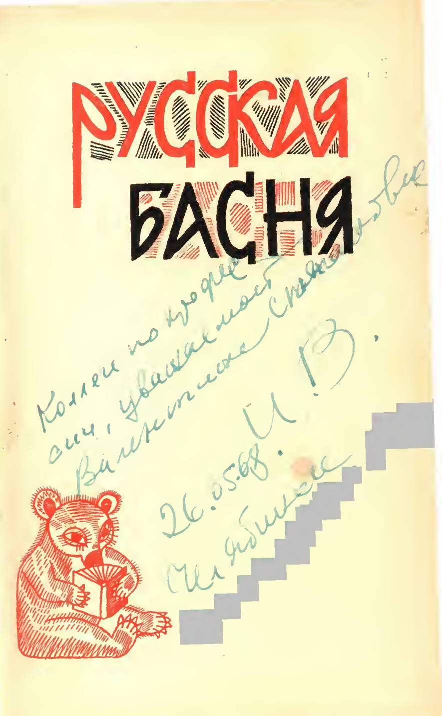

РУСКА БАСНЯ

Издательство
«Художественная
литература»
Москва
1966

А. КАНТЕМИР
М. ЛОМОНОСОВ
В. ТРЕДИАКОВСКИЙ
А. СУМАРОКОВ
В. МАЙКОВ
М. ХЕРАСКОВ
Д. ФОНВИЗИН
М. ЧУЛКОВ
М. ПОПОВ
А. АБЛЕСИМОВ
И. ХЕМНИЦЕР
И. ДМИТРИЕВ
В. ЖУКОВСКИЙ
В. ПУШКИН
Д. ДАВЫДОВ
П. ВЯЗЕМСКИЙ
А. НАХИМОВ
А. ИЗМАЙЛОВ
М. СУХАНОВ
А. ПУШКИН
И. КРЫЛОВ
КОЗЬМА ПРУТКОВ
Д. МИНАЕВ
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
ИВАН БАТРАК
С. МАРШАК
С. МИХАЛКОВ

РУССКАЯ
БАСНЯ
26.05.68.

Р 1
Р 89

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
Н. СТЕПАНОВА

Рисунки
ВИТАЛИЯ СТАЦИНСКОГО

7—3—1
49—65

РУССКАЯ БАСНЯ

1

Великий французский баснописец Жан Лафонтен назвал басни пространной, стоактной комедией, разыгрываемой на сцене мира. Этим определением удачно передан сатирический характер басни, какой она получила у самого Лафонтена и у Крылова. Но прежде чем стать такой «стоактной комедией», басня должна была пройти долгий путь. «Книга мудрости самого народа»[1], басня выросла на почве фольклора, имея прочные корни в сказках, в пословицах и поговорках — этих замечательных формулах национальной мудрости. Еще у древних греков, римлян, индусов была богатая устная поэзия. И басня родилась как произведение народной фантазии, из первобытных мифов о животных. Но литература начинается с возникновения письменности, и басни стали фактом литературы лишь тогда, когда они были записаны.

Басни легендарного Эзопа были созданы в Древней Греции в VI—V веке до нашей эры. Пересказанные стихами в начале новой эры римским поэтом Федром, они разошлись по всей Европе. В России басни Эзопа были переведены еще в Петровскую эпоху, а затем, начиная с середины XVIII века, стали одной из популярнейших книг.

Сборник древнеиндийских басен — «Панчатантра» (III—IV века), в арабском пересказе под названием «Калила и Димна», широко распространился по странам Востока, а в русском переводе в XV веке стал известен на Руси («Стефанит и Ихнилат»). Это самостоятельные новеллы, герои которых по ходу действия рассказывают басни, иллюстрирующие обычно то или иное поучение.

[1] Н. Гоголь, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, Л. 1952, стр. 392.

Древнегреческие и древнеиндийские басни разбрелись по всему свету; они явились тем богатейшим источником, из которого черпали мотивы и сюжеты многие последующие баснописцы. Но при всей общечеловечности содержания, басня у каждого народа приобретает своеобразный национальный колорит. Басни Эзопа и Федра в античном мире, Лафонтена во Франции, Лессинга в Германии, Крылова в России являлись выражением национального характера, «духа» народа, его национального гения. Об этом хорошо сказал Пушкин, сравнивая басни Лафонтена и Крылова: «Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов» [1]. Пушкин очень верно определил это национальное своеобразие, видя его не только в характере изображаемого — в «свойстве нравов», но и в самом «способе выражаться». Обращаясь к уже известному сюжету, каждый баснописец рассказывает его по-своему. Вот почему такое значение приобретает самое искусство рассказа басни, манера повествования, самостоятельность автора в нахождении живописных подробностей и языковых красок.

Пользуясь традиционными сюжетами и знакомыми образами, баснописец каждый раз дает им новую жизнь, новое истолкование. Известный русский ученый А. Потебня сравнивал басенных персонажей с шахматными фигурами, имеющими свои особые правила ходов [2].

Традиционная басенная символика способствует уяснению, вернее узнаванию, «характеров» персонажей-зверей читателем. Еще В. Тредиаковский заметил, что баснописец изображает «чувствительное подобие тихости и простоты в Агнце; верности и дружбы во Псе; напротив того, наглости, хищения, жестокости в Волке, во Льве, в Тигре... Сей есть немый язык, который все народы разумеют» [3]. Общность этой символики, традиционность сюжетов и создают «заданность», сходную с шахматными правилами, но «сыгранную», разрешаемую каждым баснописцем по-своему. Ведь в каждую эпоху в эту сюжетную схему подставляется кон-

---

[1] А. Пушкин, Собр. соч. в десяти томах, т. VI, Гослитиздат, М. 1962, стр. 15.

[2] А. Потебня, Из лекций по теории словесности, Харьков, 1894, стр. 27.

[3] В. Тредиаковский, Сочинения, т. 1, СПб 1849, стр. XXI.

кретное, современное содержание, новая авторская интерпретация и оценка.

С самого ее возникновения басня высмеивала недостатки и человеческие слабости, которые на протяжении многих веков, видоизменяясь по своему внешнему выражению, в сущности, сохраняются как извечные свойства характеров — алчность, хвастливость, лживость, скупость, недобросовестность, лень. Герои басни — сказочные звери, но за их проделками всегда стояла жизнь людей, их экономические, социальные и моральные отношения. Аллегориями и намеками, «эзоповым языком», басня говорила правду, не угодную правящим классам. «Басня, как нравоучительный род поэзии, в наше время — действительно ложный род,— писал Белинский.— ...Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии» [1]. В сатирической басне с особенной полнотой и силой сказалась ее демократическая природа — связь с взглядами и чаяниями народа.

А. Потебня удачно назвал элементы, составляющие басню, «поэзией» и «прозой». Сюжет басни — яркий, образный рассказ, своего рода драматическая сценка, и есть ее «поэзия». Нравоучительное заключение, вывод из басни, краткий итог — скупая логическая «проза». Когда образность, живописная наглядность — «поэзия» преобладает над дидактикой, над «прозой», тогда и рождается художественно совершенная басня [2].

2

В русской литературе басня издавна занимала почетное место. «...Басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех,— говорил Белинский,— что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и применения» [3].

Русской басне насчитывается уже более двух столетий. Первый баснописец, Антиох Кантемир, писал свои притчи (в 1731—1738 гг.) силлабическим стихом. Басни Кантемира, как и его знаменитые сатиры, направленные против «верховников» — противников петровских реформ,— зачинали собой, по мысли Белинского, то

[1] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 575.
[2] А. Потебня, Из лекций по теории словесности, Харьков, 1894, стр. 58.
[3] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, изд. АН СССР, М. 1953, стр. 61.

«сатирическое направление» в русской литературе, которое оказалось особенно плодотворным.

Вслед за Кантемиром к басне обратились Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Майков, Хемницер и многие другие писатели. В системе жанровой иерархии классицизма, когда вся литература была подчинена «правилам» риторики, басня считалась «низким» родом. Но это-то и сделало басенный жанр наиболее жизненным, демократизировало его, приблизило язык басни к разговорному просторечию, к фольклору.

Самобытный, национальный характер басни явственно сказался в творчестве А. Сумарокова. Его басни печатались со второй половины пятидесятых годов XVIII века. Национальные краски Сумароков находит в народном творчестве — в сказке, шуточных прибаутках, скоморошьих виршах, пословицах. А самые сюжеты для басен берет чаще всего не у Эзопа или Лафонтена, а из русской действительности. Свидетельством популярности сумароковских басен явился переход их в народный лубок.

Сумароков восстает в баснях против невежественности и моральной распущенности дворянства, против произвола вельмож и чиновников, мздоимства и казнокрадства, взяточничества и плутней «крапивного семени» — подьячих.

Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану,—

говорил он в одной из своих сатир («Пиит и Друг его»).

Пестрая картина тогдашних нравов живо предстает перед нами в притчах Сумарокова. Тут и разбогатевшие откупщики, и плуты подьячие, и спесивые вельможи, и невежественные дворяне, и работающие на них нищие мужики. Баснописец беспощаден к «боярину», который проводит свою жизнь в праздности и тунеядстве:

Боярин ел, боярин пил, боярин спал;
А если от труда устал,
Для провождения он времени зевал.
(«Мышь и Кошка. Боярин и Боярыня»).

Картина общества написана Сумароковым смелой обличительной кистью. Тот, кто не имеет ни чина, ни капитала, хотя бы и нажитого самыми грязными и бесчестными путями, обречен на нищету и непосильный труд.

Сумароков сделал басню бытовой, гротескной сценкой. В нарушение канонов классицизма он превратил ее в такой жанр, в котором действительность выступала в своем истинном, неприкрашен-

ном, а подчас и вовсе безобразном обличье. Балагурство ярмарочных зазывал, грубоватая шутка, стихия народного «просторечия» — таковы истоки басен Сумарокова, щедро обращавшегося к простонародному быту, к языку отнюдь не принятому в тогдашней литературе.

Даже животные у него изображены в грубой бытовой обстановке, подчеркивающей гротескный комизм ситуаций:

Сошлись на кабаке две крысы
И почали орать:
Бурлацки песни петь и горло драть
Вокруг поставленной тут мисы,
В котору пиво льют
И из которыя подчас и много пьют...

(«Две крысы»).

В притчах Сумарокова наглядно и живописно представлена народная жизнь, быт крестьянина. В басне «Новый календарь» крестьянин мечтает о том, чтобы:

Рождались бы собой домашние потребы:
С горохом пироги, печены хлебы;
А я бы на печи нетопленной потел,
И гусь бы жареный на стол ко мне летел.

Правда, Сумароков подсмеивается над этими желаниями крестьянина и над ним самим. Поэтому и мораль басни столь безжалостна: возмечтав о вечном лете, крестьянин не засеял свою ниву и остался зимой ни с чем!

С картинами быта в басни Сумарокова пришла и живая разговорная интонация, и свобода «просторечия», не стесняемая каким-либо искусственным отбором слов («Подай дубину, Ванька; жена мне вить не нянька»). Так через басню в литературу входило «с черного хода» демократическое «просторечие», сыгравшее важную роль в дальнейшем ее развитии. Но все это еще далеко от подлинной народности. Мужик для Сумарокова лишь объект для «комикования», и даже в тяжелой крестьянской жизни его интересует лишь живописная, бытовая «экзотика».

Сумарокову принадлежит заслуга создания и особого разностопного басенного стиха, которым с его легкой руки в дальнейшем пользовались многие русские баснописцы, вплоть до Крылова. Переходы от одностопного к трех, четырехстопному (и более) — ямбу, позволяли передавать разговорную интонацию, сделали басенный стих необычайно выразительным.

Притчи Сумарокова положили начало расцвету басенного жанра во второй половине XVIII века. Это время отмечено появ-

лением многочисленной плеяды баснописцев. Из них прежде всего следует назвать автора «ирои-комической» поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» Василия Майкова. В его баснях чаще всего действуют не аллегорические звери, а русские люди: ремесленники, мастеровые, крестьяне. Автор сохраняет все особенности их речи. А самый рассказ его — обстоятельный, полон бытовых подробностей.

В басенном наследии XVIII века своим художественным совершенством и жгучей политической остротой выделяется басня Д. Фонвизина «Лисица-Казнодей», явившаяся откликом на смерть императрицы Елизаветы.

Сумароковскую традицию продолжали и такие баснописцы, сотрудники новиковских журналов, «Живописца» и «Трутня», как М. Чулков, А. Аблесимов, М. Попов. Однако их басня утрачивает свою жанровую определенность, превращается в сатирическую картину нравов, в стиховой фельетон. Таковы «были» А. Аблесимова — «Модная жена», «Муж и жена», «Невеста» и др., представляющие собой нравоучительные бытовые сцены. Их персонажи лишены басенной обобщенности и иносказательности, но написаны эти «были» разностопным стихом в шутливой разговорной манере, присущей Сумарокову.

Особенно интересны «были» М. Чулкова, в которых явственно сказались демократические тенденции времени. В них отчетливо выступает мораль труженика, иронически относящегося к чиновной знати. Такова его басня «Бережливость», восхваляющая простого человека, который «потом и трудом копейку добывает». Трезвая демократическая мораль, сочувственное отношение к жизни простого люда, близость к фольклору — все это характеризует творчество «разночинцев» XVIII века, знаменует новые веяния в жизни общества.

3

Новый этап в развитии русской басни XVIII века связан с именем Ивана Хемницера. Он отказался от «площадной» грубоватости и гротеска сумароковской басни, но и не пошел по пути М. Хераскова, создавшего философско-моралистическую басню. Живописной сумароковской басне Херасков противопоставил басню-аллегорию, философское поучение. В «Заключении» к своим «Нравоучительным басням» (1764) он писал, что стремился «слогом внятным полезное с приятным в стихах соединять». Это стремление к «приятности», очищенности «слога» басни сказалось в отказе от просторечия, в стремлении к «высокому» стилю. Пыш-

ным, даже выспренним слогом Херасков старался передать возвышенный, философский смысл своих басен:

Источник некогда с вершины гор стремился,
Шумящим в быстрине течением гордился,
И в пышности своей Ручей он презирал,
Который светлый ток в долины простирал...
(«Источник и Ручей»)

Хемницер начал свой творческий путь с сатир: «На худых судей», «Сатира на поклоны» и др., в которых выступал против самых губительных зол феодально-бюрократического режима — взяточничества, казнокрадства, круговой поруки.

Хемницер — просветитель XVIII века, последователь Руссо и Вольтера — глубоко уверен, что осмеяние людских пороков, признание неразумности существующего устройства общества может способствовать его улучшению, воспитанию человека в духе «естественного закона», указанного природой.

Поэтому для Хемницера особенное значение приобретает воспитательная мораль басни, ее философско-этическое содержание. Но в отличие от отвлеченности и дидактической назидательности Хераскова и его приверженцев Хемницер облекал свои идеи в конкретные образы. Учителем Хемницера был не Лафонтен, а немецкий просветитель, философ-моралист Геллерт, который в своих баснях выступал с умеренной критикой существующих порядков и феодальных пережитков.

Хемницер смотрит на жизнь глазами простого человека, выдвигая моральные нормы и критерии честности, умеренности, добродетели. Восприятие действительности у него трезвее, демократичнее, чем у его предшественников, а поэтическая система басен лишена комической гротескности, столь характерной для сумароковской школы. Подобно большинству просветителей XVIII века, Хемницер верил, что «зло» может быть исправлено при соблюдении законов и попечением добродетельного монарха. Он убежден в том, что не крутые и резкие перемены, а постепенное распространение «просвещения» приведет к справедливому порядку.

Хемницер обличает тиранию и деспотизм власти корыстолюбивых вельмож, неправедных судей. В басне «Лестница» он откровенно, недвусмысленно говорит о том, что «порядок наблюдать» надобно с «вышних степеней».

Басни Хемницера проникнуты антифеодальными настроениями. Сатира их направлена против сильных мира: вельмож, дворян, богачей. Осуждает он и «волчий» закон, дающий право «господам иным» не только «стричь шерсть», но и «шкуру

содрать» со своих подчиненных, с крестьян («Волчье рассуждение»). Резко выступает писатель и против войн, затеваемых владыками на горе и несчастье народов («Два льва соседи» и др.).

Хемницер создает особый вид басни — басню-«сказку» («сказка» здесь в смысле рассказа, повести в стихах). Сборник его так и называется — «Басни и сказки».

В своих лучших баснях Хемницер добивается сжатости рассказа, изобразительной наглядности, естественности и живости интонаций. Так его «Зеленый осел» уже предвосхищает своей словесной живописностью и разговорной непринужденностью крыловские басни («Слона и Моську», например). Рассказывая о переполохе, произведенном в городе появлением «зеленого осла», Хемницер живо рисует картину всеобщего любопытства:

По улицам смотреть зеленого осла
    Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
    На кровли вылезают,
Леса, подмостки подставляют...

Естественностью изложения, стоящим за повествованием образом самого «фабулиста», лукаво-простодушного рассказчика, Хемницер решительно отличается от Сумарокова. Там, где этот простодушный «фабулист» побеждает рассказчика-дидактика, и начинается удача Хемницера, достигающего выразительности и точности сатирического рисунка.

Одна из лучших его басен — «Метафизический ученик» (ранее печаталась под заглавием «Метафизик»). В ней он осмеивает ложную ученость, отвлеченное, метафизическое отношение к явлениям материального мира. Басня завершается весьма энергичной, эпиграмматически острой концовкой:

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
    Да яма надобна большая!

Язык басен Хемницера — это простой, разговорный слог, отличающийся и от бурлескного «просторечия», и от книжной скованности.

В таких баснях, как «Метафизический ученик», «Друзья» и др., Хемницер выразительностью интонаций, свободой устной речи, самой манерой повествования уже предвещает Крылова.

    Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!»
    «Робята, что же вы стоите?
Поможемте»,— один другому говорил...

(«Друзья»)

4

В начале XIX века на литературную арену выступили последователи Карамзина — сентименталисты. Отвергая культ разума, они несли новое понимание действительности, утверждали прежде всего чувство, «чувствительность», эмоциональное начало, в противовес логически стройным, статичным «нормам» классицизма.

Борьба за эти новые принципы сказалась и в басне. Как жанр, освященный эстетикой классицизма, басня была особенно любима «архаистами» — сторонниками уходящего классицизма, участниками «Беседы любителей русского слова». «Беседчики» имели своих баснописцев: А. Шишкова, Д. Хвостова, Г. Державина, П. Карабанова, А. Бунину; участником «Беседы» был и Крылов, хотя занимал в ней особую позицию.

Противники «Беседы» — карамзинисты, объединившиеся в литературном обществе «Арзамас», высмеивали и вышучивали нескладные басни графомана Д. Хвостова, которые для потехи читали на своих собраниях, и писали на них злые пародии. И. Дмитриев, В. Жуковский, В. Пушкин внесли в басенный жанр новые черты «чувствительной» поэтики.

Сентименталисты или вовсе отказываются в басне от всякой сатиры, или так смягчают ее, что она не выходит за пределы моральных сетований. Они суживают и резко ограничивают круг тем, предпочитая сатире изысканное остроумие, изящное «causerie» (беседу, болтовню). «Мы трогаемся судьбою увядающего цветка, разделяем заботливость ласточки, свивающей для малюток своих гнездо...» [1] — так определяет Жуковский характерные для сентименталистов сюжеты и темы. Это измельчание жанра, ослабление обличительной направленности басни тесно связано с той философией смирения, отказа от «сует жизни» во имя меланхолического уединения на лоне природы, которая характеризовала сентиментализм.

Наиболее полно принципы нового направления в басне выразил И. Дмитриев. С баснями он выступил в 90-х годах XVIII века, но широкую известность получил в начале нового столетия. Дмитриев придал басне стилистическое изящество, лирическую эмоциональность, ранее ей не свойственные.

Поэт А. Ф. Мерзляков так образно характеризовал этапы развития русской басни: «Мы очень богаты притчами,— писал он.—

---

[1] В. Жуковский, Собр. соч. в четырех томах, т. 4, Гослитиздат, М.—Л. 1960, стр. 407.

Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; *Хемницер* привел их в город; *Дмитриев* отворил им двери в просвещенные, образованные общества...» [1] Точнее сказать, он открыл басне дверь в гостиную.

Современная критика называла Дмитриева «русским Лафонтеном». Но в то время как творения Лафонтена, пронизанные чисто французским юмором, легкие и грациозные по форме, выразили самый «дух» народа, басни Дмитриева были, по признанию Белинского, «искусственными цветами в нашей литературе», пересаженными с родной почвы на чужую и взрощенными в теплице [2]. Лишенные сатирической направленности, они превратились в лирические стихотворения, в элегическую медитацию. Обличению и дидактике Дмитриев предпочел умиленность, чувствительную «наивность» и «простодушие» фабулиста.

Басня Дмитриева — философская аллегория, выражающая излюбленные мысли сентименталистов о бренности существующего, о пользе уединения и умеренности («Жаворонок с детьми и земледелец», «Дон-Кишот», «Смерть и умирающий»).

В басне «Мудрец и поселянин» «натуры испытатель» беседует с «поселянином», который и высказывает ему ту истину, которая лежала в основе эстетики сентиментализма:

«Природа мне букварь, а сердце мой учитель».

Басня завершается моралистическим поучением, передающим «философию» примирения:

«Я зависти не знаю;
Доволен тем, что есть — богатый пусть богат,
А бедного всегда, как брата, обнимаю,
И с ним делиться рад...»

Басни Дмитриева и его последователей отличает и самый отбор слов, характерных для поэтики сентиментализма: «луг уединенный», «он (голубь) вздрогнул, прослезился», «невинный взор».

Другим путем пошел П. Вяземский. Его басни — колкие, остроумные эпиграммы, едко высмеивающие духовную ограниченность и ничтожество лакействующей бюрократии.

Из поэтов — последователей Дмитриева — нельзя не упомянуть В. Жуковского, В. Пушкина, превратившего басню в изящную «безделку», альбомный экспромт, Н. Остолопова.

---

[1] «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. I, М. 1812, стр. 103.

[2] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 148.

В эти же годы делаются и попытки возвращения к старой, сумароковской традиции возродить басню как сатиру. Антиподом Дмитриеву и другим сентименталистам выступают такие баснописцы, как А. Измайлов и харьковский писатель Аким Нахимов (басни его вышли отдельной книгой вскоре после смерти баснописца — в 1814 г.). Автор сатирической «Песни о луже», А. Нахимов непримиримо обличал корыстолюбие, алчность, грязные плутни и круговую поруку «крапивного семени». Своим грубоватым юмором и «просторечием» он близок Сумарокову.

Первая книжка басен Александра Измайлова вышла в 1814 году. Один из современников сказал про него: «...это был Крылов, навеселе зашедший в казарму, в харчевню или в питейный дом» [1]. Басни А. Измайлова — «натуральные» бытовые сценки, показывающие пьяных приказных, купцов, провинциальных чиновниц, квартальных. Даже животные в его баснях похожи на подгулявших чиновников и подьячих.

В. Белинский необычайно выразительно охарактеризовал Измайлова. «А. Измайлов,— писал он,— ...заслуживает особенное внимание по своей оригинальности: тогда как первые (В. Пушкин, например.— *Н. С.*) подражали Хемницеру и Дмитриеву, он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своею тривиальностью, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какою-то мужиковатою оригинальностью» [2]. Этот бытовой натурализм Измайлова проявился не только в выборе героев и сюжетов его басен, но и в деталях быта, грубых, нарочито подчеркнутых «фламандскими» подробностями:

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улицам шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А! здравствуй, Емельян
Архипович! Да ты, брат, видно,
Уже позавтракал. Ну, как тебе не стыдно?
Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!»

(«Пьяница»)

---

[1] Ф. Вигель, Записки, ч. 3, М. 1892, стр. 153.

[2] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 148.

Так ко времени появления басен Крылова завершились основные направления в развитии басни. «Площадная», сатирическая притча Сумарокова, черпавшая свои краски в народном творчестве, философско-сатирическая — Хемницера, изысканная, стилистически изящная басня Дмитриева, каждая по-своему подготовили новый, высший этап в развитии этого жанра.

5

Триумф русской басни связан с именем И. Крылова. В 1809 году вышла первая книга его «Басен», которая покорила всю читающую Россию. За более чем тридцатилетнюю деятельность баснописца он сделался, по словам Белинского, «народным поэтом», проложил другим поэтам «дорогу к народности» [1].

Крылов достигнул совершенной реалистической полноты, создал басню глубоко народную по содержанию и форме. «Тот ошибется грубо,— писал Гоголь,— кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа» [2].

Народная мудрость басни Крылова восходит к сказкам, пословицам и поговоркам, в свою очередь строки его басен стали народными пословицами.

Крылов обращался своими баснями не к узкому кругу посетителей литературных салонов, а к широкому, массовому демократическому читателю. Когда Крылова спросили, почему он пишет именно басни, он ответил: «Этот род понятен каждому: его читают и слуги и дети».

Баснописец всегда на стороне простого человека, угнетаемого сильными мира сего, вельможами, богачами, чиновниками. Мораль его басен выражает нравственные представления и идеалы народа: неприятие праздности, лживости, хвастливости, алчности, вероломства,— словом, всех тех пороков, которые являются результатом социального неравенства и несправедливости.

В басне «Листы и Корни» Крылов резко противопоставляет творческую силу народа, подлинный источник мощи нации — питающие ее «Корни» — эфемерным претензиям «Листов» — господствующих, тунеядствующих классов. Простой труженик, человек

---

[1] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 114.

[2] Н. Гоголь, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1952, стр. 392.

из народа, честный, скромный, правдивый, отзывчивый, и является положительным идеалом баснописца. Вот этот народный, трудовой идеал он и формулирует в басне «Орел и Пчела». В противовес кичащемуся своей дерзкой силой Орлу Крылов изображает скромную Пчелу, которая сознает свой долг в том, чтобы «труды для общей пользы несть». Такая демократическая позиция и определила народный характер его басен.

В тяжелую пору Отечественной войны 1812 года Крылов создает цикл патриотических басен. В них он высмеивает тех малодушных обывателей, которые предпочли свои личные интересы народным («Ворона и Курица»), призывает к беспощадной борьбе с захватчиком («Волк на псарне»); в басне «Раздел» осуждает отсутствие единства в опасную для родины минуту.

В борьбе за идеал гражданина Крылов обращается к сатире. Его басни не моральные наставления, а жгучая и смелая сатира на нравы и пороки господствующего общества, на его конкретных представителей. «Как истинно гениальный человек, он, подобно другим, не ограничился в басне баснею,— писал Белинский,— но придал ей жгучий характер сатиры и памфлета» [1].

Во времена Крылова можно было только «эзоповым языком» басни сказать о том, о чем иначе, в открытую, говорить было невозможно. Крылов гневно обличал господствующие классы — от вельмож до чиновников-казнокрадов и мздоимцев. Его Львы, Волки, Медведи, Щуки в типически обобщенных образах запечатлели подлинный облик представителей тогдашней власти. Такие басни, как «Рыбья пляска», «Пестрые Овцы», «Волки и Овцы» и многие другие, рисуют жестокую несправедливость, деспотизм, беззаконие вельмож и даже самого царя. Сюжеты многих басен Крылова возникали из конкретных исторических событий и фактов. Так, в басне «Демьянова уха» имелись в виду скучные заседания «Беседы любителей русского слова». «Пестрые Овцы», как и «Рыбья пляска», относились к Александру I; «Волк на псарне» — к Наполеону и Кутузову и т. д. Но обобщающий смысл его басен неизмеримо шире. Независимо от того, осмеивает ли басня «Квартет» чиновный характер заседаний «Беседы» или, как свидетельствуют некоторые современники, относится к деятельности Государственного совета, она доказывает порочность любой бюрократической организации. В этом подлинный обличительный смысл, типичность и сатирическая острота басни Крылова. В «текущем» и злободнев-

[1] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 575.

ном писатель умел увидеть и показать общее, наиболее важное и характерное. Оттого-то его басни пережили свое время.

Пользуясь «эзоповым языком» басни, Крылов высмеивал непонимание царем нужд народа («Воспитание Льва»), жестокое искоренение им всякого инакомыслия и любых попыток протеста («Пестрые Овцы»). Не менее сурово осуждал он высшую бюрократию и чиновников, неспособных к управлению страной, пекущихся лишь о своих корыстных интересах («Вельможа», «Слон на воеводстве», «Рыбья пляска» и др.), судей и подьячих, обманывавших и обиравших народ («Крестьянин и Овца», «Щука» и др.). Его басни дают широко обобщенную картину беззаконий, лихоимства, казнокрадства, творившихся в тогдашней России.

Недаром в комедии Грибоедова «Горе от ума» правительственный соглядатай и доносчик Загорецкий с горечью признает обличительную силу басенной сатиры:

...А если б, между нами,
Был ценсором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори,
Хотя животные, а все-таки цари!

Басня у Крылова стала миниатюрной комедией, маленькой сценкой в лицах, а ее «действующие лица», хотя и зачастую в условном облике сказочных зверей, показаны как типические людские характеры [1].

«Драматическое» начало придает басням сценическую выразительность. Этому способствуют хотя и краткие, но блестящие диалоги, образная и выразительная речь каждого персонажа, умеющего говорить своим, ему одному присущим голосом. Традиционный басенный сюжет, идущий от Эзопа и Лафонтена, у Крылова наполняется жизненными подробностями, окрашивается ярким национальным колоритом. Такова, например, басня «Крестьянин и Смерть». Знакомый сюжет обрастает здесь чисто национальными бытовыми чертами, превращается в живую сцену. В басне действует не условный, аллегорический Старик, как у Эзопа, а простой русский крестьянин. Вся обстановка, даже пейзаж, чисто русские, очень конкретные, наглядные. Жалобы старика, самое описание его тяжелого труда вводят нас в безрадостный мир крепостного, замученного непосильными поборами:

---

[1] См. об этом: В. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 149.

«Куда я беден! боже мой!
Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети.
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»

Басни Крылова — торжество живой, разговорной народной речи. Ему чужд тот языковой натурализм и грубоватость, которые отличали басни Сумарокова. Совершенство и непреходящая ценность басен Крылова в их удивительной словесной найденности, музыкальной выверенности каждой фразы, живописности и выразительности. Исчерпывающе о мастерстве Крылова сказал Гоголь: «Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов».

И еще. «Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображенья природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоено крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза» [1].

Непревзойденный знаток русской речи, Крылов обратился ко всему неисчерпаемому богатству языка, к самым разнообразным разговорным и профессиональным его формам и оттенкам. Крылов не признает никакой украшенности, искусственности или нарочитости языка. Он безбоязненно пользуется народным просторечием, «низким слогом»: «С натуги *лопнула* и — *околела»,* «от радости в зобу дыханье *сперло»*, «Мужик *ретивый* был работник», «Лев *убирал* за завтраком теленка» и т. д.

В баснях Крылова национальная форма органически слилась с народностью содержания. «Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа,— писал В. Белинский,— в его баснях, как в чистом полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущеюся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, остротою и добродушно саркастическою насмешливостью... И все это выражено в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию

[1] Н. Гоголь, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, Л. 1952, стр. 394—395.

языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство,— что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении»[1].

Кто с детских лет не знает крыловской басни о льстивой Лисице и падкой на лесть Вороне? По удивительному богатству словесных красок, оттенков, по выразительности живой, разговорной интонации эта басня — подлинное чудо! Не приходится уже и говорить, насколько она далеко ушла от эзоповской басни, с ее сухим, кратким изложением сюжета (вдобавок прозаическим). Но даже если сравнивать ее с басней Лафонтена, то легко обнаружить преимущество русского баснописца, настолько он живописнее, сочнее, красочнее по своей манере.

Басня Лафонтена «Le Corbeau et le Renard» по-своему замечательна, но она иная. У Лафонтена Лисица говорит гораздо изысканнее и суше (даже Ворон назван ею — «maitre Corbeau» — «господин Ворон»), она только приступает к обольщению Ворона, тогда как у Крылова Лиса пускает в ход все средства самой грубой лести:

«Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»

С покоряющей убедительностью Крылов передает вкрадчивость, лукавство и ласковость ее обращения всей интонацией, образностью языка, народными уменьшительными суффиксами, лексикой.

Одноименная басня Сумарокова, по сравнению с крыловской, кажется косноязычной, тяжелой, невыразительной:

«Здорово,— говорит Лисица,—
Дружок Воронушка, названая сестрица!
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша...»

Сопоставление этих басен показывает, как важен в искусстве малейший оттенок. Небольшая, казалось бы, разница делает всю

---

[1] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 150—151.

«музыку»! Ведь Крылов воспользовался отдельными деталями сумароковской басни. «Сестрица», «носок» и даже ласковое «светик» он заимствовал у своего предшественника. И все-таки в целом его басня несравнима по своему языковому совершенству. Одна лишь фраза Крылова, такая вкрадчивая и лукавая — «И верно, ангельский быть должен голосок!» — сразу же определяет всю тональность повествования. Этот пример интересен и в том отношении, что наглядно демонстрирует, какие прочные нити связывают Крылова с предшествующей традицией, с Сумароковым, Хемницером, Дмитриевым и др., без которых едва ли бы было возможно такое совершенное мастерство его басни.

В искусстве рассказа, в народности языка, в разговорном богатстве интонаций Крылов не знает равных. Его стих живописен и ритмически выразителен. Это музыка русской речи, это краски народного языка. В то же время язык Крылова предельно точен, эпиграмматически краток, ярок и полновесен. Множество стихов его обратились в пословицы и поговорки: «При красоте такой и петь ты мастерица», «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться», «А ларчик просто открывался», «Слона-то я и не приметил», «А Васька слушает, да ест» и т. д.

Уже в 1831 году, в период расцвета деятельности Крылова, журнал «Телескоп» писал о том, что «после Дмитриева и Крылова басня сделалась заповедным сокровищем нашей поэзии, до которого опасно дотрогиваться ненадежной посредственности» [1].

И действительно, многочисленные подражатели Крылова — М. Майков, А. Маздорф, А. Зилов, К. Масальский и другие, не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории басни. Басня спускается в провинцию, делается достоянием поэтов-самоучек, вышедших из крестьянской среды. К басне еще при жизни Крылова обращаются такие поэты из крепостных, как Е. Алипанов, Ф. Слепушкин, М. Суханов. Для них басня являлась особенно близким жанром благодаря доступности и простоте своей формы. Они робко критикуют самоуправство знати и наивно рассуждают на темы житейской морали.

В творчестве поэтов-искровцев басня среди других сатирических жанров занимает весьма незначительное место. «Басенные» принципы, однако, нашли широкое применение в прозе Салтыкова-Щедрина, в его сатирических «сказках».

На угасание басенного жанра в эти годы указывает и самый факт появления басен Козьмы Пруткова (собирательный

---

[1] «Телескоп», 1831, ч. II, № 6, стр. 386.

псевдоним братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого). Они зло высмеивали упрощенное понимание басни, измельчание ее тематики, банальные штампы. В то же время мораль их метко бьет мещанскую благонамеренность, обывательскую ограниченность.

6

Новый расцвет басни наступает в годы подготовки пролетарской революции. Писатели, связанные с движением пролетариата, ставят своей задачей пропаганду революционных идей, приобщение к революции широчайших народных масс. Басня, как жанр наиболее доступный и массовый, привлекает особое внимание поэтов большевистской «Звезды» и «Правды», выдвинувших из своей среды такого замечательного баснописца, как Демьян Бедный.

Д. Бедный дал новую жизнь старому классическому жанру, уже почти исчезнувшему из литературы. Расширив традиционные границы басни, он превратил ее в средство революционной пропаганды, наполнил политическим звучанием. Басни Д. Бедного были сочувственно встречены В. И. Лениным, отмечавшим талантливость баснописца [1].

Пролетарский поэт не только продолжил сатирическую традицию Крылова, но и создал новый вид басни — басню-фельетон, имеющую точный политический адрес.

Басни Д. Бедного метко и беспощадно разили фабрикантов и банкиров, помещиков, кулаков, попов. Наряду с традиционно-басенными образами и персонажами — сановными Ослами, Пауками, Мухами и пр.— действующими лицами басен становятся министры, буржуазные политики, меньшевики, эсеры. Писатель выводил их под прозрачными прозвищами или с слегка видоизмененными фамилиями.

Особую роль играют эпиграфы к басням Д. Бедного, в которых приводятся цитаты из газет или политических выступлений, подавшие фактический повод для самой басни.

Расширяя границы басенного жанра, Д. Бедный обращался и к новым художественным средствам, к манере злободневного политического фельетона. В ряде случаев басня и является таким фельетоном, в котором он страстно выступал против меньшевистских лидеров, ликвидаторов, давая резкую политическую оценку их взглядов (например, «О ликвидаторах»).

---

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 48, Политиздат, М. 1964, стр. 182.

«Мораль», итоговая нравоучительная концовка басен превращается у писателя в лозунг, в политический приговор:

Ерши, вам надо ждать великой передряги.
Объединяйтесь, миляги!

(«Щука и ерши»)

Эта боевая полемичность, фельетонная памфлетность, публицистичность — характерные черты стиля баснописца. Он перенес в басню и фельетонный прием заострения частного случая до едкого, разоблачающего обобщения-символа. Так, в басне «Притон», в которой идет речь о разбойничьем притоне, осмеиваются порядки, царившие в Государственной думе, стоявшей на страже интересов самодержавия.

Демьян Бедный создал и особый тип рассказчика басни — это умный рабочий, который оценивает все совершающееся с точки зрения интересов своего класса. Он сочувственно относится к бедняку крестьянину, хотя порой и подсмеивается над его простотой, и неотступно стоит на страже интересов рабочего класса, на партийной позиции. Это уже не лукаво-простодушный «фабулист», но политический агитатор, дающий точную, по-большевистски партийную оценку событий. Вместе с тем это и не унылый сухой дидактик, а рассказчик, наделенный знанием жизни, разбирающийся в политических событиях, не лезущий за словом в карман, хорошо знающий народный быт.

Неся в массы большевистские идеи, страстное слово революционного агитатора, Д. Бедный обращается к современному народному языку, языку крестьянских масс, рабочих, к языку политики.

В 1912—1913 годах басни Д. Бедного постоянно появлялись на страницах большевистских газет — «Звезды» и «Правды». В 1917—1919 годах он продолжает свою боевую деятельность баснописца, обращаясь к критике и разоблачению эсеров и меньшевиков, ставших на путь открытой борьбы с Советской властью.

В басенной сатире Д. Бедного видное место занимают антирелигиозные темы. Они и посейчас не потеряли своего актуального звучания. Соленый юмор этих басен служит беспощадному осмеянию корыстолюбия попов и монахов, лицемерия и бессмысленности церковных «таинств» («Богомолка», «Соборование»).

Басни Д. Бедного энергичны по своей интонации и ритму, выразительно передающему разговорную речь. Его стихи так и просятся в пословицы и поговорки, испещрены народными сло-

вечками, образны. Такие стихи, как «Кому — дурман. А нам в карман», или концовка басни «Опекуны»:

А овцы знать должны, как знать должны и куры:
Раз речь зашла о них, так быть им всем — увы! —
Одним без шкуры,
Другим без головы! —

крепкие, ладно построенные, запоминающиеся строки, унаследованные от Крылова.

Басни Д. Бедного породили целую школу его последователей. Так уже рабочие поэты «Звезды» и «Правды» вслед за ним нередко прибегали к этому популярному жанру.

7

Сатирические стихи В. Маяковского, Д. Бедного, повести и рассказы М. Зощенко, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова знаменовали бурный рост советской сатиры, направленной против сил старого мира, против тех, кто мешает строить будущее, против пережитков прошлого в сознании людей. Понятно, что и басня в этой сатирической литературе заняла заметное место.

Кроме Д. Бедного, пришедшего в советскую литературу уже сложившимся поэтом-басенником, интерес к басне в первые пореволюционные годы проявляет и В. Маяковский. Работа Маяковского в РОСТА, обращение его к агитационным и сатирическим жанрам, адресованным широким читательским кругам, и привели его к басне, как особенно популярному народному жанру («Интернациональная басня»). Среди Окон РОСТА появляются перелицовки крыловских басен («Раки и Щуки», «Ларчик просто открывается»). Но дело даже не в этих реминисценциях классической крыловской басни. Элементы басенной поэтики (сатирическая заостренность, иносказательность, обличительная концовка) можно отметить в сатире Маяковского — в «Прозаседавшихся», «Подлизе», «Ханже» и др.

Среди последователей Д. Бедного нельзя не выделить Ивана Батрака, выступившего с баснями в 20 — начале 30-х годов.

В послевоенные годы к этому жанру обращается такой своеобразный и яркий баснописец, как Сергей Михалков. Его басни заслужили всеобщее признание. Он, может быть, наиболее верный последователь Крылова, усвоил его лукавый юмор, уменье в зверином обличье остроумно высмеять людские пороки и недостатки.

Лучшие басни С. Михалкова сочетают острую злободневность с сатирическим обобщением. Он умеет находить в нашем быту,

в сознании людей пережитки прошлого. В его баснях легко узнать и злостного бюрократа («Иван Иваныч заболел...», «Енот, да не тот» и др.), и глупого обывателя-подхалима («Шарик-Бобик», «Толстый и Тонкий»), зазнавшегося начальника, позабывшего, что он должен заботиться не о своих личных интересах, а о нуждах народа. Эта разнообразная галерея бюрократов, чинуш, хапуг дополняется едкими и точно нацеленными характеристиками мещан и обывателей. Михалков умеет показать типичность характера так, что его персонажи получаются жизненными, достоверными. Таков, например, нерешительный, трусоватый Бобер, увлеченный корыстолюбивой мещанкой Лисой («Лиса и Бобер»). Или Енот, от которого никому нет никакого прока, так как он не способен кем бы то ни было руководить («Енот, да не тот»).

С. Михалков по-крыловски делает свою басню «маленькой драмой», сценкой с ясно и отчетливо обрисованными характерами персонажей, наделенными своим языком, своей интонацией. Такова, например, басня «Заяц во хмелю» — комическая сценка, участники которой показаны во всем богатстве их характеров.

Михалков-баснописец остроумен и наблюдателен. Ирония, негодующий пафос советского гражданина, рассказчика басен, утверждающего в жизни новую мораль социалистического общества, делают его произведения подлинно современными и актуальными. Многие басни Михалкова посвящены вопросам морали («Арбуз», «Муха и Пчела», «Зарвавшийся Петух»).

Для стиля баснописца характерны скупой лаконизм стиха, переходящего нередко в эпиграмму, живость и непосредственность разговорной интонации.

Словесная прочность, лаконизм и выразительность стиха, сатирическая точность прицела выделяет С. Михалкова из числа советских баснописцев.

* * *

От Эзопа до Крылова, от Сумарокова до Демьяна Бедного басня всегда откликалась на запросы и события своего времени, беспощадно разила косность, бюрократизм, мещанство.

«Басня, как сатира,— говорил Белинский,— была и всегда будет прекрасным родом поэзии, пока будут являться на этом поприще люди с талантом и умом»[1].

Н. Степанов

---

[1] В. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 576.

антиох
кантемир

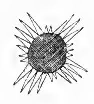
ЯСТРЕБ, ПАВЛИН И СОВА

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит быв, на его чин из воздушна рода
Трое у царя орла милости просили:
Ястреб, сова и павлин, и все приносили,
Чтоб правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястреб храбрость представлял и многие годы,
В которых службы на ся военной нес бремя;
Сова сулила не спать век в ночное время;
Павлин хвастал перьями и хвостом пригожим.
Кто, мнишь, казался царю в воеводск чин гожим?
Сова; ястребу отказ, отказ и павлину.
Орел, своего суда изъяснив причину,
Сказал, что ястреб хоть храбр, хоть и многи леты
В военной службе служил, достойно приметы
Ничего не учинил; почему уж мало
И впредь плода ожидать: в ком бо славы жало
С младых лет не действует — седина бесплодна;
Что павлину перья так, как и гордость сродна;
А сова нравом тиха, ссор она напрасно
Не ищет, знает себя защищать согласно
Своим силам, когда кто вредить ей желает;
Недремно та бодрствует, пока унывает
Прочее племя во сне. Таков воевода
Годен к безопасности целого народа.

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАН

Искусный в деле своем восколей, прилежно
Трудився, излил болван, все выразив нежно
В нем уды, части, власы, так что живо тело
Болванчика того быть всяк бы сказал смело.
Окончив все, не умно забыл отдалити
Болван от огня, где воск случилось топити.
Осягл жар пламени воск, расползлося тело
Болванчика; пропал труд, пропало все дело.

Кто дело свое вершив, утвердить желает
В долги веки, должен все, что тому мешает,
Отдалять и, что вредит, искоренять скоро;
Без того дело его не может быть споро.

МИХАИЛ
ЛОМОНОСОВ

* * *

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье Волк
И взял пастуший посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидел там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду.
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако, чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкий сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедный Волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.

Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

* * *

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что притом и кошелек неспор.
Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа,
Не усмотрел ли он, спросил, утопшей следа.
Сосед советовал вниз берегом идти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о том не сумневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

* * *

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо рассудилось.
Он ехал на осле, а следом парень шел;

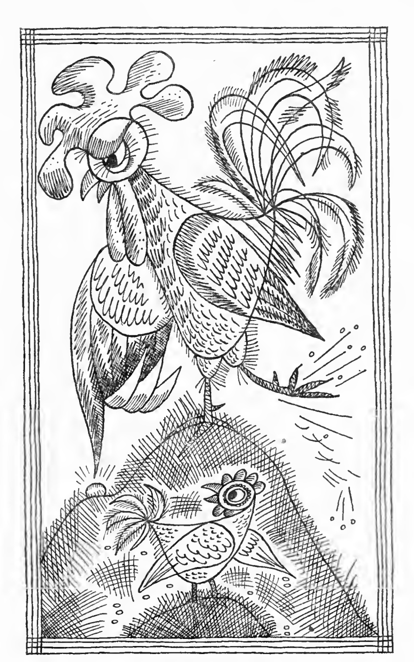
И только лишь с горы они спустились в дол,
Прохожий осудил тотчас его на встрече:
«Ах, как ты малому даешь брести толь далече?»
Старик сошел с осла и сына посадил;
И только лишь за ним десяток раз ступил,
То люди начали указывать перстами:
«Такими вот весь свет наполнен дураками:
Не можно ль на осле им ехать обойм?»
Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
Однако чуть минул местечка половину,
Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
Тогда старик осла домой поворотил
И, скуки не стерпя, себе проговорил:
«Как стану я смотреть на все людские речи,
То будет и осла взвалить к себе на плечи».

Василий
Тредиаковский

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее: «Что нужды, говорит,
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?
Желал бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюем дворовые мы птицы;
К тому ж, мне на себе сей вещи не носить;
Да и не может та собой меня красить.
Итак, другим она пусть кажется любезна,
Но мне, хоть и блестит, нимало не полезна».

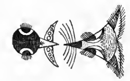
ПЕС ЧВАН

Лихому Псу звонок на шею привязать
Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
Что Пес тот лют добре; затем бы прочь бежали
Иль палку б на него в руках своих держали.
Но злой Пес, мня, что то его мзда удальства,
Стал с спеси презирать всех лучшего сродства.
То видя, говорил товарищ стар годами:
«Собака! без ума ты чванишься пред нами;
Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
Что нравами ты зол, а разумом щенок».

ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде Вóрону унесть сыра часть случилось;
Нá дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того домочься б, вздумала такую лесть:
Вóронову красоту, перья цвет почтивши,
И его вещбу еще также похваливши,
Прямо, говорила, птицею почту тебя
Зевсовою впрéдки, буде глас твой для себя,
И услышу песнь доброт всех твоих достойну.
Ворон похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать;
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Ворон; только ты без
сердца мех».

ГОРА, МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ

Напружившись, гора из глубины стонала,
Как будто час настал родить ей, тем казала.
Сей случай всех привел людей в прекрайний страх,
Боящихся, чтоб как не задавил их прах,
Но выскочила мышь из той внезапным спехом,
Итак людска боязнь скончилась общим смехом.

ПЕС И ПОВАР

Вбежав в поварню, Пес (его не усмотрел
В то время Повар там, имея много дел)
Лежаще на столе тут сердце от скотины
Схватил и побежал зараней от дубины.
Того, как говорят, тогда он проводил
Такою речью вслед, которою грозил:
«Изрядно, что теперь ты мог унесть добычу!
Но даром то тебе не пройдет стару хрычу:
Как можно, застигу тебя я где-нибудь
И палкою потщусь бока тебе все вздуть:
Не сердце у меня унесено тобою;
Но придано к тому, которое со мною».

ЛЕВ-ЖЕНИХ

В девицу негде Лев влюбился не смехом
И захотел ей быть он вправду женихом;
Затем к отцу ее пришед тогда нарочно,
Ту просит за себя отдать в замужство точно.

Отец Льву отвечал: «Твоим ли я отдам
Ногтищам так кривым и острым толь зубам
Мою в замужство дочь, толь нежную всем телом?
И может ли сие быть неопасным делом?
Без тех бы, впрочем, мне ты был достойный зять,
И можно б дочь мою тебе женою взять».
Лев от любви своей почти ума лишился;
Чего для, как просил отец тот, не щитился.
И пазногти свои тому дал срезать он,
А зубы молотком все-навсе выбить вон.
Итак тот человек легко Льва побеждает,
Потом, ударив в лоб долбнею, убивает.

александр
сумароков

ВОЛК И ЯГНЕНОК

В реке пил Волк, Ягненок пил,
Однако в низ реки гораздо отступил;
Так пил он ниже;
И следственно, что Волк к тому был месту ближе,
Отколе токи вод стремление влечет;
Известно, что вода всегда на низ течет.
Голодный Волк Ягненка озирает;
От ужаса Ягненок обмирает
И мнит: не буду я с ягнятками играть,
Не станет на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирели,
И птички для меня впоследние пропели,
Не на зеленом я скончаюся лугу,
Умру на сем песчаном берегу.
Волк почал говорить: «Бездельник, как ты смеешь
Питье мое мутить
И в воду чистую мне сору напустить?
Да ты ж такую мать имеешь,
Которая, ко мне учтивства не храня,
Вчера блеяла на меня».
Ягненок отвечает,
Что мать его дней с тридцать умерла;
Так Волка не она ко гневу привела;
А ток воды бежит на низ, он чает,
Так Волк его опивок не встречает.
Волк третьею виной Ягненка уличает:

«Не мни, что ты себя, бездельник, извинил.
Ошибся я, не мать, отец меня бранил».
Ягненок отвечал: «Тому уж две недели,
Что псы его заели».
«Так дядя твой иль брат,
Иль, может быть, и сват,
Бранил меня вчера, я это знаю точно,
И говорю тебе я это не нарочно».
Ягненков был ответ:
«Всея моей родни на свете больше нет;
Лелеет лишь меня прекрасная пастушка».
«А! а! вертушка,
Не отвертишься ты; вчера твоя пастушка
Блеяла на меня: комолые рога
И длинный хвост у этова врага,
Густая шерсть, копыта не велики;
Довольно ли тебе, плутишка, сей улики?
Пастушке я твоей покорнейший слуга
За то, что на меня блеять она дерзает,
А ты за то умри». Ягненка Волк терзает.

СКУПОЙ

Ни шелега в мошне бедняжка не имел,
А воровати не хотел;
Занять нельзя; такие тут обряды,
Что надобны заклады
Да росты ради барыша.
А у него кафтан, рубашка да душа,
Закладов нет, он терпит голод
И холод.
«Мне лучше смерть»,— бедняжка говорит
И хочет отравиться;
Но яд не скоро уморит;
Пошел давиться.
Был дом старинный развален,
Остатки только были стен:

Пошел туда бедняк, веревку вынимает,
К кирпичью гвоздь наладя, прижимает
И почал колотить:
Стена обрушилась, и выпало оттоле
Червонцев тысяча иль, может быть, и боле;
Бедняжку льзя всего теперь позолотить.
Бедняжка обомлел, в веселье тает,
Червонцы те хватает,
От радости дрожит
И, добычь ухватив, домой бежит.
Пришел хозяин дома,
Обрушена стена,
А деньги не солома,
Другая им цена;
Скупого сердце ноет.
Скупой кричит и воет:
«Сокровище мое! куда сокрылось ты?
Лишился я твоей навеки красоты.
Веселие мое и свет мой! Я с тобою
Расстался самою лютейшею судьбою;
Погибни, жизнь моя.
Сокровище мое! с тобой умру и я,
Не отменю сего я слова».
Скупой!
Веревка тут готова;
Пожалуй, лишнего не пой;
Однако он и сам не много норовился
И удавился,
Доволен только тем ко смерти приступил,
Что он веревки не купил.

КОШКА

Привычку одолеть гораздо трудно,
Природу одолеть гораздо чудно.
Я нечто вам об этом предложу
И басенку скажу.

Я кошек не люблю и кошачья язы́ка;
А больше мне всего противна их музы́ка.
Но был какой-то господин,
Хозяйки не имел, и жил один,
И кошку не в издевку
Любил, как девку;
Да кошка по его не знает говорить.
Просил богов, чтоб кошку претворить,
Чтоб кошка человеком стала
И под алмазами, как барыня, блистала.
Исполнили они желание его.
У кошки кошачья нет больше ничего.
На кошке фижбейная юбка
Из китовых усов,
Алмазы светятся из волосов,
И ходит кошка, будто шлюпка,
Да только по сухом пути:
Водой пешком нельзя идти;
У кошки не один костей на юбке ярус,
А юбка дуется в погоду, будто парус.
Настал его желания конец:
Женился наш на кошке молодец
И до приятнейша дошел часа́ и места:
Он лег, легла невеста;
Вдруг выбежала мышь. О, рок! о, случай злой!
Вскочила барыня за ней с одра долой.
Пресеклась барину потешиться дорожка,
Вскочила барыня и стала кошка.

ЯЙЦО

Когда снега не тают,
Робята из него шары катают,
Сертят
И шар вертят;
Шар больше становится:

Шарочек их шарищем появится.
Да кто ж
На шар похож?
Ложь.
Что больше бродит,
То больше в цену входит:
Снежной шаришка будет шар,
А изо лжи товаришка товар.
«Ах! Ах! Жена, меня околдовали,—
Кричит муж, лежачи, жене,—
Я снес яйцо».— «Никак ты видел то во сне;
Такие чудеса на свете не бывали».
«Я снес яйцо, ах, женушка моя!
Уж я
Не муж твой, курица твоя,
Не молви этого с соседкой;
Ты знаешь, назовут меня еще наседкой».
«Противно то уму,
Чтоб я сказала то кому».
Однако скажет;
Болтливой бабе черт язы́ка не привяжет.
Сказала ей,
А та соседушке своей.
Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире:
Яйцо, два, три, четыре,
И стало под вечер пятьсот яиц.
Назавтре множество к уроду
Сбирается народу
И незнакомых лиц.
Зачем валит народ? Валит купить яиц.

МЫШИЙ СУД

Не столько страшен зайцам псарь,
Медведь и волк щенятам,
Мертвец и черт робятам,
Ни челобитчикам бездушный секретарь,

Как кошка некая в большом мышей содоме,
В каком-то доме,
Страшна мышам была.
Хотя она с мышей подарков не брала,
Да только худо то, что кожи с них драла,
И срезала их с кону.
Она решила все дела
Не по мышачьему, по кошачью закону.
Стараясь от таких спастися мыши бед,
Хотели воевать, да пушек нет;
Не притронýлися без рукавиц к крапиве,
Лишь только сделали над кошкой суд.
Была у них мышь грамотная тут,
Делец и плут,
В приказе родилась и выросла в архиве.
Пошла к архиву красть;
Она с робячества любила эту сласть,
Подьяческую страсть,
И должно от нее всё дале было класть:
Тетрадей натаскала,
Статейку приискала
И предложила то;
А что?
Чтоб кошку изловить и навязать на шею
Ей колокол тотчас;
Чтоб им сохранными повесткою быть сею;
И говорит мышам: «Которая из вас
Исполнит мой приказ?»
Ответствовали все ей на это: «Не смею».
«А я,— сказал делец,— хоть мужество имею,
Да только кошек я ловити не умею».

БЛОХА

Минерва, вестно всем, богиня не плоха:
Она боярыня, графиня иль княгиня,
И вышла из главы Юпитера богиня:
Подобно из главы идет моей блоха.
О Каллиопа, пой блохи ты к вечной славе:
    И возгласи ты мне
То, что пригрезилось сей твари не во сне,
                    Но въяве!
Читатели! блохой хочу потешить вас,
    Внемлите сей мой глас
    И уши протяните,
А тварь такую зря, меня воспомяните.
Была, жила блоха, не знаю как, она
    Вскочила на слона.
Слона потом вели на улицах казаться
И на ногу с ноги сей куче подвизаться.
        Вы знаете, что зайца больше слон,
        И не взойдет он жареный на блюдо:
И ежели когда прохаживается он,
Сбегается народ смотреть на это чудо.
                    Блоха моя,
                    Народ увидя
    И на слоне великолепно сидя,
Гордяся, говорит: «О, коль почтенна я!
Весь мир ко мне бежит, мир вид мой разбирает
И с удивлением на образ мой взирает;
    Судьба моя, довольна я тобой:
    Я землю зрю далеко под собой,
    И все животное я вижу под ногами!»
    Блоха на небесах, блоха равна с богами.
    И почала блоха от радости скакать.
        Скача, с слона упала,
                    Пропала,
    И трудно новую богиню нам сыскать.

СПОРЩИЦА

Скажи, о Муза, мне, какой злой гнев жену
Принудил объявить жестокую войну
Противу своего возлюбленного мужа,
И глупость может ли жене злой быти чужа!
Муж будет побежден; сунбурщица, не трусь
И сделай нам над мужем шутку.
Поставили на стол большую утку.
Жена сказала: «Это гусь».
«Не гусь, да утка то», — муж держит это твердо.
«О сатана! —
Кричит жена, —
На то ли я с тобой сопряжена?
Вся злобой внутренна моя разожжена».
Кричит без памяти, пылит немилосердо:
«Коль ты ослеп, я шлюсь на вкус,
Иль я тебе такой дам туз,
Что ты задремлешь,
Коль гуся моего за утку ты приемлешь!»
Отведал муж: «Душа! сокровище! мой свет:
Гусинова и запаха тут нет».
«Бездельник, это гусь, я знаю это прямо».
«Пожалуй, женушка, не спорь ты так упрямо.
Я шлюсь на всех людей, что утка то, не гусь.
И в этом не запрусь».
Но чем окончилася шутка?
Жена ему дала туза
И плюнула в глаза.
Признался муж: на стол поставлен гусь, не утка.

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.

У Льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.
А Львы живут не скудно;
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики.
Пришла вонь Волку к носу;
Волк это объявил в беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут:
И смеют ли в такие толки
Входить о Львовом доме Волки?»
А чтобы бредить Волк напредки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут;
Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напредки не сплетай ты лести,
А за такие вести
И за приязнь
Прими и ты достойну казнь».
Преставился Волчишка,
Преставилась Мартышка.
«Скажи, Лисица, ты,— хозяин вопрошал,—
Какой бы запах нам дышал?
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег севодни нос».

МЫШЬ И СЛОН

Вели слона, и отовсюду
Сбегается народ.
Смеется мышь: «Бегут, как будто к чуду;
Чего смотреть, когда какой идет урод?
Не думает ли кто, и я дивиться буду?
А он и чванится, как будто барин он:
Не кланяться ль тогда, когда тащится слон?
Сама я спесь имею ту же
И знаю то, что я ничем его не хуже».
Она бы речь вела
И боле;
Да кошка бросилась, не ведаю отколе,
И мыши карачун дала.
Хоть кошка ей ни слова не сказала,
А то, что мышь — не слон, ей ясно доказала.

ОВЦА

Был дождь; овечушка обмокла, как лягушка:
Дрожит у ней тельцо и душка,
И шуба вся на ней дрожит;
Сушиться надлежит;
Овца к огню бежит.
Ах! лучше б ты, овца, день целый продрожала
И от воды к огню, безумка, не бежала.
Спросила ль ты, куда дорога та лежала?
Какую прибыль ты нашла?
В поварню ты зашла.
То подлинно, что ты немного осушилась;
Да шубы ты лишилась.
К чему, читатель, сей рассказ?
Я целю вить не в бровь, я целю в самый глаз:
Зайди с челобитьем когда в приказ.

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу
Невежи жуки
Вползли в науки
И стали патоку пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат;
Великий шум во ульи начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон,
И жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите».

СОВА И РИФМАЧ

Расхвасталась Сова,
В ней вся от гордости и злобы кровь кипела,
И вот ее слова:
«Я перва изо птиц в сей роще песни пела,
А ныне я, за то, пускаю тщетный стон;
Попев, я выбита из этой рощи вон:
За сладко пение и бедство претерпела».
Ответствовал Сове какой-то Стихоткач,
Несмысленный Рифмач:
«Сестрица! я себе такую ж часть наследил,
Что первый в городе на рифмах я забредил».

КОЛОВРАТНОСТЬ

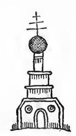
Собака кошку съела,
Собаку съел медведь,
Медведя, зевом, лев принудил умереть,
Сразити льва рука охотничья умела,
Охотника ужалила змея,
Змею загрызла кошка.
Сия
Вкруг около дорожка.
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что все на свете коловратно.

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад,
Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз, и стал он по́ миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста.
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:
«Дай милостынку кто мне, для ради Христа,
Подайте, ради бога:
Я целый день не ел, и наступает ночь».
Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
Куда лежит тебе дорога;

Давно тебе пора, безногий, умирать,
Ползи, и не мешай мне в шахматы играть».
Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.
Я выглянул в окно,
Мне стало то смешно,
За что я спéрва злился,
И на безногого я, смóтря, веселился:
Идти ко всенощной была тогда пора;
Купецкая жена была уже стара
И очень богомольна;
Была вдова и деньгами довольна:
Она с покойником в подрядах клад нашла;
Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что колико можно,
Жила она набóжно:
Все дни ей пятница была и середа,
И мяса в десять лет не ела никогда,
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверх того, всегда
Перебирала четки.
Солдат и ей о пище докучал,
И тож ворчал.
Защекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набóжной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала.
Заплакала вдова и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды,
И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, все отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.

ПОДЬЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Не ложно,
Что можно
Себя по виду обмануть
И тварью тварь почесть иною;
Случилось ныне то со мною:
Не на прямой попал я путь.
Кокетку видел я в подьяческой беседе,
У регистратора быв в праздник на обеде;
Я сам не ведаю, как я туда зашел,
А то еще чудняй, кокетку тут нашел:
Кокетствовать не в моде
Подьяческой породе.
И помнится, нигде тово в указах нет,
Чтоб им носить корнет;
Льзя им чепец носить, треух, а по приволью,
И шапку иногда соболью:
К уборам едаким приказных женщин лоб;
И можно им носить кумачну телогрею,
От самых пят по шею;
А на этой корнет и флеровый салоп.
По-благородному она всю речь варила,
Новоманерными словами говорила;
Казалося, что в ней была господска кровь;
То фрукты у нее, что в подлости морковь.
Тут, сидя, не пила ни кислых щей, ни квасу
И спрашивала, где промыслить ананасу.
Коврижки сахарной кусочки клала в рот
И знала то, что ето цуккерброт.
По моде нынешней некстати все болтала,
Некстати хохотала.
Играть хотела и в трисет,
Да троек нет;
Подьячие из карт те карты выбирают,
Понеже ни в трисет, ни в ломбер не играют.
Нахлюставшись, писцы о взятках стали врать,
И что-де подлежит за труд и кожу драть,
Не только брать;
За то ругают нас, да это нам издевка.
При сих словах вздохнула девка
Во всю девичью мочь
И отошла, зардевшись, прочь.

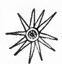
Она подьяческая дочь.
Блаженной памяти ее родитель грешен:
За взятки он повешен;
До взяток был охоч
И грабил день и ночь.
Живот его остался весь на рынке;
Однако деньги все осталися ей в скрынке.

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан.
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку:
Был идол, попросту болван.
И зачали болвану все молиться,
Слезами пред болваном литься
И в перси бить;
Кричат: «Потщися нам, потщися пособить!»
Всяк помощи великой чает.
Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает:
Не слушает болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
Перед его пришедших олтари
И деньги грабят
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и сребра

И не видав себе молебщики добра,
Престали кланяться уроду
И бросили болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла,
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока, ни шерсти».

КОБЕЛЬ И СУКА

У Кобеля взяла для нужды Сука ларь.
Просила так: «Пожалуй, государь,
Пусти меня в него на время,
Поколь мое пройдет беремя,
А сам ты выйди вон».
Не грубиян был он:
Она брюхата;
К ее услугам хата.
Почтенье к дамам он имел,
И как на свете жить, он это разумел.
Благополучно тут на свет пошли щенятки,
И ползают робятки;
Пора квартеру покидать,
Да просит и она, и сыновья, и дочки
У Кобеля отсрочки;
Учтивый кавалер отсрочку должен дать.
Еще, еще, и так давно прошло беремя:
Стоялице съезжать давно с квартеры время.
Вздурили наконец отсрочкою его.
«Ступайте, говорит, из дома моего».
А Сука уж не так хозяина встречает
И напрямки ему: «Не выйду, отвечает,
Поди ты прочь,
А мне отсрочь
И помни, позабыв пустые враки,
Что стали уж мои щенки теперь собаки».

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Не верь бесчестного ты миру никогда
И чти врагом себе злодея завсегда.
С волками много лет в побранке овцы жили,
С волками наконец
Установлен мир вечный у овец.
А овцы им собак закладом положили.
Одной овце волк брат, той дядя, той отец;
Владычествует век у них Астреи в поле,
И сторожи овцам не надобны уж боле.
Переменился нрав и волчье естество.
А волки, дав овцам отраду,
Текут ко стаду
На мирно торжество.
Не будет от волков овцам худых судьбинок,
Хотя собак у стада нет;
Однако римляне сабинок
Уносят на подклет.
Грабительски сердца наполнилися жолчью;
Овечье стадо все пошло в поварню волчью.

ЗАЯЦ

Толкнул какой-то льва рогами зверь:
За то скотине всей рогатой
Несчастие теперь
И ссылка платой.
В приказ
Пришел о том указ.
Готов осмотр, и высылка готова.
Ступай, не говори ни слова,
И понесите вон отсель тела,
Рога и души.
Великий зайцу страх та ссылка навела:

Рогами, мнит, почтут в приказе зайчьи уши.
До зайца тот указ ни в чем не надлежит;
Однако он, как те подобно, прочь бежит.
Страх зайца побеждает,
А заяц рассуждает:
Подьячий лют,
Подьячий плут;
Подьяческие души
Легко пожалуют в рога большие уши.
А ежели судьи и суд
Меня оправят,
Так справки, выписки одни меня задавят.

ПРОТОКОЛ

Украл подьячий протокол;
А я не лицемерю,
Что этому не верю.
Впадет ли в таковой раскол
Душа такого человека!
Подьячие того не делали в век века.
И может ли когда иметь подьячий страсть,
Чтоб стал он красть!
Нет, я не лицемерю,
Что этому не верю:
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да правда говорит гораздо красноречно:
Уверила меня, что было то, конечно.
У правды мало врак;
Не спорю, было так.
Судья того приказа
Был добрый человек,
Да лишь во весь он век
Не выучил ни одного указа.
Однако осудил за протокол

Подьячего на кол.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мне жалко только то: подьячий мой
Оттоль не принесет полушечки домой.
Подьячий несколько в лице переменялся,
И извинялся,
На милосердие судью маня,
И говорил: «Попутал черт меня».
Судья на то: «Так он теперь и оправдался.
Я, право, этого, мой друг, не дожидался.
За протокол
Его поймать и посадить на кол».
Однако ты, судья, хоть город весь изрыщешь,
Не скоро черта сыщешь;
Пожалуй, справок ты не умножай
Да этого на кол сажай.

СУД

Жил-был судья мартышка
И следственно, имел мартышкин и умишка.
«Судья, дай толк,—
Сказал так волк: —
Лисица заорала,
Украла
Овцы кусок
Без сожаленья
Из волкова именья;
Так дай ей сок».
Лисица не молчала
И отвечала:
«Клянусь тебе, судья,
Что отроду нигде не крала мяса я».
Прогневалася вся судейская утроба,
Кричит судья: «Вы лжете оба,

Лишь тем утруждена судейская особа;
Я с вами более не говорю;
Подите к моему секретарю;
В землянке он живет во срубе,
Берлогу он пасет
И лапу в ней сосет,
И летом и зимой в медвежьей ходит шубе».

КИСЕЛЬНИК

Гороховый кисель мужик носил
И конопляно масло.
Кисель носить его желание погасло;
Так это ремесло кисельник подкосил;
Маленек от него доход; ему потребно
Другое, и другим он начал торговать,
А именно: он начал воровать,
Такое ремесло гораздо хлебно.
Замаранная маслом тварь
Зашла в олтарь.
Не повинуяся ни богу, ни закону,
Украл из олтаря кисельник мой икону,
И другу своему он это говорил;
А тот его журил:
«Кафтана твоего не может быти гаже;
Ты весь от масла будто в саже;
Пристойно ль в олтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть,
И платьице почище я имею,
Да я из олтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты творца,
Отъемля у меня на Вышнего надежду.
Не смотрит бог на чистую одежду;
Взирает он на чистые сердца».

ДЕВКА

Вдруг девка, на реке мыв платье, зарыдала
И в тяжкой горести об этом рассуждала:
Как замужем родит иль сына, или дочь,
А что носила во утробе,
Увидит то во гробе.
Вообрази себе ты, девка, перву ночь!
Повеселяе девка стала
И вдруг захохотала.
Не плачь, не хохочи, дружочек мой,
Да платье мой!

ЛЕВ И КЛОП

Клоп дерзкий Льва кусал
И вместо яда вонь на Льва бросал.
Пойман Клоп: трепещет он от страха
И думает: не будет больше праха
На свете моего;
Однако Лев не раздавил его,
Сказав ему: «Клопы мной вечно не попрутся:
Ты ведай то, что львы с клопами не дерутся».

СТРЕКОЗА

В зимне время подаянья
Просит жалко Стрекоза,
И заплаканны глаза

Тяжкого ее страданья
Представляют вид.
Муравейник посещает,
Люту горесть извещает,
Говорит:
«Стражду;
Сжалься, сжалься, Муравей,
Ты над бедностью моей,
Утоли мой алч и жажду!
Разны муки я терплю:
Голод,
Холод;
День таскаюсь, ночь не сплю».
«В чем трудилася ты в лето?»
«Я скажу тебе и это:
Я вспевала день и ночь».
«Коль такое ваше племя,
Так лети отсель ты прочь:
Поплясати время».

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу;
Однако для-ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основана сия над страшным куча адом,
Наполнена различным гадом,
Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека
Текли часы златого века,

Когда еще наук премудрость не ввела,
И в свете истина без школ еще цвела,
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель;
И, словом, я скажу вот это на конец:
Реченны пастухи вчера пасли овец.
По всякий день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка.
И словом так:
Из паства сделали они себе кабак, —
Во глотку,
И в брюхо, и в бока,
Наместо молока,
Цедили водку,
И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имев небесным царством.
От водки голова болит;
Но водка сердце веселит;
Молошное питье не диво;
Его хмельняй и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить!
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
И тварию их он презренною считал,
Что низки так они, живут колико низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира
И бьют сего
Без милосердия невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого;
Однако Пан пришел спасти Сатира бита:
Сатира отнял он, и говорил им Пан:
«За что поделали ему вы столько ран?
Напредки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте.
А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг;
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много».

КОТ И МЫШИ

Был кот и взятки брал:
С мышей он кожи драл,
Мышей гораздо мучил
И столько им наскучил,
Чиня всегда содом,
Что жительство мышей, а именно тот дом,
Казался жителям сим каторгою лютой;
Свирепый тот
Мучитель-кот
Десятка по два их щелкал одной минутой.
Ненасытимый кот и день и ночь алкал
И целу армию мышей перещелкал.
Вся помочь им от ног; однако худы танцы,
В которых можно захромать,
А может быть, еще и ноги изломать;
Зарылись наконец они в подполье в шанцы,
Чтоб кот не мог их более замать,
И ни одна оттоле не выходит;
Ни мышачья хвоста кот больше не находит
И тщетно разевает рот:
Постится кот;
Прошли котовы хватки;
Простите, взятки!
Подьячий! знаешь ты,
Как мучатся коты,
Которы ничего содрать не могут боле,
И сколько тяжело в такой страдати доле.
Сыскал мой кот себе подьяческий крючок:
Умыслил дать мышам он новенький щелчок,
И задними он гвоздь ногами охватил,
А голову спустил,
Как будто он за то, что грешен,
Повешен,
Являя, что мышам уже свободный путь:
И льстится мой мышей подьячий обмануть.
Не слышно более разбойникова шуму;
Так мыши сделали в подкопе думу,
Не отступил ли прочь герой,
И из коллегии все выступили в строй;
И, чтя кота не за безделку,
Выглядывают только в щелку.

Увидели, что кот их жив
И лжив;
Ушли назад, крича: «По-прежнему кот бешен,
По-прежнему с нас кот стремится кожи драть
И взятки брать,
Хотя уж и повешен».

НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Порядок естества умеет бог уставить
И в естестве себя великолепно славить.
К Юпитеру принес крестьянин календарь
И расписал подробно
Ко хлебородию для года что способно:
Когда потребен дождь, сушь, холод, жар.
Он книжку ту подносит
И просит,
Чтоб было только то лишь ради нив его.
Юпитер отвечал: «Я сам того
Не сделаю, опричь тебя, ни для кого;
Я больше разума имею,
И сделать календарь получше я умею;
А ежели когда бывает он и худ,
То тайна естества, и праведен мой суд».
Крестьянин этому не верит:
«Вот так-то,— мыслит он,— Юпитер лицемерит.
Когда бы в небесах между богов я жил,
Совсем бы естество не так расположил:
Всегда б была весна, всегда цвели бы розы,
И не было б зимы;
На что морозы?
И ввек бы не пахали мы;
Не молвил бы тогда прикащик: «Вы ленивы»,
И хлеб давали б нам несеяные нивы.
А это что за свет!
Весь год покою нет.
Рождались бы собой домашние потребы:
С горохом пироги, печены хлебы;

А я бы на печи нетопленной потел,
И гусь бы жареный на стол ко мне летел».
Настало: кончилось его желанно лето.
А сделалось вот это:
Не возвратилися в деревню семена,
И с нив мужик пожал их только имена.

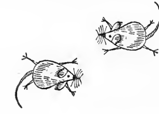

НАДУТЫЙ ГОРДОСТЬЮ ОСЕЛ

Осел вез дровни; в них стоит большой кумир;
Сбегается весь мир;
Безумные народы,
Противу разума и чувствия природы,
Зовут его владыкой и отцом
И господом творцом;
На землю падая, во громогласном крике,
Творят моление вселенныя владыке;
Никто и намекнуть того тогда не мог,
Что едет то не бог;
За это мудреца не палкой приударят:
Изжарят;
Кому захочется пропасть?
Мала у разума: у силы больше власть.
Кричат и мудрецы, не только протчи люди:
«О творче, милостив ко твари вечно буди!»
Присвоил тут Осел себе тот весь поклон,
И думает — бог он.
Кричит: «Я, я вселенной обладатель,
Земли и небеси создатель
И блага всякого податель».
Недолго был Осел в претяжкой сей вине,
Ударили его дубиной по спине,
И глупому Ослу то ясно показали
И доказали,
Сломив дубиной гордый рог,
Что он — Осел, не бог.

ДВЕ КРЫСЫ

Сошлись на кабаке две крысы
И почали орать:
Бурлацки песни петь и горло драть
Вокруг поставленной тут мисы,
В котору пиво льют
И из которыя подчас и много пьют.
Осталося немного пива в мисе,
Досталося то пиво крысе:
Довольно нектару одной и мало двум;
Одна берет на ум:
«Лишуся этой я забавы,
Когда сестра моя пренебрежет уставы
И выпьет нектар весь она
Одна
До дна;
В приказах я бывала,
И у подьячих я живала;
Уставы знаю я».
И говорила ей: «Голубушка моя!
Ты кушай, радость, воду
И почитай во мне, дружочек, воеводу;
Вить я его;
А про хозяина, сестрица, твоего
Не только слуха,
Да нет и духа».
И пиво выпила досуха,
А мерою с два брюха.
Сестра ворчит и говорила так:
«Такой беседой впредь не буду я ласкаться
И на кабак
За воеводскими я крысами таскаться».

ВЫСОКОМЕРНАЯ МУХА

Лошак большое бремя нес,
А именно телегу вез,
Грузна была телега,
Хотя у Лошака и не велика нега;
Однако он
Не слон,
И если взрючено пуд тридцать, так потянет,
Попреет и устанет.
А Муха на возу бренчит
И Лошаку: «Ступай, кричит,
Ступай скоряй, ступай, иль я пустое мелю?
Не довезешь меня ты эдак и в неделю
Туда, куда я целю».
Как будто тот Лошак для Мухи подряжен
И для нее впряжен.
Ярится Муха дюже,
Хотя она боярыня мелка,
И жестоко кричит на Лошака
За то, что он везет телегу неуклюже.
Раздулась барыня; но есть и у людей
Такие господа, которые, и туже
Раздувшися, гоняют лошадей,
Которы возят их и коих сами хуже.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

По мрачной нощи
Приятно воспевал на древе Соловей;
Еще прекрасняе тогда казались рощи
От песни сей.
Робята у дерев тут ветви отнимали,
Деревья свежие ломали
И песне Соловья нимало не внимали.
Кукушка говорит: «Ты пой или не пой,
Невнятен, Соловей, прохожим голос твой;

Такая песенка приятна не бывала.
А если я открою рот,
Так пенье в рощах сих пойдет наоборот».
Закуковала
И во́пит на суку.
Робята песню ту внимают
И прутья не ломают,
Да только лишь кричат за ней: «куку, куку».
Кукушке подражать не трудно:
Она поет не чудно.
С пастушкой шел пастух,
И стали зажимать от хорной песни слух.
Потом и Соловей запел; они внимают,
Увеселяя дух,
А те опять себе деревья тут ломают.
«Что? — спрашивал Кукушку Соловей,—
Не лучше ль песенка твоя моей?»
Достойной похвалы невежи не умалят,
А то не похвала, когда невежи хвалят.

ПОРЧА ЯЗЫКА

Послушай басенки, Мотонис, ты моей:
Смотри в подобии на истину ты в ней
И отвращение имей
От тех людей,
Которые ругаются собою,
Чему смеюся я с Козицким и с тобою.

В дремучий вшодши лес,
В чужих краях был пес,
И, сограждан своих поставив за невежей,
Жил в волчьей он стране и во стране медвежьей.
Не лаял больше пес: медведем он ревел
И волчьи песни пел.
Пришед оттоль ко псам обратно,
Отеческий язык не кстати украшал:

Медвежий рев и вой он волчий в лай мешал,
И почал говорить собакам непонятно.
Собаки говорили:
«Не надобно твоих нам новеньких музы́к,
Ты портишь ими наш язык»,—
И стали грызть его и уморили.
А я надгробие читал у пса сего:
«Вовек отеческим язы́ком не гнушайся
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся».

ЧИНОЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ

Известно то, что многим
Чины давно вошли в оброк четвероногим;
Калигулы коню великое давно
Достоинство дано;
Однако не одни лошадки
Имели таковы припадки,
Но многие скоты
Носили без плодов почетные цветы.
Взмурзилась и Свинья, чтоб ей повеличаться
И чином отличаться;
За чин-де более всего на свете чтут,
Так, точно главное достоинство все тут;
А без того была какая бы причина
Искать и добиваться чина?
Отказано свинье; в ней кровь кипит:
Свинья свиньей храпит,
Свинья змеей шипит
И от досады той не ест, не пьет, не спит.
О чем Свинья хлопочет!
Какой-то Философ то видит, и хохочет,
И говорит он ей: «Безумная Свинья!
Скажи, голубушка моя,
К чему названия Свинья пустова хочет?»

Она ответствует ему:
«К тому,
Чтоб было сказано когда о мне в банкете,
Как я войду в чины:
Превосходительной покушай ветчины».
Он ей ответствовал: «Коль нет меня на свете,
На что мне чин, душа?
Свинина же притом не чином хороша».

КАЛИГУЛИНА ЛОШАДЬ

Калигула, любовь к лошадушке храня,
Поставил консулом коня;
Безумну цесарю и смрадному маня,
Все чтут бояриным сиятельна коня;
Превосходительством высоким титулуют;
Как папу в туфлю, все лошадушку целуют;
В сенате от коня и ржание и вонь.
По преставлении Калигулы сей конь,
Хотя высокого указом был он роду,
Не кажется уже патрицием народу,
И возит Консул воду.
Невтон,
Не брав рецептами к почтению лекарства,
В почтенье жил без барства,
В почтенье умер он.

СТРЯПЧИЙ

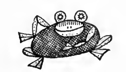
Какой-то человек ко стряпчему бежит:
«Мне триста, говорил, рублей принадлежит,

Что делать надобно тяжбою, как он чает?»
А стряпчий отвечает:
«Совет мой тот:
Поди и отнеси дьяку рублей пятьсот».

ЗАЯЦ И ЛЯГУШКИ

Испуган Заяц и дрожит,
И из кустарника к болоту он бежит.
Тревожатся Лягушки,
Едва осталися в них душки,
И становя́тся в строй.
Великий, думают, явился им герой.
Трусливый Заяц их хотя не побеждает,
Однако досаждает:
«Я трус,
Однако без войны я дал Лягушкам туз».
Кто подлым родился, пред низкими гордится,
А пред высокими он, ползая, не рдится.

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется ось телегой
И, не подмазанна, кричит.
А бык, который то везет, везя — молчит.
Изображает ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А бык — крестьянина прилежна.

Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не воспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

ХВАСТУН

Шел некто городом, но града не был житель,
Из дальних был он стран,
И лгать ему талант привычкою был дан.
За ним его служитель,
Слуга наемный был, и города сего,
Не из отечества его.
Вещает господин ему вещанья новы
И говорит ему: «В моей земле коровы
Не менее слонов».
Слуга ему плетет и сам рассказен ков:
«Я чаю, пуда в три такой коровы вымя,
Слонихой лучше бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней один полпуда хвост,
А мы имеем мост,
К нему теперь подходим,
По всякий день на нем диковинку находим.
Когда взойдет на средину́,
Кто в оный день солжет, мост тотчас разойдется,
Лишь только лжец найдется,
А лжец падет во глубину».
Приезжий говорит: «Коровы-то с верблюда,
А то бы очень был велик коровий хвост.
Слоновьева звена не взрютишь на три блюда.
А ты скажи еще, каков бишь ваш-ат мост?»
«А мост-ат наш таков, как я сказал, конечно».
«Такой имети мост,
Мой друг, бесчеловечно.
Коровы-то у нас
Поболе, как у вас.
А мост-ат ваш каков?» — «Сказал уже я это,

У нас же и зимой рекам весна и лето.
Нам.
Мосты всегда потребны по рекам...»
«Коровы-то и здесь такие ж, как и там,
Мне только на́ этот час ложно показалось,
И оттого-то все неловко и сказалось.
А мост-ат ваш каков?»
«Как я сказал, таков».
Приезжий говорил: «Коль это без обману,
Так я через реку у вас ходить не стану».

ПОРТНОЙ И МАРТЫШКА

Портной кроил,
Мартышка это примечает
И чает,
Искусства своего портной не утаил.
Зачем-то он,
Скроив, и то и то оставив, вышел вон.
Мартышка ножницы портного ухватила
И без него,
Не зная ничего,
Изрядно накутила,
И мнила так она, что это ремесло
От знания ея не уросло.
Зверок сей был ремеслоборец,
Портной пиит, а он негодный рифмотворец.

ДЕРЕВЕНСКИЕ БАБЫ

Во всей деревне шум,
Нельзя собрати дум,
Мешается весь ум.

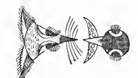
Шумят сердиты бабы.
Когда одна шумит,
Так кажется тогда, что будто гром гремит.
Известно, голоса сердитых баб не слабы.
Льет баба злобу всю, сердитая, до дна,
Несносно слышати, когда шумит одна.
В деревне слышится везде Ксантиппа древня,
И зашумела вся от лютых баб деревня.
Вселенную хотят потрясть.
О чем они кричат? — Прискучилось им прясть,
Со пряжей неразлучно
В углу сидети скучно
И в скуке завсегда за гребнем воздыхать.
Хотят они пахать.
Иль труд такой одним мужчинам только сроден?
А в поле воздух чист, приятен и свободен.
«Не нравно, говорят, всегда здесь быть:
Сиди
Пряди
И только на углы избы своей гляди.
Пряди и муж, когда сей труд ему угоден».
Мужья прядут,
А бабы все пахать и сеяти идут.
Бесплодны нивы, будто тины,
И пляшет худо вертено.
В сей год деревне не дано
Ни хлеба, ни холстины.

ВОРОНА И ЛИСА

И птицы держатся людского ремесла:
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок

И думает она: «Я дам Вороне сок.
Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок».
«Здорово,— говорит Лисица,—
Дружок Воронушка, названая сестрица!
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша;
И Попугай ничто перед тобой, душа;
Прекрасняе сто крат твои павлиньих перья;
Нелестны похвалы приятно нам терпеть.
О, если бы еще умела ты и петь!
Так не было б тебе подобной птицы в мире».
Ворона горлушко разинула пошире,
Чтоб быти соловьем,
«А сыру, думает, и после я поем:
В сию минуту мне здесь дело не о пире».
Разинула уста
И дождалась поста:
Чуть видит лишь конец лисицына хвоста.
Хотела петь — не пела;
Хотела есть — не ела;
Причина та тому, что сыру больше нет:
Сыр выпал из роту Лисице на обед.

ПИИТ И БОГАЧ

Богатый человек прославлен быть желал,
Отличным тщася быть отечества в народе.
Он сроду не служил и хочет быти в моде,
И не трудясь ни в чем. Пиита звать послал
И на него свою надежду славы клал:
«Пожалуй, освяти мое ты имя в оде!»
Но что воспеть Пииту об уроде?
«Будь ты отличностей моих, Пиит, свидетель!

Воспой, мой друг, воспой святую добродетель!»
«Я петь ее готов.
Пристойных приберу к тому немало слов.
Но как, дружочек мой, ее тогда прославлю,
Когда твое я имя вставлю?
Да я же никогда не хваливал ослов».

ГОРШКИ

Себя увеселять,
Пошел гулять
Со глиняным горшком горшок железный.
Он был ему знаком, и друг ему любезный.
В бока друг друга стук,
Лишь только слышен звук.
И искры от горшка железного блистались,
А тот недолго мог идти,
И более его нельзя уже найти,
Лишь только на пути
Едины черепки остались.
Покорствуя своей судьбе,
Имей сообщество ты с равными себе.

РЕМЕСЛЕННИК И КУПЕЦ

Был некий человек не от больших ремесел,
Варил он мыло, был ежеминутно весел,
Был весел без бесед,
А у него богач посадский был сосед.
Посадский торгу служит
И непрестанно тужит,

Имеет новый он на всякий день удар:
Иль с рук нейдет товар,
Иль он медлеет,
Или во кладовых он тлеет,—
Посадский день и ночь болеет
И всяку о себе минуту сожалеет.
К соседу он принес на именины дар
И дал ему пятьсот рублей посадский златом.
Во состоянии ремесленник богатом
Уж песен не поет, да золото хранит,
И золото одно в ушах его звенит,
Не спит, как спал он прежде,
Ко пропитанию нимало быв в надежде.
И может ли быть сон,
Когда о золоте едином мыслит он?
Одно его оно лишь только утешает
И есть и пить ему мешает
И песни петь.
Сей жизни мыловар не может уж терпеть,
И как ему житье то стало неприятно,
К посадскому отнес он золото обратно.

ПРОСЬБА МУХИ

Старуха
И горда муха
Насытить не могла себе довольно брюха,
И самого она была гордейша духа.
Дух гордый к наглости всегда готов.
Взлетела на Олимп и просит там богов;
Туда она взлетела с сыном,
Дабы переменить ее мушонка чином,
В котором бы ему побольше был доход.
Кот
В год
Прибытка верного не меньше воевод
Кладет себе на счет.

«Пожалуйте котом вы, боги, мне мушонка,
Чтоб полною всегда была его мошонка».
На смех
Прошением она богов тронула всех;
Пожалован: уже и зубы он готовит,
И стал коток
Жесток,
И вместо он мышей в дому стал кур ловить:
Хотел он, видно, весь курятник истребить
И кур перегубить;
Велели за это кота убить.
Смерть больше всякия на свете сем прорухи:
Не должны никогда котами быти мухи,
Ниже́ вовек
Каким начальником быть подлый человек.

МЫШЬ МЕДВЕДЕМ

Хранити разума всегда потребно зрелость,
И состояния блюсти невредно целость:
Имей умеренность, держи в узде ты смелость;
Нас наглости во бедства мчат.
Пожалована мышь богами во медведи;
Дивятся все тому — родня, друзья, соседи,
И мнится, что о том и камни не молчат;
Казалося, о том леса, луга кричат.
Крапива стала выше дуба;
На голой мыши шуба.
И из курячей слепоты
Хороши вылились цветы.
Когда из низости высоко кто воспрянет,
Конечно, он гордиться станет,
Наполнен суеты,
И мнит: «Как я еще тварь подлая бывала,
И в те дни я в домах господских поживала,
Хоть бегала дрожа,
А ныне я большая госпожа;

И будут там мои надежно целы кости;
На пир пойду к боярину я в гости».
Пришла на двор;
Собаки все кричат: «Вошел в вороты вор,
Разбойник, кровопийца,
Грабитель и убийца».
Трухнул медведь
И стал робеть.
Однако поздно.
Настало время грозно.
Хозяин говорит: «Попотчевать пора
Нам гостя дорогого;
Дождемся ли когда медведя мы другого?
Да лишь без пошлины не спустим со двора».
И тут рогатиной его пощекотили,
Дубиною поколотили
И кости у него, как рожь, измолотили.

БЛОХА

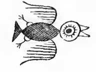
Блоха, подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поносит,
На воеводство просит:
«Достойна я, кричит, во мне все барска кровь».
Ответствовано ей: «На что там барска слава?
Потребен барский ум и барская расправа».

КОРШУН В ПАВЛИНЫХ ПЕРЬЯХ

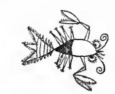
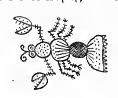
Когда-то убрался в павлинья коршун перья
И признан ото всех без лицемерья,
Что он павлин.

Крестьянин стал великий господин
И озирается гораздо строго,
Как будто важности в мозгу его премного.
Павлин мой чванится, и думает павлин,
Что эдакий великий господин
На свете он один.
И туловище все, все гордостью жерёбо,
Не только хвост его, и смотрит только в небо;
В чести мужик гордится завсегда,
И ежели его с боярами сверстают,
Так он без гордости не взглянет никогда;
С чинами дурости душ подлых возрастают.
Рассмотрен наконец богатый господин,
Ощипан он, и стал ни коршун, ни павлин.
Кто коршун, я лишен такой большой догадки,
Павлинья перья — взятки.

ДВА РАКА

Рак раку говорил: «Куда ты, рак,
Какой дурак!
Ты ни шага пройти порядком не умеешь.
Кто ходит так?
Иль ног ты не имеешь?»
Покажется, один из них был забияка,
Другой был трус,
А то бы стала драка.
Однако не хочу в трусах оставить рака:
И тот подымет ус.
«Походкою иною,—
Сказал ему,— пройди ты сам передо мною».

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк ел — не знаю что — и костью подавился,
Метался от тоски, и чуть он не вздурился.
Увидел Журавля и слезно стал просить,
Чтоб он потщился в том ему помощник быть,
И всю он на него надежду полагает.
Журавль свой долгий нос в гортань ему пускает
И вынимает кость. Потом он просит мзды,
Что он от таковой спас злой его беды.
«Довольствуйся ты тем, — зверь хищный отвечает, —
Что Волк тебя в таком здоровье оставляет,
Какое до сея услуги ты имел,
И радуйся тому, что нос остался цел».

———

Тот права честности немало собрегает,
Кто людям никогда худым не помогает.

МУЖИК С КОТОМКОЙ

Без разбору ты ври про чужие дела,
Та работа не так, как твоя, тяжела.
Нет, не дивно нимало и мне, как тебе,
Что миляе на свете всего ты себе.
Да чужого труда ты не тщись умалять,
И чего ты не знаешь, не тщись похулять.
Если спросишь меня,
Я скажу, не маня,
Что честно́й человек
Этой гнусности сделать не может вовек.
Посмотри
И держи то в уме:
Нес мужик пуда три
На продажу свинцу в небольшой котоме,
Нагибается он, да нельзя и не так:

Ведь не грош на вино он несет на кабак.
Мир ругается, видя, что гнется мужик;
Свинценосца не кажется труд им велик.
Им мужик отвечал:
«Труд мой кажется мал.
Только бог это весть,
Что в котомишке есть,
Да известно тому,
Кто несет котому».

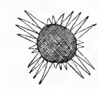

ТЯЖЕЛЫЙ КОМАР

Комар не глуп,
Увидел дуб,
Уселся тамо,
И говорит он так: «Я знаю ето прямо,
Что здесь меня стрелок,
Конечно, не достанет;
Мой дуб высок,
И дробь сюда не вспрянет;
В поварню он меня, ей-ей, не отнесет
И крови из меня никто не пососет;
Сей дуб меня спасет».
А в те часы восстала буря,
Озлился воздух весь, глаза, сердясь, нахмуря,
Весь лес трясет,
А дуба, вишь, никто, конечно, не нагнет.
Комар поет, а ветр ревет
И дуб сей рвет.
Высокий этот дуб от ветра повалился;
Уж дуба больше нет.
Комар сказал: «Ах! я тебя отяготил;
А то б тебе злой ветр беды не накутил,
И от меня, увы! пришла его кончина.
Ах, я твоей, ах! я напасти сей причина».

ПАХАРЬ И ОБЕЗЬЯНА

Мужик своим трудом на свете жить родился.
Мужик пахал, потел, мужик трудился.
И от труда
Он ждет себе плода.
Прохожий похвалил работника с дороги.
То слыша, подняла и обезьяна ноги
И хочет похвалы трудами испросить,
От любочестия и в ней разжегся пламень.
Взяла великой камень
И стала камень сей переносить
На место с места.
А камень не пирог, и сделан не из теста;
Так ежели когда носить его хотеть,
Конечно, надлежит, нося его, потеть:
Потеет и трудится.
Другой прохожий шел,
В труде ее нашел
И говорит: «На что толикой труд годится?
Безумцы никогда покоя не хранят».
«Вперед не заманят
К трудам меня»,— она болтала,
Свой камень бросила, трудиться перестала
И жесто́ко роптала:
«За что хвала другим, за то меня бранят».

ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ

С лягушками войну, злясь, мыши начинали —
За что?
И сами воины того не знали;
Когда ж не знал никто,
И мне безвестно то,
То знали только в мире,
У коих бороды пошире.

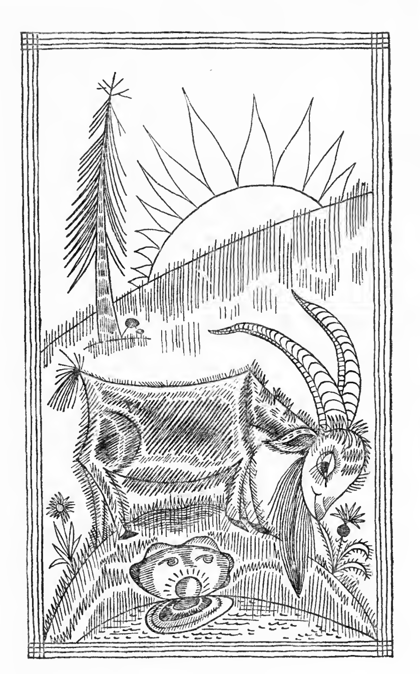
Затворник был у них и жил в голландском сыре:
Ничто из светского ему на ум нейдет;
Оставил навсегда он роскоши и свет.
Пришли к нему две мышки
И просят, ежели какие есть излишки
В имении его,
Чтоб подал им хотя немного из того,
И говорили: «Мы готовимся ко брани».
Он им ответствовал, поднявши к сердцу длани:
«Мне дела нет ни до чего,
Какие от меня, друзья, вы ждете дани?»
И как он то проговорил,
Вздохнул и двери затворил.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Лисица взлезть
На виноград хотела:
Хотелось ягод ей поесть;
Полезла, попотела;
Хоть люб кусок,
Да виноград высок,
И не к ее на нем плоды созрели доле,
Пришло оставить ей закуски поневоле.
Как дóбычи Лисица не нашла,
Пошла,
Яряся злобно,
Что ягод было ей покушать неудобно:
«Какой, ворчала, то невкусный виноград,
До самых не созрел таких он поздних чисел;
Хорош на взгляд,
Да кисел».
Довольно таковых
Лисиц на свете
И гордости у них
Такой в ответе.

Василий
Майков

КОЗЕЛ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА

Козел, шатаяся, увидел мать жемчужну,
Так раковину все жемчужную зовут —
И, почитая ту за вещь для всех ненужну,
Сказал с насмешкою: «Ты, лежа век свой тут,
Какую сделала, скажи ты мне, услугу
Земному кругу?
А я всегда встаю с зарею по утрам,
Хожу пастись в луга и лажу по горам
День целый».
Ответ дала козлу и раковина смелый,
Сказавши так:
«Козел, дурак,
Когда ты по горам, тварь глупая, бродила,
В то время перло я жемчужное родила».

ПОВАР И ПОРТНОЙ

Удобней повару и жарить и варить,
Как о поваренном портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше.
Я знаю только то, что ехал пан,
А ехал из гостей, так ехал пьян.
Навстречу вдруг прохожей,
И сшелся с паном — рожа с рожей.
Пан спесью и вином надут.
Под паном двое слуг коня его ведут.
Конь гордо выступает,
Пан в спеси утопает,
Подобно как петух.
За паном много едет слуг.
А встретившийся с ним в одежде йдет скудной.
Пан спрашивал его, как человек рассудной:
«Какое ремесло имеешь за собой?»
«Приспешник, государь, стоит перед тобой».
«Коль так, ответствуй мне, доколь не плюну
в рожу:
Когда приспешник ты, так знаешь ли ты вкус,
Что́ почитаешь ты за лучший кус?»
«У жареного поросенка кожу»,—
Ответствовал приспешник так.
«Ты — повар не дурак,—
Пан говорил ему,— и дал ответ мне смело;
Поэтому свое ты прямо знаешь дело».
И по словах его пан щедро наградил,
Подобно как отец, хотя и не родил.
Приспешник с радости мой, поднимая ноги,
Помчался вдоль дороги.
Навстречу повару дорогой шел одной —
А кто? Портной.
Знакомцы оба,
Притом же и друзья, хотя и не до гроба,
Однако же друзья.
«Куда ты, брат Илья,
Бежишь поспешно?»
Другой ответствует: «Теперь уж я
Скажу смеленько, брат, что мастерство приспешно

Получше твоего;
Не знаешь ничего
Ты, пьяница Петрушка,
Что будет у Ильи великая пирушка!
Взгляни на мой карман.
Довольны мы с женою оба,
И не прожить нам с ней до гроба,
Что дал нам пан,
Который лишь теперь проехал пьян».
И вытянул мешок со златом он с лисенка.
«Вот что от пана я достал за поросенка!»
И денежки в мешочке показал,
Притом все бытие приятелю сказал.
Портной, на деньги глядя, тает,
Из зависти он много их считает
И помышляет так:
«Конечно, пан — дурак,
Что дал за поросенка
Мешок он золота с лисенка;
И сам я побегу
И господина настигу;
И если мудрость вся лишь в коже поросячей,
Так я его обрею, как подьячий».
Сказав сии слова,
Пустилась в путь безумна голова.
Пан ехал тихо,
Портной бежал мой лихо
И вмиг
Боярина настиг.
Кричит: «Постой, боярин!
Я не татарин
И не срублю,
Я не имею сабли,
Не погублю.
Все члены у меня в бежании ослабли.
Приспешник я, не вор».
Пан, слыша разговор
И видя за спиною
Бегущего не вора с дубинóю,
Коня сдержал.
Портняжка прибежал,
Пыхтит и, как собака, рьяет
И чуть зевает,

Лишася бегом сил.
Тогда его боярин вопросил:
«Зачем ты, скот, за мною
Без памяти бежал?
Лишь только ты меня, безумец, испужал;
Я думал, что бежит разбойник с дубино́ю».
Портняжка говорит: «Не вор я, государь!»
А пан ему на то: «Какая же ты тварь?»
«Я мастерство, сказал, приспешное имею
И хорошо варить и жарить я умею».
Пан тотчас вопросил: «Что слаще у быка?»
Сказал безумец: «Кожа».
Тотчас раздулися у повара бока и рожа,
И брюхо и спина
Плетьми ободрана.
Пошел портняжка прочь не спешно
И плачет неутешно —
Клянет боярина и мастерство приспешно.

КОНЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ

Два проданы коня,
Какие — лишь о том не спрашивай меня.
Один был в них хорош, другой похуже;
Так за худого дать не можно цену ту же,
Какая за коня хорошего дана;
Коль хуже был собой, так меньше и цена.
Хорошего коня поставили на стойло,
Всегда довольный корм дают ему и пойло.
Конем любуется всечасно господин.
Конь, будто дворянин,
Пьет, ест, гуляет в поле
И поднимает нос.
Другой — всегда в неволе,
Таскает на себе грязь, воду и навоз.
Коню то стало скучно,

Что он с трудами неразлучно;
Наскучила навозна вонь;
Хозяину пеняет конь:
«Конечно, моего не ведаешь ты роду,
Что возишь ты на мне навоз всегда и воду;
А если бы моих ты праотцев узнал,
Конечно б, пред конем ты первенство мне дал,
Которого купил со мною ты недавно;
Рождение мое, конечно, с ним не равно.
Меня
Такого у себя имеешь ты коня,
Которому Пегас и Буцефал родня;
Так может ли тот конь в раве́нстве быть со мною?»
Хозяин вдруг пресек речь конску дубино́ю;
Ударив по спине,
Сказал: «Нет нужды мне
До знатнейшего роду;
Цена твоя велит, чтоб ты таскал век воду».

ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Пойман вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с подьячего склевал
В ту ночь, как вор сего воришка разбивал;
Хотя подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно:
Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он вора обличил,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал подьячему мошенник:
«Когда меня за то досто́ит бить кнутом,
Так должно и тебя пытать, подьячий, в том.

Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить,
И если должно нас, так обоих повесить».

СКУПОЙ

Живал-бывал старик, а в нем была душа,
Котора издержать жалела и гроша;
Чрез что скопил себе он денег много
И столько строго,
Как стоик, жил,
Ел хлеб и воду пил,
И только мой старик лишь денежки копил
И их любил,
Любил он страстно;
Издержать их ему казалося напрасно:
Но пользы нет,
Хотя б во области имел он целый свет
И злата б множество в дому его лежало,
Скупому прибыли в богатстве нет нимало.
Он —
Как Молиеров Гарпагон,
Или каков у Федра есть дракон,
Который на своем богатстве почивает,
А Сумароков называет
Такого дураком
И стражем своего именья,
Которому в нем нет увеселенья.

Детина с стариком
Был свой или знаком,
За подлинно я вас не уверяю,
А только прежнее я слово повторяю:
Детина с стариком в едином доме жил
И спал с ним на одной постеле,
А пил и ел ту ж воду, тот же хлеб,
Чрез что душа едва держалась в теле;
Но взять детине где б
Послаще съесть кусок? Уж скучил той он пищей,
Скупой живет, как нищий;
Все деньги заключил
В неволе у себя, без прибыли народу,
Без пользы и себе, ест хлеб и пьет он воду.
Детина ту тюрьму хотел освободить
И бедных пленников на волю испустить,
Старается о том и денно он и нощно,
Влюбился в денежки детина и заочно;
Желает страстно он мешки пересчитать,
И стал он наконец любовник, а не тать,
Имея сердце нежно,
Старается прилежно.
Детина был удал;
Он, время улуча, желанье исполняет:
Взял деньги, а мешки песком все наполняет,
А деньгам волю дал;
Старик еще сего несчастия не знает,
Мешки свои с песком за деньги почитает.
Но некогда он класть проценты вскрыл сундук,
Поворотя мешок, не тот услышал стук,
Кой прежде в нем бывал. Старик тут удивился,
Вскричал: «Ахти, пропал я, денежек лишился!»
В беспамятстве упал.
Опомнясь, и в тоске, у петли уж стоял:
Он с деньгами хотел и живота лишиться.
Детина тут сказал: «Доколь тебе крушиться?
Невозвратимо что,
Жалеть о том почто?
Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,
Ведь деньги у тебя лежали бесполезно.
Богатства для тебя довольно в сундуке,
И надобность одна — что в деньгах, что
в песке».

ДЕТИНА И КОНЬ

Детина на коне, имéя ум незрелый,
Скакал день целый
Во всю коневью мочь.
Приходит ночь,
Лошадушка устала,
Скакать потише стала
И шла шагóм.
Внезапно с стороны набегли воры.
Детина — трус сражаться со врагом;
Дает лошадке шпоры
И плетью бьет.
Лошадушка нейдет
И говорит детине:
«Моей уж мочи нет,
Хоть бей, хоть нет меня по спине;
Когда б ты давеча умел меня беречь
И не давал мне муки,
Не отдала б теперь тебя ворам я в руки».

———

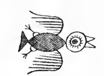
Читатель, примечай, к чему моя здесь речь:
Кто в юности свои пороки побеждает,
Тот в старости свой век покойно провождает.

СОРОКА, ГАЛКА И СОЯ

Сорока с Галкою нашли кусок добра,
Мешочек серебра,
И, сидючи, щекочут,
Друг другу уступить не хочут.
Так йдет спор у обóих.
Летела Соя мимо их,
Спустилася проворно.
«О чем, сестрицы, так вы спорите задорно?»

Сорока с Галкою сказали ей в ответ:
«Сестрица, ты наш свет,
Дружочек,
Нашли мы сей мешочек,
И нам принадлежит он обойм,
А разделить мы не умеем —
Затем и спор имеем».
Сказала Соя им:
«Голубушки сестрицы,
Разумные вы птицы,
Обеих вас люблю,
Позвольте мне, я вас обеих разделю;
Скажите правду мне и не утайте дела:
Которая сперва к мешочку прилетела?»
Тут обе говорят пред Соей: «Я сперва
К находке прилетела».
«Так мне не разобрать, сестры, меж вами дела.
Вспорхните ж вы отсель и сядьте на древа,
И коя прилетит при мне к находке прежде,
Той будет серебро». Вспорхнули в той надежде.
Но Соя к серебру полакомее их,
Схватя мешок и сестр оставя обойх
Внезапно улетела,
А дело их решить по времени хотела.
С того часа́ между людей несется речь,
Что должно серебро от этих птиц беречь,
Которые по всем домам теперь летают,
И если деньги где на окнах обретают,
Себе хватают,
Затем что их они своими почитают.

СУЕВЕРИЕ

Когда кокушечки кокуют,
То к худу и к добру толкуют.
Старухи говорят: «Кому вскричит сто раз,
Тому сто лет и жить на свете;

А если для кого однажды пустит глас,
Тому и умереть в том лете».
А к этому теперь я басенку сварю
И вас, читатели, я ею подарю.
Ходила Девка в лес, услышала Кокушку,
И стала Девушка о жизни ворожить:
«Скажи, Кокушечка, долгонько ли мне жить?
Не выпущу ли я сего же лета душку?»
Кокушка после слов сих стала коковать,
А Девушка моя, разиня рот, зевать.
Подкралася змия и Девку укусила,
Подобно как цветок средь лета подкосила,
Хотя Кокушка ей лет со сто наврала,
Но Девка от змеи в то ж лето умерла.

СУД КАРТИНЕ

Один то так, другой то и́нако толкует,
И всякий по своей все мысли критикует.
Льву вздумалось себе Венеру написать,
А дело рассудил мартышке приказать.
Призвав ее к себе, и тако ей вещает:
«Мартышка! знаю я, что зверь искусный ты;
Примись и сделай мне богиню красоты,
Изобрази ее всех прелестей черты».
Мартышка дело все исполнить обещает,
Пошла домой исполнить львов приказ.
Ей дочь была своя красавица для глаз.
«Довольно, говорит, мне будет для примеру
Намалевать с нее прекрасную Венеру».
И написала в-точь
Свою мартышка дочь.
«Вот,— с радости кричит,— для удовольства львова
Красавица готова!»
И тако своего мартышка ремесла

Картину принесла.
Лев, зря картину живу:
«Но только, говорит, прибавить должно гриву,
Которая б во всем подобилась моей;
Тогда-то должно честь отдать картине сей».
Мартышка говорит: «То было бы безбожно,
Когда Венерин лик похулить здесь возможно;
Она точь-в-точь
Похожа на мою большую дочь,
Которая красавица, скажу я прямо».
Но лев стоит упрямо.
«Пожалуй, говорит, сей мысли не порочь,
Которой никогда не думаю оставить;
Конечно, надобно, чтоб гриву к ней приставить».
И тако идет спор.
Но лев решити тем сей вздумал разговор:
Собрать зверей и всю скотину
Судить картину.
Мартышка и́дет в суд
И мнит, что честь ее картине отдадут;
Так думала мартышка.
Пришла всех прежде мышка.
«Прекрасно, говорит, лицо ее и рост,
Да только надлежит прибавить ей мой хвост,
Тогда совсем она красавица явится».
Пришел тут слон и, зря, дивится.
«Куда,— он говорит,— развратен ныне свет,
У сей красавицы и хобота уж нет».
Верблюд сказал: «Когда б моя спина и ноги,
То прямо бы она красавица была».
Оленю речь была верблюжья не мила:
«Когда бы, говорит, мои ей только роги;
Да можно ль, чтоб когда без рог могли быть боги?»
Тут бык сказал: «Тогда б хорошей льзя назвать,
Когда бы роги ей мои прималевать».
И в том стоял упрямо.
Но вепрь заговорил: «Не знаете вы прямо
Прямого хорошства, и так вы дураки;
Ей надобно мои клыки».
Потом пришел осел к написанной картине:
Не полюбилася и сей она скотине;
Он прочих мненье опроверг

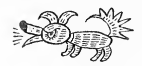
И говорит: «Поверх
Сея прекрасной туши
Когда бы написать мои большие уши,
Тогда б сказал и я,
Что прямо хороша красавица сия».
Козел восстал против зверей и всей скотины,
Когда пришла ему промолвить череда:
«Ко украшению прекрасной сей картины,
Конечно, надобна,— сказал он,— борода».
Крот выполз из норы, сказав: «Хоть я не вижу,
Однако ж думаю, что я вас не обижу,
Когда скажу теперь полезное для вас:
По мненью моему, быть должно ей без глаз».
Противу сих речей тут все взнегодовали,
Невеждою крота и глупым называли;
Однако же крота хотя всяк глупым звал,
Но мненья своего никто не отставал.
Тогда мартышка льву и всем зверям пеняла,
А мненья и она того не отменяла,
Что точно ею львов исполнен был приказ
И что она должна всем нравиться для глаз:
«А если вашего держаться мне примеру,
Так должно написать прегнусную химеру,
А не Венеру».

СОБАКА НА СЕНЕ

Ни самому не брать
И людям не давать —
У всех завистливых такие странны нравы,
И те уставы
У них затверждены;
Такие нравы
От злого сатаны
Сим ядом зависти живут повреждены,
И если он себя не пользует благим,
Однако же отнюдь не хочет дать другим;

А к этому скажу старинную я сказку.
Но где, о Муза, где возьму такую краску,
Дабы живее мог я зависть описать?
Один хозяин был, смирен иль забияка,
Того нельзя сказать,
Чего не знаю,
Лишь то напоминаю:
Хозяин был, а у него собака,
Которая свою жизнь счастливо вела,
Один с ним ела кус, а на сене спала,
Спала, его не ела,
Да только лишь того собака не терпела,
Чтобы хозяйская скотина сено ела:
Корова ли придет иль лошадь сено есть,
Собака все на них от зависти ворчала
И тем скотине всей безмерно докучала;
Хотя скотина вся просила сена в честь,
Собака не внимала
И к сену не пускала,
А и сама не ест.
Хозяин то приметил
И делом сметил,
Что в псе велика злость.
Он, взявши трость,
Которая была потолще и полена,
А именно он, взявши пест,
Погнал собаку с сена,
Притом ей говорил: «Поди-ко, друг мой гость,
Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
Которая тебе осталась от обеда,
Коль честь тебе не в честь;
Травы тебе не есть,
А ешь-ко то, что ест собака у соседа,
А это дай другим, кто может это есть».
Пошла собака с сена,
Боль чувствуя в боку.
О, чудная премена!
Собаки той кровать досталось съесть быку.

ЛИСИЦА И БОБР

Лисица некогда к Юпитеру ходила
И, идучи оттоль, сошлася со Бобром.
«Куда,— спросил Лису Бобр,— кумушка, бродила?»
«Ходила я туда, отколь к нам мещут гром,
И множество с собой я весточек имею,—
Лисица в гордости рассказывала так,—
То ведает не всяк,
Что ныне я, сошед с Олимпа, разумею.
Теперь
Не всякий по земли скитаться будет зверь,
Там вышло повеленье,
И так угодно небесам;
А то определенье
Скрепил Юпитер сам.
Волк с зайцем будут в поле,
Баран, конь, бык и пес
Останутся в неволе;
Медведям, тиграм, львам дремучий отдан лес;
В степях отныне жить слонам дано великим;
Стремнины, горы, рвы — козам, баранам диким;
Болота отданы в дом вечно кабанам;
Бобрам в реках со выдрами вселиться,
А прочее во власть оставлено все нам».
«Но человеку чем осталось веселиться?» —
Лисицу Бобр спросил.
«Сию Юпитер тварь всего того лишил
И не дал нашего проворства ей, ни сил;
Единое ему в утеху он оставил,
Чтоб больше нашего умом своим он правил,
И только, кум,
Для человека лишь один оставлен ум.
Какая для него оставлена безделка!»
Но Бобр Лисе в ответ:
«Ах, кумушка, мой свет,
Худая будет нам со человеком сделка,
И дар сей кончится, конечно, не добром.
Не осердись, что я слова промолвлю грубы:
Он будет лисьи шубы
Опушивать бобром».
Читатели, и вы, мню, скажете здесь то же,
Что качество души телесных сил дороже.

ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море,
Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре.
В нем едет господин, при коем много слуг;
А этот господин имел великий дух,
Спросил бумаги в горе
И, взяв ее, слугам отпу́скную писал,
А написав ее, сказал:
«Рабы мои, прощайте,
Беды не ощущайте,
Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вам я всем отпу́скную даю».
Один из них сказал боярину в ответ:
«Велик нам дар такой, да время грозно;
Пожаловал ты нам свободу, только поздно,
С которой вскоросги мы все оставим свет».

В награде таковой не много барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом расстается.

СЛУЧАЙ

Случилось одному прохожему в пути,
Который стол не мог в суме своей нести,
Чтоб мог пробавиться во всю дорогу пищей.
Запас весь кончился, прохожий стал как нищий;
Сума с припасами пуста;
Через пустые шел прохожий мой места,
А хлеба взял с собой весьма неосторожно.
Проголодался так, что бресть ему не можно,
Однако же еще поел оставших крох.

Лег спать; во сне ему привиделся горох
В горшочке,
К несчастью, позабыл он ложечку в мешочке,
И нечем из горшка ему достать,
За тем он принужден опять голодный встать,
Взяв ложку в пазуху, и спать опять валится,
«Авось-либо мне сон еще такой приснится!
Тогда не буду я дурак,
Не встану так,
Как встал, без ложки;
Я выем весь горох до крошки».
Безумец, хоть с собой сто ложек наклади,
Уже такого сна не будет впереди.

Толк басни этой в том: кто случай упущает,
Тот после никогда его не возвращает.

ОТЕЦ И ДЕТИ

Коснувшись жизни края,
Родитель сыновьям твердил так, умирая:
«Из света я гляжу
И к мертвым отхожу;
А вы, оставшися возлюбленные дети,
Когда не хочете вы спу́стя рук сидети,
Наставлю вас на лад:
Я в поле у себя зарыл великий клад.
Зарыл, не помню где, так поле вы вскопайте
И, ежели его вы сыщете, владайте».
Сих слов и жития последний был конец.
Преставился отец,
А дети, должное отдав почтенье телу,
Придвинулися к делу,

Искати клад,
Но дело их нейдет на лад.
Не зная подлинного места,
Взрывают поле мягче теста.
Но, знать, робята, клад в сем поле не лежит!
Насеем жит.
Потом посеяли, и житы их родились,
Труды их им самим сгодились:
Они снимают хлеб и продают.
Им цену за него хорошую дают.
Сторично семена к ним с поля возвратились,
И так, искавши клад, они обогатились.

Кто в хлебопашестве хороший знает лад,
Тот подлинно себе находит в поле клад.

Михаил
Херасков

СОРОКА В ЧУЖИХ ПЕРЬЯХ

Сорока в перья птиц прекрасных убралась,
Как будто вновь она в то время родилась.
Но можно ли одной убором любоваться?
Сестрицам надобно в наряде показаться.
Отменной выступью пошла
И стадо птиц нашла;
Взгордяся перьями чужими,
Ворочалась пред ними,
То подымает нос, то выставляет грудь,
Чтоб лучше тем птиц прочих обмануть.
Но величалась тем Сорока очень мало:
Природной простоты убранство то не скрало,
Могли тот час обман все птицы угадать.
За то чтоб наказать,
По перышку из ней все начали щипать.
Вся тайна оказалась,
Сорока бедная сорокою осталась.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Ворона негде сыр украла
И с ним везде летала;
Искала места, где б пристойнее ей сесть,
Чтобы добычу съесть.
Но на дерьвó лишь села
И есть хотела,
Лисица мимо шла;
Увидя то, к Вороне подошла,
А сыру всей душой отведать захотела.
Что ж делать ей теперь?
Лисица — зверь,
Коль можно было бы, то б на дерьво взлетела,
«Что делать, думает, хоть не могу летать,
Сыр надобно достать».
Вороне поклонясь, вскричала так Лисица:
«Куда какая птица!
Хотя пройди весь свет,
Тебе подобной нет,
Я б целый день с тобой, голубка, просидела,
Когда бы ты запела,
Изволь-ка песенку какую ты начать,
А я пойду плясать».
Ворона впрямь, взгордясь, свой голод позабыла
И, песню затянув, сыр наземь упустила.
Лисица, сыр схватя, не думала плясать,
Но стала хохотать,
Потом сказала ей: «Вперед ты будь умняе
И знай, что твоего нет голосу гнусняе».

БАБОЧКА И ПЧЕЛА

Покрыта Бабочка узорными крылами
В беседу некогда вступила со пчелами
И тако говорит: «Дивлюся, пчелы, вам,
Что вы, летая по цветам,
Подобно как и мы, с листочков росу пьете
И соки сладкие из оных достаете;
С цветочка на цветок
Всечасно я летаю,
Но век не обретаю,
Где спрятан сладкий сок.
Не меньше вашего проворства я имею,
Но меда сладкого достати не умею».
«Напрасно ты хвалить проворство начала,—
Одна сказала ей Пчела,—
Полезного искать, так нужды нет в убранстве,
В проворстве ничего, а нужда в постоянстве.
С листочка на листок
Ты век перелетаешь:
Как легкий ветерок,
Коснешься до цветка и тотчас покидаешь;
А мы сбираем с них полезные плоды
За многие труды.
Лишь только оросит всходящая Аврора
Слезами те сады,
В которых обитает Флора,
Рассыпаны в полях увидим красоты;
Дают нам сладкий мед и ветви и цветы.
С цветочка на цветок когда бы мы скакали,
Как ныне скачешь ты, то меда б не сыскали».

Ко двум читателям я басенку причел,
В единых — бабочек, в других я вижу пчел.
Одни у книг своих листы перебирают
И, будто бабочки, их смысл и сок теряют;
Другие, в чтение проникнувши умом,
Обогащаются наукой и плодом.

ИСТОЧНИК И РУЧЕЙ

Источник некогда с вершины гор стремился,
Шумящим в быстрине течением гордился,
И в пышности своей Ручей он презирал,
Который светлый ток в долины простирал.
На все его слова сказал он с тишиною:
«Источник! можешь ли за то гнушаться мною,
Что я в теченье тих,
А ты опасен, вреден, лих?
Твоим достоинством я сердца не прельщаю,
Хотя передо мной имеешь громкий глас.
Ты землю пустошишь, а я обогащаю,
Так кто ж полезнее для общества из нас?»

ФОНТАННА И РЕЧКА

В средине цветника Фонтанна кверху била
И громко о своих достоинствах трубила,
А близ ее текла
Река по камешкам: прозрачнее стекла.
Фонтанна гордая, шумя под облаками,
Сказала так Реке:
«Куда придвинулась ты, лужица, боками;
Не лучше ли б ползла, бедняжка, вдалеке
И поле дикое в своем теченье мыла;
Пожалуй-ка построй себе подале дом,
Ты видишь, какова моя велика сила,
И там, всходя, реву, где молния и гром;
А ты в моем соседстве
О подлости своей не мыслишь, ни о бедстве».
Такою гордостью Река огорчена
Фонтанне говорит: «Я ввек не уповала,
Чтобы, в железные трубы заключена,
Бедняжкой ты меня и подлой называла,
Причиной храбрости твоей и высоты,
Что вся, по самые уста, в неволе ты,

А я, последуя в течении природе,
Не знаю пышности, но я теку в свободе».

На подлинник я сей пример оборочу;
Представя тихие с шумящими водами,
Сравнять хочу граждан с большими господами
И ясно докажу... однако не хочу.

ДЕВИЦА И РОЗА

Прекрасной Розе так Ифиза говорила:
«О ты, которую природа сотворила
        Царицею цветов,
Румяностью тебя Аврора озарила,
Зефир любуется красой твоих листов;
Позволь, чтоб я тебе сомнение открыла:
        На что толики красоты,
        Когда всех жалишь ты,
Кто прелестям твоим дерзнет коснуться?
Всяк может красотой притворной обмануться.
Будь столько ты склонна, колико ты мила,
И сколь румяна, будь толико мало зла».
        Смущенная таким советом,
        Сказала Роза сим ответом:
«Ифиза, мне моя упорность дорога,
Колико я колка, толико будь строга;
Без осторожности была бы я несчастна,
Без строгия души краса есть вещь опасна».

МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

В который было век, не ведаю про то,
Железо некогда поссорилось с Магнитом,
Так часто в дружестве, довольно крепко сшитом,
Случается разрыв, и часто ни за что.
«Что думает Магнит? —
Железо говорит,—
Что следую за ним, куда Магнит ни ходит,
И так меня, как за нос, водит.
Не челобитчик я,
А он ведь не судья.
И можно говорить с Магнитом вольным складом,
Притом ходить обоим рядом».
Но скоро окончал Магнит с Железом бой,
Придвинулся, влечет, как прежде, за собой.

Возможно ли тому, кто мил, не угождать.
И склонности свои возможно ль побеждать?

МАРТЫШКА ВО ДВОРЯНАХ

С полфунта накопя умишка,
Разумной сделалась Мартышка
И стала сильно врать;
А этим возгордясь, и морду кверху драть.
Но разве для глухого
Казалась речь умна оратора такого.
Оратор этот врал,
А сверх того, и крал.
И так он сделался из зверя дворянином,
Пожалован был чином.
В дворяне, господа, Мартышку занесло,
Так, следственно, у ней и спеси приросло.
Поймала счастье в руки,
На что уж ей науки?

Мартышка дворянин, как ты ее ни весь,
Обыкновенно герб таких героев спесь.
Но, благородным став из подлости, детина
Сквозь благородие всем кажется скотина.

ДРОВОСЕК

Не много на свое искусство уповай
И воли быстрому желанью не давай,
Держись, при том держись, что сделать разумеешь,
За все хватаяся, напрасно лишь потеешь.
Крестьянин негде был,
Дрова рубил,
Для этакой науки
К профессору не лезь,
Имей топор да руки,
Так мастер тут и весь.
А мой крестьянин был дрова рубить охотник,
И вздумалось ему, что он столяр и плотник;
Такими думами себя он веселил
И сосну с кореня претолстую свалил.
Колоду вырубя, мужик колоду гладит,
Из ней корыто ладит.
Долбил,
Рубил,
Колода вся изрыта,
Однако не было и виду в ней корыта,
Не так пошел топор.
А плотник на упор
Еще колоду роет,
Да не корыто уж, теперь он ковшик строит.
Сказал: «Не возвращусь домой без барыша,
Добьюсь ковша».
Сертит, потеет,
А ковш не спеет,
Топор и долото
Работают не то:

Долбушка сделалась да некакие рожки.
Не вышел ковш, так выдут ложки.
Стал мастер ложки выдолбать,
Считает в ужине обновкой щи хлебать.

«Скажи, Минерва, мне, художеств мастерица,
Чем кончил наш мудрец?
Что вышло из его работы наконец?»
«Спица».

ДЕНИС
ФОНВИЗИН

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Кознодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт,
Пучину благости, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала,
И правда на суде бесстрашно председала;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель...»
«О, лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот.—
Я знал Льва коротко: он был пресущий скот,

И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик слабоум, списатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных,
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско расписал монаршую пещеру:
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третье́го дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и
нахально!»

Собака молвила: «Чему дивишься ты?
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастию бредет презренными путьми:
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

МИХАИЛ
ЧУЛКОВ

СОРОКА

Сорока некогда в пустом лесу сидела,
И на небо она, задумавшись, глядела,
Небесны красоты исчислити хотела,
Откуда ж ей зачать, того не разумела.
По случаю тогда Скворец к ней прилетел,
И думу он ее разведати хотел.
        И только лишь узнал,
То, глядя на нее, смеялся, хохотал,
        И так он ей сказал:
«Когда бы все глупцы побольше рассуждали,
Поменьше бы они, как думаю я, врали.
И что несведомо, того б не разбирали».
Сорока, рассердясь, вельми защекотала
        И так ему сказала:
«Ты чести у меня, мой друг, не отымай,
        Я русский попугай.
По перышкам моим прекрасная я птица,
Заморским птицам всем родная я сестрица.
Да я ж еще и петь велика мастерица.
Слетаются ко мне все жители лесов
И слушают моих различных голосов;
Не так прелестна здесь пастушечья свирель.
Какая у меня при окончанье трель.

Сижу ли я или стою,
Беспрестанно я все арии пою.
Ни днем, ни ночью я, мой друг, не умолкаю,
Всех в лесе заглушаю
И пением моим всю братью услаждаю».
Потом разинула Сорока свой роток,
И песенку ему воспеть она хотела;
А тот ей дал щелчок,
Что с дерева она на землю полетела,
Ногами задрягала
И так защекотала,
Что птицы все ее смотрети прилетели
И жалости над ней нимало не имели.
Щелкали все ее и в голову и в рожу,
Измяли перышки и повредили кожу.
Однако щекотать она не перестала,
Хотя и лапочку на брани потеряла.

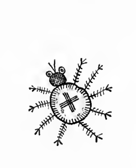

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Из области Смоленской
Мужик иль житель деревенский,
Как серп поля их вытер,
Пришел к нам в Питер,
Не гóрода смотреть, не с дамами водиться,
Не летнею порой на шлюпке веселиться,
Не в оперы ходить, не в рощах здесь гулять:
Пришел он работáть.
И мыслит с кем-нибудь помесячно рядиться;
Нашел хозяина, работает, трудится,
Хозяин рад,
Что бог дал клад;
Крестьянин лености и отдыху не знает,
И точно, как осел, с усердьем работает.
Скончался год, работник деньги взял,
И новый он кафтан купити предприял,

Понеже тот худенек,
А платья не дают в Санктпитере без денег,
Так должно с деньгами для платья расставаться;
Пошел он торговаться,
Смотрел и сторговал;
Но денег не давал,
Расстался с продавцом такими он словами:
«Я завтре, брат, приду с моими земляками,
Которые его доброту поглядят».
Пришли и земляки, ценят и говорят:
«Кафтан, парнюга, гож,
И очень он пригож».
Однако денег наш работник не дает
И тако говорит: «Я завтре, брат, чем свет,
Приду к тебе опять,
Еще знакомых с пять
И вся моя родня посмотрят все кафтана,
Боюся я обмана,
А деньги я, мой друг, трудами достаю,
Так оных никогда на ветер не даю».
Родные видели, смотрели земляки,
И с легкой их руки
В полмесяца кафтан и куплен и надет.
Мужик по городу в кафтане сем идет
И всем напоминает,
Что денежки беречь прилежно подобает,
Кто по́том и трудом копейку добывает.

МИХАИЛ
ПОПОВ

СОЛОВЕЙ

Свистал на кустике когда-то Соловей
Всей силою своей:
Урчал, дробил, визжал, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдруг, вдруг томно, нежно, звонко,
Стенал, хрипел, щелкал, скрипел, тянул, вилял
И разностью такой людей и птиц пленял.
Когда ж он все пропел
Толь громко и нарядно,
То Жавронок к нему с поклоном подлетел
И говорил: «Куда как ты поешь изрядно,
Не могут птички все наслушаться тебя;
И только лишь одним бесчестишь ты себя,
Что не во весь ты год, дружок мой, воспеваешь».
«Желая побранить меня, ты выхваляешь,—
Сказал на то певец,—
Пою в году я мало,
Но славно и удало;
А ты глупец!
Не сопротивлюся нимало я природе:
Когда она велит, тогда я и пою,
Коль скоро воспретит, тотчас перестаю.
А противляться ей у дураков лишь в моде:
Им это сродно,
Чтоб мучиться бесплодно
И против ней идти, когда ей неугодно».

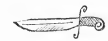
Парнасские певцы,
Постерегитесь быть такие же глупцы:
Не предавайтеся стремленью рифмовать,

До тех лишь пойте пор, пока в вас будет сила;
Не дожидайтеся, чтоб оная простыла,
Когда бессмертие страшитесь потерять.

ДВА ВОРА

Что есть во свете воры,
О том не входят в споры;
Но только, что они покроем не одним:
Иные в золоте и титлами надуты,
Другие в серяках и с именем простым;
Одни политики, другие просто плуты.
О двух таких ворах я басенку скажу,
И перво в них мое искусство покажу.
Был вор простой
И хаживал всегда пешком и в серяке;
Доходы он сбирал не в городе, не в съезжей,
А на дороге на проезжей.
Другой
Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
Червонцев и рублей,
Которые сбирал с невинного народа;
Поверье эдако или такая мода
Есть у бессовестных подьячих и судей.
Но наконец попались оба
В приказ:
Обоим строг указ;
Обоим кнут грозит отверсти двери гроба.
Судьи калякают: «Не столько лих большой»
И оправляют вора;
Подьячьи говорят: «Не столько лих меньшой»
И оправляют вора;
Обеим сторонам указы правота.
Читатель! будь хоть ты решителем их спора,
Скажи нам, кто из них достойнее кнута?

александр
аблесимов

ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ

Чиновного отца дочь, девка-сирота,
По бедности купцом в супружество взята:
Купецкой став молодкой,
Другою начала ходить походкой!
Во девушках она
Не кушала вина
И презирала водку,
Одну имела лишь охотку:
Почасту кушать чай!
Читатель, примечай:
Придвинувшись к купчищу,
Придвинулась к винищу
И к крепкому пивищу,
Пустилась в чарку нос частехонько втыкать,
Привыкла куликать...
И ныне уже пьет она с охоткой
Поутру тот же чай;
Но пьет его уж с водкой...
Читатель, примечай:
Плотненько ежель кто вокруг кого потрется
Иль с кем дружненько поведется,
Ума и разума того и наберется.

КУПЧИХА В ДВОРЯНКАХ

Купеческая дочка,
На возрасте девочка,
Смазливенька лицом,
В замужстве быть никак не мнила за купцом...
Отец ее имел достаточек свободный;
Так ей желалось быть, конечно, благородной!
Не стало дело в том,
Старуха шасть к ним в дом!
Невесте роспись в руки,
И ей за женихов сама бралась в поруки...
Старик свое дитя,
Утешить захотя,
Не размышляя боле,
Желая следовать во всем дочерней воле:
Заметил женишка в сей росписи с чинком,
Которого отец ему бывал знаком...
Откладывать сего вдаль дела не хотели,
Условились: жених, на смотр явясь,
Невесте полюбясь,
Ударив по рукам... подружки песни пели;
Потом и свадебку немедленно свертели.
Причина скорости такой сия была:
Невесте честь мила...
Жених же выгоды свои, напротив, числил;
Он состояние свое поправить мыслил:
Деревню чтоб купя, иметь с нее доход...
Но сказан вдруг ему нечаянный поход!
Пришло супружнику с супругой расставаться;
Однако ж не забыл он к денежкам прибраться
И, нагрузяся всем, сел на воз как-нибудь,
Да и отправился в свой путь...
Осталась молодая,
Об муже потужа
И всю по том печаль на радость преложа...
Затейливостей тех своих не покидая,
Какие в девушках приятны были ей,
На воле став своей,
Приданое она довольное имея;
Но как себя вести, того не разумея,
Не в зрелом возрасте она еще была,—

По-новомодному во всем себя вела:
Уборы и наряды
Брала всегда без ряды.
Сначала чистые платила рубельки;
А после начала давать и вексельки,
Лишь только чтобы ей со вкусом нарядиться...
Не слушалась ни в чем родимого отца,
Не знала, как себе уставить и лица!
И вздумала гордиться
Перед купчихами, их стала презирать.
Пустилась картами исправно козырять!..
Убит в походе муж, супружница осталась...
Родня ей новая немедленно сыскалась:
Кто кум, кто сват, кто брат...
Недолго ж это длилось,
Повсюду вексельков довольно расплодилось;
Голубушку сию стащили в *магистрат*.

Отец хоть выкупил ее из сей неволи,
Но уж восстановить не мог ей прежней доли.

Купец при свадебке щедре́нько поступил:
За дочерью он все именье укрепил,
Сам чистым чист остался
И после только чуть не по миру скитался.

ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА

Читал печатное, не помню, где-то я,
А повесть вот сия:
Когда б подьячих мы не сами баловали
И повод им к тому не сами подавали,
Они б не плутовали,
Они б не воровали,
И в век свой в сем грехе они бы не бывали...

А я скажу на то:
Вы спросите... а что?
Не пременю я слова,
Рассказка вот готова:
Как в свете жив, нельзя порока избежать,
Или болтливому рот накрепко зажать,
Или ленивому к наукам прилежать,
Так точно всякого подьячего от взяток
Не можно вовсе удержать...
Прибыток сей им сладок,
А путь к нему им гладок;
Хоть с первых дней указ подьячих испужал,
Да брать им за труды никак не удержал!
Приказный выдумал тотчас такие хватки:
Как брать тайком им взятки,
Дабы просильщикам о том не докучать,
А прибыль получать.
Подьячески головки
Легко изобретут надежные уловки,
И вот что вымыслил писец: его возьми
В свою просильщик норку,
Напой и накорми;
Потом в нехитрую игорку,
Что вычислил писец с просильщика содрать,
То должно тут ему, конечно, проиграть...
И в этом:
Что взяток не берут, клянутся белым светом.
Я здесь про них сказал лишь только что вершки;
А в их казну рублей скопляются мешки.

ИВАН
ХЕМНИЦЕР

МЕДВЕДЬ-ПЛЯСУН

Плясать медведя научили
И долго на цепи водили;
Однако как-то он ушел
И в родину назад пришел.
Медведи земляка лишь только что узнали,
Всем пó лесу об нем, что тут он, промычали;
И лес лишь тем наполнен был,
Что всяк друг другу говорил:
«Ведь мишка к нам опять явился!»
Откуда кто пустился,
И к мишке без души медведи все бегут;
Друг перед другом мишку тут
Встречают,
Поздравляют,
Целуют, обнимают;
Не знают с радости, что с мишкою начать,
Чем угостить и как принять.
Где! разве торжество такое,
Какое
Ни рассказать,
Ни описать!
И мишку все кругом обстали;
Потом просить все мишку стали,
Чтоб похожденье он свое им рассказал.

Тут всё, что только мишка знал,
Рассказывать им стал
И, между прочим, показал,
Как на цепи, бывало, он плясал.
Медведи плясуна искусство все хвалили,
Которы зрителями были,
И каждый силы все свои употреблял,
Чтоб так же проплясать, как и плясун плясал.
Однако все они, хоть сколько ни старались,
И сколько все ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,—
Не только чтоб плясать,
Насилу так, как он, могли на лапы встать;
Иной так со всех ног тут о́ землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А мишка, видя то,
И вдвое тут потщился
И зрителей своих поставил всех в ничто.
Тогда на мишку напустили,
И ненависть и злость искусство всё затмили;
На мишку окрик все: «Прочь! прочь отсель сейчас!
Скотина эдака умняй быть хочет нас!»
И всё на мишку нападали,
Нигде проходу не давали,
И столько мишку стали гнать,
Что мишка принужден бежать.

КОНЬ И ОСЕЛ

Конь, всадником гордясь
И выступкой храбрясь,
Чресчур резвился
И как-то оступился.
На ту беду осел случился
И говорит коню: «Ну, если бы со мной
Грех сделался такой?
Я, ходя целый день, ни разу не споткнуся;

Да полно, я и берегуся».
«Тебе ли говорить? —
Конь отвечал ослу.— И ты туда ж несешься!
Твоею выступкой ходить —
И вóвек не споткнешься».

УМИРАЮЩИЙ ОТЕЦ

Был отец,
И были у него два сына:
Один сын был умен, другой сын был глупец.
Отцова настает кончина;
И, видя свой конец,
Отец
Тревожится, скучает,
Что сына умного на свете покидает,
А будущей его судьбы не знает,
И говорит ему: «Ах! сын любезный мой,
С какой
Тоской
Я расстаюсь с тобой,
Что умным я тебя на свете покидаю!
И как ты проживешь, не знаю.
Послушай, продолжал, тебя я одного
Наследником всего именья оставляю,
А брата твоего
Я от наследства отрешаю:
Оно не нужно для него».
Сын усумнился и не знает,
Как речь отцову рассудить;
Но наконец отцу о брате представляет:
«А брату чем же жить,
Когда мне одному в наследство,
С его обидою, именье получить?»
«О брате нечего,— сказал отец,— тужить:
Дурак уж верно сыщет средство
Счастливым в свете быть».

ДЕРЕВО

Стояло дерево в долине
И, на судьбу свою пеняя, говорит,
Зачем оно не на вершине
Какой-нибудь горы стоит;
И то ж да то же всё Зевесу докучает.
Зевес, который всем на свете управляет,
Неудовольствие от дерева внимает
И говорит ему:
«Добро, переменю твое я состоянье,
Ко угожденью твоему».
И дал Вулкану приказанье
Долину в гору пременить;
И так под деревом горою место стало.
Довольным дерево тогда казалось быть,
Что на горе стояло.
Вдруг на леса Зевес за что-то гневен стал,
И в гневе приказал
Всем вéтрам на леса пуститься.
Уж действует свирепых ветров власть:
Колеблются леса, листы столпом крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Всё чувствует свою погибель и напасть;
И дерево теперь, стоявши на вершине,
Трепещет о своей судьбине.
«Счастливы, говорит,
Деревья те, которые в долине!
Их буря столько не вредит».
И только это лишь сказало —
Из корня вырванно, упало.

Мне кажется, легко из басни сей понять,
Что страшно иногда на высоте стоять.

СКВОРЕЦ И КУКУШКА

Скворец из города на волю улетел,
Который в клетке там сидел.
К нему с вопросами кукушка приступила
И говорила:
«Скажи, пожалуй, мне, что́ слышал ты об нас
И городу каков наш голос показался?
Я думаю, что ведь не раз
Об этом разговор случался?
О соловье какая речь идет?»
«На похвалу его и слов недостает».
«О жаворонке что ж?» — кукушка повторяет.
«Весь город и его немало похваляет».
«А о дрозде?»
«Да хвалят и его, хотя и не везде».
«Позволишь ли ты мне, — кукушка продолжала, —
Тебя еще одним вопросом утрудить
И обо мне, что слышал ты, спросить?
Весьма б я знать о том желала:
И я таки певала».
«А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигде ни слова не слыхать».
«Добро! — кукушка тут сказала. —
Так стану же я всем за это зло платить,
И о себе сама всё буду говорить».

ОБОЗ

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

6*

ДВА СОСЕДА

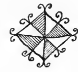
Худой мир лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говорит;
И каждый день нам тож примерами твердит,
Как можно не вплетаться в споры;
А если и дойдет нечаянно до них,
Не допуская вдаль, прервать с начала их,
И лучше до суда, хотя ни с чем, мириться,
Как дело выиграть и вовсе просудиться
Иль, споря о гроше, всем домом разориться.

На двор чужой свинья к соседу забрела,
А со двора потом и в сад его зашла
И там бед пропасть накутила:
Гряду изрыла.
Встревожился весь дом,
И в доме беганье, содом:
«Собак, собак сюда!» — домашние кричали.
Из изб все люди побежали
И сви́нью ну травить,
Швырять в нее, гонять и бить.
Со всех сторон на сви́нью напустили,
Поленьями ее, метла́ми, кочергой,
Тот шапкою швырком, другой ее ногой
(Обычай на Руси такой).
Тут лай собак, и визг свиной,
И крик людей, и стук побой
Такую кашу заварили,
Что б и хозяин сам бежал с двора долой;
И люди травлю тем решили,
Что сви́нью наконец убили
(Охотники те люди были).

Соседы в тяжбу меж собой;
Непримиримая между соседов злоба;
Огнем друг на́ друга соседы дышат оба:
Тот просит на того за сад изрытый свой,
Другой, что сви́нью затравили;
И первый говорил:
«Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
Что у меня ты сад изрыл».
Другой же говорил:

«Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
Что сви́нью у меня мою ты затравил».
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтоб они друг другу уступили?
Нет, мысль их не туда;
Во что б ни стало им, хотят искать суда.
И подлинно, суда искали,
Пока все животы судьям перетаскали.

Не стало ни кола у и́стцев, ни двора.
Тогда судьи им говорили:
«Мы дело ваше уж решили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вам пора».

КАЩЕЙ

Какой-то был кащей и денег тьму имел,
И как он сказывал, то он разбогател
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя,
Нет, он божился в том,
Что бог ему послал такой достаток в дом
И что никак он не боится
Противу ближнего в неправде обличиться.
А чтобы господу за милость угодить
И к милосердию и впредь его склонить,
Иль, может быть, и впрямь, чтоб совесть успокоить,
Кащею вздумалось для бедных дом построить.

Дом строят и почти достроили его.
Кащей мой, смо́тря на него,
Себя не помнит, утешает
И сам с собою рассуждает,
Какую бедным он услугу показал,
Что им пристанище построить приказал.
Так внутренно кащей мой домом веселится,

Как некто из его знакомых проходил,
Кащей знакомому с восторгом говорил:
«Довольно, кажется, здесь бедных поместится?»
«Конечно, можно тут числу большому жить;
Но всех, однако же, тебе не уместить,
Которых по миру заставил ты ходить».

СТРОИТЕЛЬ

Тот, кто дела свои вперед всё отлагает,
Тому строителю себя уподобляет,
Который захотел строение начать,
Стал для него припасы собирать,
И собирает их по всякий день немало.
Построить долго ли? Лишь было бы начало.
Проходит день за днем, за годом год идет,
А всё строенья нет,
Всё до другого дня строитель отлагает.
Вдруг смерть пришла; строитель умирает,
Припасы лишь одни, не зданье оставляет.

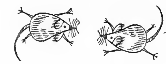

ХОЗЯИН И МЫШИ

Две мыши на один какой-то двор попались,
И вместе на одном дворе они живут;
Но каждой жительства различные достались,
А потому они и разну жизнь ведут:
Одна мышь в житницу попала,
Другая мышь в анбар пустой.

Одна в довольстве обитала,
Не видя нужды никакой;
Другая ж в бедности живет и всё горюет
И на судьбину негодует,
С богатой видится и с нею говорит,
Но в житницу ее попасть никак не может,
И только тем одним сыта, что рухлядь гложет.
Клянет свою судьбу, хозяина бранит,
И наконец к нему мышь бедна приступила,
Сравнять ее с своей подругою просила.

Хозяин дело так решил,
И мыши говорил,
Котора с жалобой своею приходила:
«Вы обе случаем сюда на двор зашли
И тем же случаем и разну жизнь нашли.
Хозяину мышам не сделать уравненье;
И я скажу тебе:
Анбар и житницу построил я себе
На разное употребленье;
А до мышей мне нужды нет,
Котора где и как живет».

ЛЖЕЦ

Кто лгать привык, тот лжет в безделице и в деле
И лжет, душа покуда в теле.
Ложь — рай его, блаженство, свет:
Без лжи лгуну и жизни нет.
Я сам лжеца такого
Знал,
Который никогда не выговорит слова,
Чтобы при том он не солгал.

В то время самое, как опыты те были,
Что могут ли в огне алмазы устоять,

В беседе некакой об этом говорили,
И всяк по-своему об них стал толковать.
Кто говорит: в огне алмазы исчезают,
Что в самом деле было так;
Иные повторяют:
Из них, как из стекла, что хочешь выливают;
И так
И сяк
Об них твердят и рассуждают;
Но что последнее неправда, знает всяк,
Кто химии хотя лишь несколько учился.

Лжец тот, которого я выше описал,
Не вытерпел и тут, солгал:
«Да, говорит, да, так; я сам при том случился
(Лишь только что не побожился,
Да полно, он забылся),
Как способ тот нашли,
И до того алмаз искусством довели,
Что, как стекло, его теперь уж плавить стали.
А эдакий алмаз мне самому казали,
Который с лишком в фунт из мелких был стоплен».

Один в беседе той казался удивлен
И ложь бесстыдную с терпением внимает,
Плечами только пожимает,
Принявши на себя тот вид,
Что будто ложь его он правдою считает.
Спустя дней несколько лжецу он говорит:
«Как бишь велик алмаз тебе тогда казали,
Который сплавили? Я, право, позабыл.
В фунт, кажется, ты говорил?»
«Так точно, в фунт»,— лжец подтвердил.
«О! это ничего! Теперь уж плавить стали
Алмазы весом в целый пуд;
А в фунтовых алмазах тут
И счет уж потеряли».

Лжец видит, что за ложь хотят ему платить,
Уж весу не посмел прибавить
И лжой алмаз побольше сплавить;
Сказал: «Ну, так и быть,
Фунт пуду должен уступить».

БАРОН

Жил-был скупой богач, и у него один
Был сын.
Отец его скончался;
Наследства миллион молодчику достался,
И захотел сынок, имевши миллион,
Бароном сделаться — и сделался барон.
Баронство куплено. Теперь задумал он
Быть, сверх того, еще и знатным господином
И слыть бароном с чином.
Хоть знатных он людей достоинств не имел,
Да он их представлять умел;
И все сбирался и хотел
Министром быть при кабинете,
Чтоб в царском заседать совете,
Иль славным полководцем быть.
Барон! достоинство за деньги не купить!
Но все барон не мог решиться,
К чему бы лучше прилепиться,
Где б больше чести доступить:
Министром быть ли добиваться
Иль в полководцы домогаться?
И так в намереньях одних живет барон,
А все достоинство барона — миллион.
Он удивленье был народов
Толпою гайдуков своих и скороходов;
Доходами его почти весь город жил,
Он в золото себя и слуг всех обложил;
И ежели когда в карете проезжался,
То больше лошадей своих он величался.
Льстецам он покровитель был
И ревностно тому служил,
Кто, ползая пред ним, его о чем просил;
А кто поступки все и вкус его хвалил,
Талантами его бесстыдно восхищался,
Тот верно помещен в число друзей тех был,
Которые на счет баронов ели, пили,
Смеясь в глаза, его хвалили;
И в тот же самый час мешки его щечили,
Как уверяли все его,
Что против глаз таких, какие у него,
И Аргусовы ничего.

Надолго ль моту миллиона?
Ему другого нет закона,
Как только чтоб по воле жить,
Страстям и прихотям служить.
Барон наш перестал уж больше говорить,
Министром, полководцем быть,
И только к роскошам одним лишь прилепился;
Пил, ел и веселился.
А как весь миллион баронов истощился,
То стал опять ничто барон,
Таков, как был и прежде он;
Без денег он от всех оставлен очутился,
И доказал своим житьем
Барон наш правду эту всем,
Что детям только зла родители желают,
Когда лишь им одно богатство оставляют:
Богатство — пагуба и вред
Тому, в ком воспитанья нет.

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и невместно,
Но лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.
Ну, что ж? пускай числа всего бы недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? а устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.
А сверх того, как лев совет сей учреждал,
Он вот как полагал
И льстился:

Ужли и впрямь, что ум слонов
На ум не наведет ослов?

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый конь, увидя клячу в поле
В работе под сохой,
И в неге не такой,
И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый конь у барина имел,
С пренебрежением на клячу посмотрел,
Пред клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился и тем и сем хвалился.
«Что? — говорит он кляче той.—
Бывал ли на тебе убор когда такой,
Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает?
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает,
Всяк обо мне твердит, и всякий похваляет.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна кляче спесь коня.
«Пошел, хвастун! — ему на это отвечает.—
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

ОСЕЛ-НЕВЕЖА

Навстречу конь ослу попался,
Где путь весьма тесненек был.
Конь от осла почтенья дожидался
И хочет, чтоб ему дорогу уступил;
Однако, как осел учтивству не учился,
И был так груб, как груб родился,
Он прямо на коня идет.
Конь вежливо ослу: «Дружок, посторонися,
Чтоб как-нибудь нам разойтися,
Иль дай пройти мне наперед».
Однако же осел невежей выступает,
Коню проходу не дает.
Конь, видя это, сам дорогу уступает,
Сказав: «Добро, изволь ты первый проходить.
Я не намерен прав твоих тебя лишить
И сам тобою быть».

БОГАЧ И БЕДНЯК

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей,
Того почтенья не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

Бедняк в какой-то дом пришел,
Который ум и чин с заслугами имел;
Но бедняка никто не только что не встретил,

Ниже́ никто и не приметил,
Иль, может быть, никто приметить не хотел.
Бедняк наш то к тому, то к этому подходит,
Со всеми разговор и так и сяк заводит,
Но каждый бедняку в ответ
Короткое иль *да*, иль *нет*.
Приветствия ни в ком бедняк наш не находит;
С учтивством подойдет, а с горестью отходит.

Потом,
За бедняком,
Богач приехал в тот же дом,
И не имел богач сей ни заслуг, ни чина,
И был прямая он скотина.
Что ж? богачу сказать нельзя какой прием!
Все встали перед богачом,
Всяк богача с почтением встречает,
Всяк стул и место уступает,
И под руки его берут;
То тут, то там его сажают;
Поклоны чуть ему земные не кладут,
И меры нет как величают.

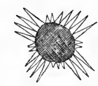
Бедняк, людей увидя лесть,
К богатому неправу честь,
К себе неправое презренье,
Вступил о том с своим соседом в рассужденье.
«Возможно ль,— говорит ему,—
Что так людей богатство ослепляет!
Достоинствы того, кто беден, помрачает,
А кто богат, того пороки прикрывает.
Куды как это огорчает!»
«Дивишься ты чему! —
Другой на это отвечает.—
Достоинств ведь взаймы не ищут никогда,
А денег завсегда».

ВЕЛИКАН И КАРЛИКИ

Купались карлики. К ним великан пришел,
Который тож хотел
Купаться.
Да видит, для него река
В том месте, где они купаются, мелка.
Их спрашивать и добиваться:
Не знают ли, где глубина?
«Поди туда,— ему сказали,—
Вот там она».
И место указали.
Однако же река
Для великана все мелка,
Чтобы купаться.
Еще у них он добиваться.
«Ну, говорят, так там такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы через это место плыли».
Но всё, где карлики и дна не находили,
Вброд переходит великан.

Иному и в делах лужайка — океан.

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНЬЕ

Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, сказал, и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет?
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских примечаю,—
Зачем бы и ему не так же поступать?»

Слон, волчье слыша рассужденье,
«Я должен, говорит, тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк; а пастухово мненье —

Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных, примеры брать —
Не будет наконец с кого и шерсть снимать».

ЖЕЛАНИЕ КАЩЕЯ

«Вот эту б тысячу мне только докопить,
А там уж стану я довольствуяся жить», —
Сказал кащей, давно уж тысячи имея.

Сбылось желание кащея,
Что тысячу он докопил;
Однако же кащей все недоволен был.
«Нет, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, более желать уже не стану».
Увидим. Тысячу и эту он достал,
Однако слова не сдержал
И тысячу еще желает;
Но уж последнюю, в том точно уверяет.

Теперь он правду говорил:
Сегодни тысячу и эту докопил,
А завтре умер он; и все его именье
Досталося по нем другим на расточенье.

Когда б кащей иной,
Доход приумножая свой,
Еще сегодни догадался
И пользоваться им старался!

ПАУК И МУХИ

«Постой, — паук сказал, —
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается все мелочь; дай раскину
Пошире паутину,
Авось-либо тогда поймаю и больших».
Раскинув, нажидает их;
Все мелочь попадает:
Большая муха налетит —
Прорвется и сама, и паутину мчит.
А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда.
Вор, например, большой, хоть в краже
попадется,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА

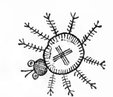
В неволе неутешно быть;
Как не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумав приниматься,
Чтобы беды большой от малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотела
И привязь стала было рвать;
Не рвется привязь; грызть ее — и переела.
Но тою ж привязью опять,
Которой связанны концы короче стали,
Короче прежнего собаку привязали.

ДРУЗЬЯ

Давно я знал, и вновь опять я научился,
Чтоб другом никого, не испытав, не звать.

Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.
Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!»
«Робята, что же вы стоите?
Поможемте»,— один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.
«Поможем»,— каждый подтвердил.
Но к возу между тем никто не подходил.
А должно знать, что все одной деревни были,
Друзьями меж собою слыли,
Не раз за братское здоровье вместе пили;
А сверх того, между собой,
Для утверждения их дружбы круговой,
Крестами даже поменялись.
Друг друга братом всяк зовет,
А братний воз ко дну идет.
По счастью мужика, сторонние сбежались
И вытащили воз на лед.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛ

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.
Повел осла казать по улицам дурак;
И старики и молодые,
И малый и большой,
Где ни взялись, кричат: «Ахти! осел какой!
Сам зелен весь, как чиж, а ноги голубые!

О чем слыхо́м доселе не слыхать!
Нет,— город весь кричит,— нет, чудеса такие
Достойно вечности предать,
Чтоб даже внуки наши знали,
Какие редкости в наш славный век бывали».
По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,
Леса, подмостки подставляют:
Всем видеть хочется осла, когда пойдет,
А всем идти с ослом дороги столько нет;
И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,
С боков, и спереди, и сзади забегая.

Что ж? Два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.
Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, робят чтоб укачать,
Кота уж полно припевать,—
Осла зеленого робятам припевали.

На третий день осла по улицам ведут;
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней.
Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить,—
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

СТРЯПЧИЙ И ВОРЫ

Какой-то стряпчий был всем стряпчим образец,
Такой делец,
Что стряпческими он ухватками своими
Пред всеми стряпчими другими
Взяв первенство, к себе всех истцев приманил;
И, словом, так проворен был,
Что часто им и тот оправдан оставался,
Который сам суду в вине своей признался
И суд которого на казнь уж осудил.

В покраже двух воров поймали,
И должно по суду воров за то казнить;
А это воры знали.
Однако как они о стряпчем тож слыхали,
Что, если за кого возьмется он ходить,
Бояться нечего, то стряпчего сыскали,
Сулят ему, что за душей,
Из краденых и денег и вещей,
Лишь только б их оправить,
А пуще бы всего от смерти их избавить.
Ведь тяжко умирать, как есть кому чем жить!

Надеясь от воров подарки получить,
Стал стряпчий за воров ходить,
И выходил, что их на волю отпустили,
Всех вообще судей заставя разуметь,
Что их напрасно обвинили:
Вот каково старателя иметь!

Как скоро их освободили,
В дом стряпчего снесли они, что посулили,
Благодарят
И впредь дарить его сулят.

Как это все происходило,
Что стряпчий от воров подарки принимал
И с ними в радости на счет их пировал,
Уж на дворе не рано было;
И стал гостей он унимать
Остаться переночевать;

А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только в доме улеглись,
За промысл гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчего пожитки расщечили,
Потом до сонного дошли и самого
И в барышах ему бока отколотили,
Оставя чуть живым его.

Кто плутнями живет и плутням потакает,
От них и погибает.

СТРЕКОЗА

Все лето стрекоза в то только и жила,
Что пела;
А как зима пришла,
Так хлеба ничего в запасе не имела.
И просит муравья: «Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей:
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть, не знаю.
Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я, право, обещаю
Тебе все вдвое заплатить».

«Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась?» — ей муравей на это.
«Так, виновата в том; да что уж, не взыщи:
Я запастися все хотела,
Да лето целое пропела».
«Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи».
Но это только в поученье
Ей муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

ДИОНИСИЙ И МИНИСТР ЕГО

Изволь, пожалуй, отвечать
Так, чтоб и не солгать,
И правду не сказать.

О Дионисии, я чаю, всякий знает,
Известно всем, каков он был.
Слух о делах его и ныне ужасает;
А каково ж тому, кто при тиране жил?
И я не рад, что я об нем заговорил.
Не знаю, как бы поскоряе,
Сказав об нем, что понужняе,
Оставить мне его.

Раз у министра своего
Потребовал он мненье,
Когда какое-то, не помню, сочиненье
В стихах дурных он написал,
Да с тем, чтоб он ему всю истину сказал.
Министр привык всегда без лести изъясняться,
И сам тиран его за правду почитал
И часто за нее прощал.
«Стихи,— он отвечал тирану,— не годятся».
Но тут не мог тиран от злости удержаться:
Под караул отдать министра приказал;
Сам переделал сочиненье.

Спустя дней несколько министра он призвал,
Чтоб вновь его услышать мненье.
Министр ему теперь никак не отвечал,
А к караульному, который тут случился,
Оборотился
И говорит ему: «Я должен отвечать,
Так поведи меня под караул опять».

ЛЕСТНИЦА

Все надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, все будет без пути.

Хозяин некакий стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних месть. Хоть с нижней сор
сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были.—
Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?

ДЕЛЕЖ ЛЬВИНЫЙ

Осел с овцой, с коровой и с козой
Когда-то в пайщики вступили
И льва с собою пригласили
На договор такой,
Что если зверь какой
На чьей-нибудь земле, случится, попадется
И зверя этого удастся изловить,
То б в случае таком добычу разделить
По равной части всем, кому что доведется.
Случись,
Олень к козе в тенета попадись.
Тотча́с друг другу повестили,
И вместе все оленя задушили.

Дошло до дележа. Лев то́тчас говорит:
«Одна тут часть моя и мне принадлежит,

Затем что договор такой мы положили».
«Об этом слова нет!» — «Другая часть моя,
Затем что я
Львом называюсь
И первым между вас считаюсь».
«Пускай и то!» — «И третья часть моя
По праву кто кого храбряе.
Еще четверту часть беру себе же я
По праву кто кого сильняе.
А за последнюю лишь только кто примись,
То тут же и простись».

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Волк, долго не имев поживы никакой,
Был тощ, худой
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И волку этому случись
С собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой с собакою схватиться
И ею поживиться,
Да полно, для того не смел,
Что не по нем была собака
И не по нем была бы драка.
И так со стороны учтивой подошел,
Лисой к ней начал подбиваться,
Ее дородству удивляться
И всячески ее хвалить.

«Не стоит ничего тебе таким же быть, —
Собака говорит, — как скоро согласишься
Идти со мною в город жить.
Ты будешь весь иной и так переродишься,

Что сам себе не надивишься,
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи
И с горем пополам поесть чего ищи;
А даром и куском не думай поживиться:
Все с бою должно взять;
А это на какую стать!
Куды такая жизнь годится?
Ведь посмотреть, так в чем душа-та, право, в вас?
Не евши целы дни, вы все как испитые,
Поджарые, худые.
Нет, то-то жизнь-та как у нас!
Ешь не хочу всего, чего душа желает:
После гостей
Костей, костей,
Остатков от стола, так столько их бывает,
Что некуды девать!
А ласки от господ — уж подлинно сказать!»

Растаял волк, услыша весть такую,
И даже слезы на глазах
От размышления о будущих пирах.
«А должность отправлять за это мне какую?» —
Спросил собаку волк.— «Что? должность? ничего! —
Вот только лишь всего,
Чтоб не пускать на двор чужого никого,
К хозяину ласкаться
И около людей домашних увиваться».

Волк, слыша это все, не шел бы, а летел;
И лес ему так омерзел,
Что про него уж он и думать не хотел
И всех волков себя счастливее считает.

Вдруг на собаке он дорогой примечает,
Что с шеи шерсть у ней сошла.
«А это что такое,
Что шея у тебя гола?»
«Так, это ничего, пустое».
«Однако нет, скажи».— «Так, право, ничего.
Я чаю,
Это оттого,
Когда я иногда на привязи бываю».

«На привязи? — тут волк вскричал. —
Так ты не все живешь на воле?»
«Не все; да полно, что в том нýжды?» — пес сказал.
«А нýжды столько в том, что не хочу я боле
Ни зá что всех пиров твоих;
Нет, воля мне дороже их,
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!» —
Сказал, и к лесу дай бог ноги.

КУРЫ И ГАЛКА

Хозяин курам корму дать
Стал крохи хлеба им кидать.
Крох этих поклевать
И галка захотела,
Да той отваги не имела,
Чтоб подойти к крохáм. Когда ж и подойдет, —
Кидая их, рукой хозяин лишь взмахнет,
Все галка прочь да прочь, и крох как нет, как нет;
А куры между тем, как робости не знали,
Клевали крохи да клевали.

Во многих случаях на свете так идет,
Что счастие иной отвагой получает,
И смелый там найдет,
Где робкий потеряет.

ДОБРЫЙ ЦАРЬ

Какой-то царь, приняв правленье,
С ним принял также попеченье
Счастливым сделать свой народ;
И первый шаг его был тот,
Что издал новое законам учрежденье
Законам старым в поправленье;
А чтоб исправнее закон исполнен был,
То старых и судей он новыми сменил.
Законы новые даны народу были
И новые судьи́, чтоб лучше их хранили.
Во всем и вся была отмена хороша,
Когда б не старая в судья̀х иных душа.
А тотчас это зло поправить
Царь способов не находил,
Но должен это был
И воспитанию и времени оставить.

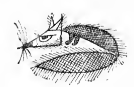
ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог с кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?
Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают знай указ да обдирают.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают, не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показалось,
Что позволение такое состоялось:
Зверям указом волю дать
Повольно меж собой друг с друга кожи драть!

Весьма сомнительным лисица находила
И в рассуждении самой и всех скотов.
«Повыведать бы льва!» — лисица говорила
И львиное его величество спросила,
Не так чтоб прямо, нет,— как спрашивают львов,
По-лисьи, на весы кладя значенье слов,
Все хитростью, обиняками,
Все гладкими придворными словами:
«Не будет ли его величеству во вред,
Что звери власть такую получили?»
Но сколько хитрости ее ни тонки были,
Лев ей, однако же, на то ни да, ни нет.
Когда ж, по львову расчисленью,
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.

Тут те, которые жирняе всех казались,
Назад уже не возвращались.
«Вот я чего хотел,— лисице лев сказал,—
Когда о вольности указ такой я дал.
Чем жир мне по клочкам сбирать с зверей
трудиться,
Я лучше дам ему скопиться.
Султан ведь также позволяет
Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает;
Так я и рассудил пример с султана взять».
Хотела было тут лисица в возраженье
Сказать свое об этом мненье
И изъясниться льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорит со львом...

А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лисьи промолчать.

ПОБОР ЛЬВИНЫЙ

В числе поборов тех, других,
Не помню, право, я, за множеством, каких,
Определенных льву с звериного народа
(Так, как бы, например, крестьянский наш народ
Дает оброки на господ),
И масло также шло для львина обихода.
А этот так же сбор, как всякий и другой,
Имел приказ особый свой,
Особых и зверей, которых выбирали,
Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
А сборщиков не мало было!
Да речь и не о том; мне хочется сказать
То, что́ при сборе том и как происходило.
Большая часть из них, его передавая,
Катала в лапах наперед;
А масло ведь к сухому льнет,
Так, следственно, его не мало
К звериным лапам приставало;
И, царским пользуясь добром,
Огромный масла ком стал маленьким комком.
Однако как промеж скотами,
Как и людскими тож душами,
Не все бездельники, а знающие честь
И совестные души есть,
То эти в лапах ком не только не катали,
Но, сверх того, еще их в воду опускали,
Чтоб масло передать по совести своей.
Ну, если бы честны́х зверей
При сборе этом не сыскалось,
То сколько б масла льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил?
Я льву, на жалобу об этом, говорил:
«Где сборы,
Там и воры;
И дело это таково:
Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

СЛЕПОЙ ЛЕВ

Был лев слепой; а быть и знатному слепым
Дурное, право, состоянье.
Давай хоть не давай лев подданным своим
О чем какое приказанье,
Иль правду в том
Или в другом
Не думай лев узнать: обманут был кругом.
Я сам не раз бывал при том,
Когда, пришедши, льву лисица репортует,
Что львов запасный двор находится у ней
Во всей сохранности своей,
А первая с двора запасного ворует,
Да и другим дает с собою воровать,
Чтоб только ей не помешать.
Волк тож, бывало, льву наскажет,
Когда он наловить зверей ему прикажет,
Что лов сегодня был дурной
И только лишь ему попался зверь худой;
А жирных между тем зверей себе оставит
И, чтоб поверил лев, свидетелей поставит.
И словом, всяк, кому по должности дойдет
Льву донести о чем, — что хочет, то налжет,
И, кроме воровства и лжи, не жди другого
От малого и до большого.

Слепого льва легко обманывать зверям,
Так, как по разуму слепых господ слугам.

ОСЕЛ В УБОРЕ

Одень невежду
В богатую одежду, —
Не сладишь с ним тогда.
В наряде и ослы по спеси господа.

По случаю, не помню по какому,
Но разумеется, что не в лице посла,
Отправил лев осла
К соседу своему и другу, льву другому,
Какие-то, никак, ему подарки снесть:
Посольство отправлять у льва лисица есть.
Но хоть подарки снесть осла употребили,
Однако как посла богато нарядили,
Хотя б турецкого султана ослепить
И мир или войну заставить объявить.
Не вспомнился осел в уборе, взбеленился:
Лягается и всех толкает, давит, бьет;
Дороги ни встречны́м, ни поперечным нет;
Ни откупщик еще так много не гордился,
Сам лев с зверьми не так сурово обходился.
Ослов поступок сей
Против достойнейших осла других зверей
Стал наконец им не в терпенье.
Пришли и на осла льву подали прошенье,
Все грубости ему ословы рассказав.
Лев, просьбу каждого подробно разобрав,—
Не так, как львы с зверьми иные поступают,
Что их и на глаза к себе не допускают,
А суд и дело их любимцы отправляют,—
И так как лев зверей обиду всю узнал
И видя, отчего осел так поступает,
Осла призвав, ему сказал,
Чтоб о себе, что он осел, не забывал:
«Твое достоинство и чин определяет
Один убор твой
Золотой,
Других достоинство ума их отличает».
И наказать осла, лев снять убор велел;
А как осел других достоинств не имел,
То без убора стал опять простой осел.

ЛЕВ-СВАТ

Лев, сказывали мне, любовницу имел
(Ведь занимаются любовными делами
Не только меж людьми, но также меж скотами),
И жар к любовнице его охоладел.
А для того он тож (как люди поступают,
Что за другого с рук любовницу сживают,
Когда соскучится им все одну любить)
Хотел красавицу, но не бесчестно, сжить:
Он барса пестрого хотел на ней женить.
Но как он ни старался,
Жених замеченный никак не поддавался,
Да лев бы только приказал,—
Любить указ ведь не дается;
А в случаях таких политика ведется
И у зверей,
Как у людей.
К тому же дело щекотливо
Любовницу себе в жены́ такую взять,
Котору ищет сам любовник с рук отдать.
А потому ничуть не диво,
Что жениха не мог невесте он сыскать.
Но свадьбы не хотел уж больше отлагать;
Без всех чинов осла он прямо избирает:
«Послушай, говорит, назначил я тебя
Любовницы моей супругом.
Возьми ее ты за себя,
А я за то тебя
Пожалую в чины, и будешь ты мне другом».
Осла, не как других, раздумье не берет:
Осел в бесчестье не зазорен,
На предложенье льва осел тотча́с сговорен,
Сказав: «Хоть чести мне в женитьбе этой нет,
Как говорит и судит свет,
Да милость львиную она мне обещает.
К тому и меж людьми то ж самое бывает».

ЧУЖАЯ БЕДА

Ужли чужой беде не должно помогать?
Мужик воз сена вез на рынок продавать.
Случился косогор: воз набок повалился.
Мужик ну воз приподымать,
И очень долго с возом бился.
Да видит, одному ему не совладать.
Прохожих в помощь призывает,
Того, другого умоляет.
Тот мимо и другой,
Всяк про себя ворчит: «Да что-ста, воз не мой,
Чужой!»

Услуга никогда в потерю не бывает.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слыхал,
Что за́ море детей учиться посылают
И что вобще того, кто за́ морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с *знанием* таких людей считают;
И, смо́тря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупяе возвратился.
Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленье
О заданном одном старинном предложенье:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;

А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я,— ученый заключал,—
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенье».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, говорит, тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.
Не оборвись!..»
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
«Веревка вещь, сказал, такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».
«Да время надобно,— отец ему на то.—
А это благо уж готово».
«А время что?»
«А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди,— сказал отец,— пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
Да яма надобна большая!

ДУРАК И ТЕНЬ

Я видел дурака такого одного,
Который все гнался за тению своею,
Чтобы поймать ее. Да как? бегом за нею.
За тенью он — тень от него.
Из жалости к нему, что столько он трудится,
Прохожий дураку велел остановиться.
«Ты хочешь,— говорит ему он,— тень поймать?
А это что? Ее достать —
Лишь только стоит наклониться».
Так некто в счастии да счастия искал,
И также этому не знаю кто сказал:
«Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за ним, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своим желаньем
В исканье счастия, доволен состояньем,
В котором ты живешь».

КОШКА

Жить домом, говорят,— нельзя без кошек быть.
Домашняя нужна полиция такая
Не меньше, как и городская:
Зло надобно везде стараться отвратить.
И взяли кошку в дом, чтобы мышей ловить.
И кошка их ловила.
Хозяйка дому, должно знать,
Птиц разных при себе держать
Любила.
Какой-то в кошку бес вселился, что с мышей
Она на птичек напустила
И вместе наряду с мышами их душила.
За это ремесло свернули шею ей:
«Ты в дом взята была,— хозяйка говорила,—
Не птиц ловить — мышей».

ПЕС И ЛЬВЫ

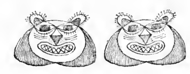
Какой-то пес ко львам в их область жить попался,
Который хоть про львов слыхал,
Однако никогда в глаза их не видал,
А менее того их образ жизни знал.
А как ко львам он замешался,
Того я не могу сказать,
Когда мне не солгать.
Довольно, пес ко львам попался
И между львов живет.
Пес видит, что у львов коварна жизнь идет:
Ни дружбы меж собой, ни правды львы не знают,
Друг друга с виду льстят, а внутренно терзают.
Привыкнув жить меж псов одною простотой,
Не зная ни коварств, ни злобы никакой,
Дивится жизни таковой
И рассуждает сам с собой:
«Хоть псы между собой грызутся
И тож, случится, подерутся,
Однако в прочем жизнь у них
Без всех коварств и мыслей злых,
Не как у львов». Пса жизнь такая раздражает,
Жилище львов он покидает.
Пес, прибежав домой, рассказывает псам:
Нет, наказание достаться жить ко львам,
Где каждый час один другого рад убить,
А вся причина та (когда у львов спросить):
Лев всякий хочет львищем быть.

ДВА ЛЬВА СОСЕДИ

Два льва, соседи меж собой,
Пошли друг на́ друга войной,
За что, про что — никто не знает;
Так им хотелось, говорят.
А сверх того, когда лишь только захотят,—

Как у людских царей, случается, бывает,—
Найдут причину не одну,
Чтоб завести войну.
Львы эти только в том от них отменны были,
Когда войну они друг другу объявили,
Что мира вечного трактат,
Который иногда не служит ни недели,
Нарушить нужды не имели,—
Как у людских царей бывает, говорят,—
Затем что не в обыкновеньи
У львов такие сочиненьи.
Итак, один из этих львов
Другого полонил и область и скотов.
Привычка и предубежденье
Свое имеют рассужденье:
Хотя, как слышал я о том,
Житье зверям за этим львом
Противу прежнего ничем не хуже стало
(Не знаю, каково прошедшее бывало),
Однако каждый зверь все тайным был врагом,
И только на уме держали,
Как это им начать,
Чтоб им опять за старым быть.
Как в свете все идет своею чередою,—
Оправясь, старый лев о том стал помышлять
Войною возвратить, что потерял войною.
Лишь только случай изменить
Льву звери новому сыскали,
Другого случая не ждали:
Ягнята, так сказать, волками даже стали.
Какую ж пользу лев тот прежний получил,
Что на другого льва войною он ходил?
Родных своих зверей, воюя, потерял,
А этих для себя не впрок завоевал.
Вот какова война: родное потеряй,
А что завоевал, своим не называй.

НАРОД И ИДОЛЫ

На простяков всегда обманщики бывали
Равно в старинные и в наши времена.
Ухватка только не одна,
Какую обмануть народ употребляли;
А первых на обман жрецов,
Бывало, в старину считали.
От наших нынешних попов
Обманов столько нет: умняе люди стали.
А чтоб обманывать народ,
Жрецов был первый способ тот,
Что разных идолов народу вымышляли:
Везде, где ни был жрец, и идолы бывали.
Народ, о коем я теперь заговорил,
Обманут точно тем же был.
Жрец, сделав идола и принося моленье,
Ему на жертвоприношенье
Давать и приносить народу предписал
Все то, что, например, и сам бы жрец желал:
Жрецы и идолы всегда согласны были,
Не так, как то у нас бывает меж судей,
Что, против истины вещей,
Не могут иногда на мненье согласиться.
Но, чтобы к идолу опять нам возвратиться, —
Сперва народу дан один лишь идол был;
Потом уж идол народил
Еще, да и еще, и столько прибывало,
Что наконец числа не стало.
Как это разуметь, что идол мог родить?
Об этом надобно самих жрецов спросить.
Такие ли еще их чудеса бывали!
Жрецы на жерновах водою разъезжали;
Так мудрено ль, когда их идолы рожали?
По-моему, так мой простой рассудок тот:
В чудотворениях жрецов не сомневаться,
А слепо веровать: от них все может статься.
Чем более семья, тем более расход;
Тащит со всех сторон для идолов народ
И есть, и пить, и одеваться,
А сверх того, еще наряды украшаться,
А у народа все какой и был доход.

С часу на час народ становится бедняе,
А жертвы идолам с часу на час знатняе.
Народ сей наконец от идолов дошел,
Что пропитанья сам почти уж не имел.
Сперва повольно дань жрецы с народа брали,
Потом уж по статьям народу предписали,
По скольку идолам чего с души давать.
Народ сей, с голоду почти что помирая,
Соседов стал просить, чтоб помощь им подать,
Свою им крайность представляя.
«Да как,— соседи им сказали,—
До крайности такой дошли
Вы, кои б хлебом нас ссудить еще могли?
Земля у вас всегда богато урожала,
А ныне разве перестала?
Иль более у вас трудиться не хотят?»
«Нет, все родит земля как прежде, говорят,
И мы трудимся тож, как прежде, отвечают,
Да что мы ни сожнем, все боги поедят».
«Как? боги есть у вас, которые едят?»
«Так наши нам жрецы сказали
И, сверх того, нам толковали:
Чем больше боги с нас возьмут,
Тем больше нам опять дадут».
«Быть так, поможем вам, но знайте, говорят,
Вас должно сожалеть, а более смеяться,
Что вы на плутовство жрецов могли поддаться.
Не боги хлеб у вас — жрецы его едят,
И если впредь опять того же не хотите,
Так от себя жрецов сгоните,
А идолов своих разбейте и сожгите.
У нас один лишь бог; но тот не с нас берет,
А напроти́в того, наш бог все нам дает.
Его мы одного лишь только прославляем,
По благостям одним об нем мы вображаем,
А вид ему не можем дать».

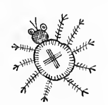
Решился ли народ отстать
От закоснелого годами заблужденья,
От идолов своих и жертвоприношенья,—
Еще об этом не слыхать.

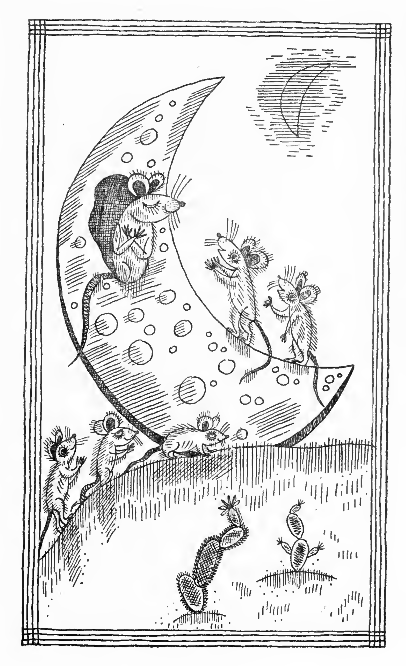
МУХА И ПАУК

В прекрасном здании одном,
Великолепном и большом,
В котором сколько все искусством поражало,
То столько ж простотой своей равно прельщало,
В сем сáмом здании на камне заседала
Одна премрачная из мух и размышляла,
Так, как бы, например, ученый размышлял;
Когда глубокую задачу раздробляет.
А что у мух всегда вид пасмурный бывает
И часто голова ногою подперта
И бровь насуплена, тому причина та,
Что много мухи разумеют
И в глубину вещей стараются входить,
А не вершки одни учености схватить.
Премудрой мухе, здесь сидящей в размышленье,
В таком же точно быть случилось положенье.
Нахмуря плоский лоб полдюжиной морщин
В искании вещам и бытиям причин,
«Хотелось бы мне знать, сказала,
Строенье это от чего?
И есть ли кто-нибудь, кто сотворил его?
По-моему, как я об этом заключала,
То кажется, что нет; и кто бы это был?»
«Искусство,— пожилой паук ей говорил,—
Все, что ты видишь, сотворило;
А что искусство это было,
Свидетельствует в том порядок всех частей
Тобою видимых вещей».
«Искусство? — муха тут с насмешкой повторила.—
Да что искусство-то? — спросила.—
И от кого оно? Нет, нет, я, размышляя,
Другого тут не нахожу,
Как то, что это все лишь выдумка пустая.
А разве я тебе скажу,
Как это здание и отчего взялося.
Случилось некогда, что собственно собой
Здесь мелких камушков так много собралося,
Что камень оттого составился большой,
В котором оба мы находимся с тобой.
Ведь это очень ясно мненье?»

Такое мухи рассужденье,
Как мухе, можно извинить;
Но что о тех умах великих заключить,
Которые весь свет случайным быть считают
Со всем порядком тем, который в нем встречают,
И лучше в нем судьбе слепой подвластны быть,
Чем бога признавать, решились?
Тех, кажется, никак не можно извинить,
А только сожалеть об них, что повредились.

иван
дмитриев

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТ СВЕТА

Восточны жители, в преданиях своих,
Рассказывают нам, что некогда у них
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слепого счастия игрою,
Оставила сей шумный мир
И скрылась от него в глубокую пещеру:
В голландский сыр.
Там святостью одной свою питая веру,
К спасению души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландский сыр скребла, скребла
И выскребла досужным часом
Изрядну келейку с достаточным запасом.
Чего же более? В таких-то Мышь трудах
Разъелась так, что страх!
Короче, на пороге рая!
Сам бог блюдет того,
Работать миру кто отрекся для него.
Однажды пред нее явилось, воздыхая,
Посольство от ее любезных земляков;
Оно идет просить защиты от дворов

Противу кошечья народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крысополис их в осаде уж держал.
«Всеобща бедность и невзгода,—
Посольство говорит,— причиною, что мы
Несем пустые лишь сумы;
Что было с нами, все проели,
А путь еще далек! и для того посмели
Зайти к тебе и бить челом
Снабдить нас в крайности посильным подаяньем».
Затворница на то, с душевным состраданьем
И лапки положа на грудь свою крестом:
«Возлюбленны мои! — смиренно отвечала,—
Я от житейского давно уже отстала;
Чем, грешная, могу помочь?
Да ниспошлет вам бог! а я и день и ночь
Молить его за вас готова».
Поклон им, заперлась, и более ни слова.

Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
Монах? Избави бог и думать!.. Нет, Дервиш.

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб с Тростию вступил однажды
в разговоры.
«Жалею,— Дуб сказал, склоня к ней важны
взоры,—
Жалею, Тросточка, об участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжел и воробей;
Легчайший ветерок, едва струящий воду,
Ужасен для тебя, как буря в непогоду,
И гнет тебя к земли;
Тогда как я — высок, осанист и вдали
Не только Фебовы лучи пересекаю,

Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою и слышу вкруг спокойно треск и стон;
Все для меня Зефир, тебе ж все Аквилон.
Блаженна б ты была, когда б росла со мною:
Под тению моей густою
Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил
Расти, наместо злачна дола,
На топких берегах владычества Эола,
По чести, и в меня твой жребий грусть вселил».
«Ты очень жалостлив,— Трость Дубу отвечала,—
Но, право, о себе еще я не вздыхала,
Да не о чем и воздыхать:
Мне ветры менее, чем для тебя, опасны,
Хотя порывы их ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождем конца». С сим словом вдруг завыла
От севера гроза и небо помрачила;
Ударил грозный ветр — все рушит и валит,
Летит, кружится лист; Трость гнется — Дуб стоит.
Ветр, пуще воружась, из всей ударил мочи,
И тот, на коего с трудом взирали очи,
Кто ада и небес едва не досягал —
Упал!

ПЕТУХ, КОТ И МЫШОНОК

О дети, дети! как опасны ваши лета!
Мышонок, не видавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей.
«Оставя нашу нору
И перебравшися чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой Мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.

Вдруг с ро́змаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой: нахал, крикун; теперь лишь будто с бою;
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост:
Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И будто две руки служащи для полета;
Он ими так махал
И так ужасно горло драл,
Что я таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! Без него я, верно бы, в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга;
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными Мышами».
«А я тебе на то скажу,—
Мышонка мать остановила,—
Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот... Кот!
Под видом кротости, он враг наш, злой губитель;
Другой же был Петух, миролюбивый житель.
Не только от него не видим мы вреда
Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда.
Вперед по виду ты не делай заключенья».

ЧИЖИК И ЗЯБЛИЦА

Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет:
«Ах! скоро ль солнышко взойдет
И с домиком меня застанет?
Ах! скоро ли оно проглянет?
Но вот уж и взошло! как тихо и красно!
Какая в воздухе, в дыханье, в жизни сладость:
Ах! я такого дня не видывал давно».
Но без товарища и радость нам не в радость:
Желаешь для себя, а ищешь разделить!
«Любезна Зяблица! — кричит мой Чиж соседке,
Смиренно прикорнувшей к ветке,—
Что ты задумалась? Давай-ка день хвалить!
Смотри, как солнышко...» Но солнце вдруг сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Все птицы спрятались, кто в гнезды, кто в реку,
Лишь галки стаями гуляют по песку
И криком бурю вызывают;
Да ласточки еще над озером летают;
Бык, шею вытянув, под плугом заревел;
А конь, поднявши хвост и разметавши гриву,
Ржет, пышет и летит чрез ниву.
И вдруг ужасный вихрь со свистом восшумел,
Со треском грянул гром, ударил дождь со градом,
И пали пастухи со стадом.
Потом прошла гроза и солнце расцвело,
Все стало ярче и светлее,
Цветы душистее, деревья зеленее,
Лишь домик у Чижа куда-то занесло.
О бедненький мой Чиж! Он, мокрыми крылами
Насилу шевеля, к соседушке летит
И ей со вздохом и слезами,
Носок повеся, говорит:
«Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит:
Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит».

ЛИСА-ПРОПОВЕДНИЦА

Разбитая параличом
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всем телом дряхлая, но бодрая умом
И в логике своей из первых мастерица,
Лисица
Уединилася от света и от зла
И проповедовать в пустыню перешла.
Там кроткие свои беседы растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правоте;
То плакала, то воздыхала
О братии, в мирской утопшей суете;
А братий и всего на проповедь сбиралось
Пять-шесть, наперечет;
А иногда случалось
И менее того, и то Сурок, да Крот,
Да две-три набожные Лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор;
Какой же ожидать от них Лисице дани?
Но Лисий дальновиден взор;
Она переменила струны:
Взяла суровый вид и бросила перуны
На кровожаждущих Медведей и Волков,
На Тигров, даже и на Львов!
Что ж? слушателей тьма стеклася,
И слава о ее витийстве донеслася
До самого Царя зверей,
Который, несмотря что он породы львиной,
Без шума управлял подвластною скотиной,
И в благочестие вдался под старость дней.
«Послушаем Лису! — Лев молвил.— Что за диво?»
За словом вслед указ;
И в сутки, ежели не лживо
Историк уверяет нас,
Лиса привезена и проповедь сказала.
Какую ж проповедь? Из кожи лезла вон!
В тиранов гром она бросала,
А в страждущих от них дух бодрости вливала.
Придворные оцепенели:
Как можно при дворе так дерзко говорить!

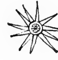
Друг на друга глядят, но говорить не смели,
Смекнув, что Царь Лису изволил похвалить.
Как новость, иногда и правда нам по нраву!
Короче вам: Лиса вошла и в честь и славу;
Царь Лев, дав лапу ей, приветливо сказал:
«Тобой я истину познал
И боле прежнего гнушаться стал пороков;
Чего ж ты требуешь во мзду твоих уроков?
Скажи без всякого зазренья и стыда;
Я твой должник». Лиса глядь-глядь туда-сюда,
Как будто совести почувствуя улику:
«Всещедрый царь-отец! —
Ответствовала Льву с запинкой наконец.—
Индеек... *малую толику*».

ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА

«Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель,
И сторож, и министр, и олтарей служитель,
И доктор, и больной, и самый государь —
Все чувствуют, что я важней, чем календарь!
Я каждому из них минуты означаю;
Деля и день и ночь, я время измеряю!» —
Так, видя на нее зевающий народ,
Хвалилась Стрелка часовая,
Меж тем как бедная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрелке ход!

Пружина — Секретарь; а Стрелка, между нами...
Но вы умны: смекайте сами.

КАРЕТНЫЕ ЛОШАДИ

Две Лошади везли карету.
Осел, увидя их, сказал:
«С какою завистью смотрю на пару эту!
Нет дня, чтоб где-нибудь ее я не встречал;
Всё вместе: видно, очень дружны!»
«Дурак, дурак! при всей длине своих ушей! —
Сказала вслед ему одна из Лошадей.—
Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинка ль — всегда в упряжке быть одной,
А розно жить душой?»

«Увы! не нам чета, живут на нас похоже!» —
Вчера мне Хлоин муж шепнул в собранье тоже.

ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя друзьями были,
Издавна вместе жили
И кушали и пили.
Соскучился один все видеть то ж да то ж;
Задумал погулять и другу в том открылся.
Тому весть эта острый нож;
Он вздрогнул, прослезился
И к другу возопил:
«Помилуй, братец, чем меня ты поразил?
Легко ль в разлуке быть?.. тебе легко, жестокой!
Я знаю; ах! а мне... я, с горести глубокой,
И дня не проживу... К тому же рассуди,
Такая ли пора, чтоб в странствие пускаться?
Хоть до Зефиров ты, Голубчик, погоди!
К чему спешишь? Еще успеем мы расстаться!
Теперь лишь Ворон прокричал,
И без сомнения — страшуся я безмерно!—
Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал,
А сердце в горести и пуще имоверно!

Когда расстанусь я с тобой,
То будет каждый день мне угрожать бедой:
То ястребом лихим, то лютыми стрелками,
То коршунами, то силками —
Все злое сердце мне на память приведет.
Ахти мне! я скажу, вздохнувши, дождь идет!
Здоров ли-то мой друг? Не терпит ли он холод?
Не чувствует ли голод?
И мало ли чего не вздумаю тогда!»
Безумцам умна речь, как в ручейке вода:
Журчит и мимо протекает.
Затейник слушает, вздыхает,
А все-таки лететь желает.
«Нет, братец, так и быть,— сказал он,— полечу!
Но верь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь: пройдет дни три, и буду я с тобою
Клевать
И ворковать
Опять под кровлею одною;
Начну рассказывать тебе по вечерам —
Ведь все одно да то ж приговорится нам,—
Что видел я, где был, где хорошо, где худо;
Скажу: я там-то был, такое видел чудо,
А там случилось то со мной —
А ты, дружочек мой,
Наслушаясь меня, так сведущ будешь к лету,
Как будто бы и сам гулял по белу свету.
Прости ж!» — При сих словах
Наместо всех *увы!* и *ах!*
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и расстались.
Один, носок повеся, сел;
Другой вспорхнул, взвился, летит, летит стрелою
И верно б, сгоряча край света залетел;
Но вдруг покрылось небо мглою,
И прямо страннику в глаза
Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам
словом,
Со всею свитою, как водится, гроза!
При случае таком, опасном, хоть не новом,
Голубчик поскорей садится на сучок
И рад еще тому, что только лишь измок.
Гроза утихнула, Голубчик обсушился

И в путь опять пустился.
Летит и видит свысока —
Рассыпано пшено, а возле — Голубка;
Садится и в минуту
Запутался в сети; но сеть была худа,
Так он против нее носком вооружился;
То им, то ножкою тянув, тянув, пробился
Из сети без вреда,
С утратой перьев лишь. Но это ли беда?
К усугубленью страха,
Явился вдруг Сокол и, со всего размаха,
Напал на бедняка,
Который, как злодей, опутан кандалами,
Тащил с собой снурок с обрывками силка.
Но, к счастью, тут Орел с широкими крылами
Для встречи Сокола спустился с облаков;
И так благодаря стечению воров
Наш путник Соколу в добычу не достался,
Однако все еще с бедой не развязался:
В испуге потеряв и ум и зоркость глаз,
Задел за кровлю он как раз
И вывихнул крыло; потом в него мальчишка —
Знать, голубиный был и в том еще умишка —
Для шутки камешек лукнул
И так его зашиб, что чуть он отдохнул;
Потом... потом, прокляв себя, судьбу, дорогу,
Решился бресть назад, полмертвый, полхромой;
И прибыл наконец калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которых бог любви соединил!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь!
Пускай один в другом находит каждый час
Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный!
Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?
Любовь, поверьте мне, все заменит для вас.
Я сам любил: тогда за луг уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах!.. Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?

Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых обольщений
И полно мне любить?

МУДРЕЦ И ПОСЕЛЯНИН

Как я люблю моих героев воспевать!
Не знаю, могут ли они меня прославить;
Но мне их тяжело оставить.
С животными я рад всечасно лепетать
И век мой коротать.
Люблю их общество! Согласен я, конечно,
Есть и у них свой плут, сутяга и пролаз,
И хуже этого; но я чистосердечно
Скажу вам между нас:
Опасней тварей всех словесную считаю,
И плут за плута... я Лису предпочитаю.
Таких же мыслей был покойник мой земляк,
Не автор, ниже́ чтец, однако, не дурак,
Честнейший человек, оракул всей округи.
Отец ли огорчен, размолвятся ль супруги,
Торгаш ли заведет с товарищем расчет,
Сиротка ль своего лишается наследства:
Всем нужда до его советов иль посредства,
Как важно иногда судил он у ворот
На лавке, окружен согласною семьею,
Детьми и внуками, друзьями и роднею!
«Ты прав! ты виноват!» — бывало, скажет он,
И этот приговор был силен, как закон,
И ни один не смел, ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды пред его почтенной сединою.
Однажды, помню я, имел с ним разговор
Проезжий моралист, натуры испытатель.
«Скажи мне,— он спросил,— какой тебя писатель
Наставил мудрости? Каких монархов двор

Открыл перед тобой все таинства правленья?
Зенона ль строгого держался ты ученья
Иль Пифагоровым последовал стопам?
У Эпикура ли быть счастливым учился
Или божественным Платоном озарился?»
«А я их и не знал ниже́ по именам! —
Ответствует ему смиренно сельский житель. —
Природа мне букварь, а сердце мой учитель.
Вселенну населил животными творец;
В науке нравственной я их брал в образец:
У кротких голубков я перенял быть нежным;
    У муравья к труду прилежным
        И на зиму запас копить;
        Волом я научен терпенью;
            Овечкою — смиренью;
        Собакой — неусыпным быть;
А если б мы детей невольно не любили,
То куры бы меня любить их научили;
По мне же, так легко и всякого любить!
            Я зависти не знаю;
Доволен тем, что есть — богатый пусть богат,
А бедного всегда, как брата, обнимаю,
    И с ним делиться рад.
Стараюсь, наконец, рассудка быть под властью,
И только — вот и вся моя наука счастью!»

МОЛЧАНИЕ СОЛОВЬЯ

Умолк Соловушко! Конечно, бедный, болен
    Или подружкой недоволен,
  А может, и несчастлив в ней!
«Мне жалок он!» — сказал печально Воробей.
  «Он жалок? — Зяблица к словам его
                                        пристала: —
    Как мало в сердце ты читал!
    Я лучше отгадала:
Любил он, так и пел; стал счастлив, замолчал».

ОСЕЛ, ОБЕЗЬЯНА И КРОТ

Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!
Зарюмил, зарычал:
Зачем неправосудны боги
Быкам крутые дали роги,
А он рожден без них, а он без них умрет.
Дурак дурацкое и врет!
Он, видно, думал, что в народе
Рога в великой моде.
Как Обезьяну нам унять,
Чтоб ей чего не перенять?
Ну и она богам пенять,
Зачем, к ее стыду, печали,
Они ей хвост короткий дали.
«А я и слеп! Зажмите ж рот!» —
Сказал им, высунясь из норки, бедный Крот.

ПРОХОЖИЙ

Прохожий, в монастырь зашедши на пути,
Просил у братий позволенья
На колокольню их взойти.
Взошел и стал хвалить различные явленья,
Которые ему открыла высота.
«Какие,— он вскричал,— волшебные места!
Вдруг вижу горы, лес, озера и долины!
Великолепные картины!
Не правда ли?» — вопрос он сделал одному
Из братий, с ним стоящих.
«Да! — труженик, вздохнув, ответствовал ему,—
Для проходящих».

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ

«Возможно ли, как в тридцать лет
Переменилось все!.. Ей-ей, другой стал свет! —
Подагрик размышлял, на креслах нянча ногу.—
Бывало, в наши дни и помолиться богу
И погулять — всему был час;
А ныне... что у нас?
Повсюду скука да заботы,
Не пляшут, не поют — нет ни к чему охоты!
Такая ль в старину бывала и весна?
Где ныне красны дни? где слышно птичек пенье?
Охти мне! знать, пришли последни времена;
Предвижу я твое, природа, разрушенье!»
При этом слове вдруг, с восторгом на лице,
Племянница к нему вбежала.
«Простите, дядюшка, нас матушка послала
С мадамой в Летний сад. Все, все уж на крыльце;
Какой же красный день!» И вмиг ее не стало.
«Какая ветреность! Вот модные умы! —
Мудрец наш заворчал.— Такими ли, бывало,
Воспитывали нас? Мой бог, все хуже стало».

Читатели! Подагрик — мы.

ДОН-КИШОТ

Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться,
Решился лучше их пасти
И жизнь невинную в Аркадии вести.
Проворным долго ль снаряжаться?
Обломок дротика пошел за посошок,
Котомкой с табаком мешок,
Фуфайка спальная пастушечьим камзолом;
А шляпу, в знак его союза с нежным полом,
У клюшницы своей соломенную взял
И лентой розового цвета
Под бледны щеки подвязал

Узлами в образе букета.
Спустил на волю кобеля,
Который к хлебному прикован был анбару;
Послал в мясном ряду купить баранов пару,
И стадо он свое рассыпал на поля
По первому морозу;
И начал воспевать весенню розу.
Но в этом худа нет: веселому все в лад,
И пусть играет всяк любимою гремушкой;
А вот что невпопад:
Идет коровница,— почтя ее пастушкой,
Согнул наш пастушок колена перед ней
И, размахнув руками,
Отборными словами
Пустился петь эклогу ей.
«Аглая! — говорит,— прелестная Аглая!
Предмет и тайных мук, и радостей моих!
Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
Лелеять и любить овечек лишь своих?
Послушай, милая! там, позади кусточков,
На дереве гнездо нашел я голубочков:
Прими в подарок их от сердца моего;
Я рад бы подарить любезную полсветом:
Увы! мне, кроме их, бог не дал ничего!
Они белы как снег, равны с тобою цветом,
Но сердце не твое у них!»
Меж тем как толстая коровница Аглая,
Кудрявых слов таких
Седого пастушка совсем не понимая,
Стоит разинув рот и выпуча глаза,
Ревнивый муж ее, подслушав Селадона,
Такого дал ему туза,
Что он невольно лбом отвесил три поклона;
Однако ж головы и тут не потерял.
«Пастух-невежда! — он вскричал.—
Не смей ты нарушать закона!
Начнем пастуший бой;
Пусть победителя Аглая увенчает:
Не бей меня, но пой!»
Муж грубый кулаком вторичным отвечает
И, к счастью, в глаз, а не в висок.
Тут нежный, верный пастушок,
Смекнув, что это въявь увечье, не проказа,

Чрез поле рысаком во весь пустился дух
И с этой стал поры ни витязь, ни пастух;
Но просто: дворянин без глаза.

Ах! часто и в себе я это замечал,
Что, глупости бежа, в другую попадал.

МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах,
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«*Мы* сбили! *мы* решили!»?

КОКЕТКА И ПЧЕЛА

Прелестная Лизета
Лишь только что успела встать
С постели роскоши, дойти до туалета
И дружеский совет начать
С поверенным всех чувств, желаний,
Отрад, веселья и страданий,
С уборным зеркалом,— вдруг страшная Пчела
Вокруг Лизеты зажужжала.

Лизета обмерла,
Вскочила, закричала:
«Ах, ах! Мисс Женни, поскорей!
Параша! Дунюшка!» Весь дом сбежался к ней;
Но поздно! Ни любовь, ни дружество, ни злато —
Ничто не отвратит неумолимый рок!
Чудовище крылато
Успело уже сесть на розовый роток,
И Лиза в обморок упала.
«Не дам торжествовать тебе над госпожой!» —
Вскричала Дунюшка и смелою рукой
В минуту Пчелку поймала;
А пленница в слезах, в отчаянье жужжала:
«Клянуся Флорою! Хотела ли я зла?
Я аленький роток за розу приняла».
Столь жалостная речь Лизету воскресила!
«Дуняша! — говорит Лизета,— жаль Пчелы;
Пусти ее: она почти не уязвила».

Как сильно действует и крошечка хвалы!

ДВЕ ЛИСЫ

Вчера, подслушал я, две разных свойств Лисицы
Такой имели разговор:
«Ты ль это, кумушка! Давно ли из столицы?»
«Давно ль оставила я двор?
С неделю».— «Как же ты разъелась, подобрела!
Знать, при дворе у Льва привольное житье?»
«И очень! Досыта всего пила и ела».
«А в чем там ремесло главнейшее твое?»
«Безделица! С утра до вечера таскаться,
Где такнуть, где польстить, пред сильным унижаться,
И больше ничего».— «Какое ремесло!»
«Однако ж мне оно довольно принесло:
Чин, место».— «Горький плод! Чины не возвышают,
Когда их подлости ценою покупают».

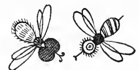
ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Какой-то добрый человек,
Не чувствуя к чинам охоты,
Не зная страха, ни заботы,
Без скуки провожал свой век
С Плутархом, с лирой
И Пленирой,
Не знаю точно где, а только не у нас.
Однажды под вечер, как солнца луч погас
И мать качать дитя уже переставала,
Нечаянно к нему Фортуна в дом попала
И в двери ну стучать!
«Кто там?» — Пустынник окликает.
«Я! Я!» — «Да кто, могу ли знать?»
«Я та, которая тебе повелевает
Скорее отпереть».— «Пустое!» — он сказал
И замолчал.
«Отóпрешь ли? — еще Фортуна закричала.—
Я век ни от кого отказа не слыхала;
Пусти Фортуну ты со свитою к себе,
С Богатством, Знатью и Чинами...
Теперь известна я тебе?»
«По слуху... Но куда мне с вами?
Поди в другой ты дом,
А мне не поместить, ей-ей! такой содом».
«Невежа! да пусти меня хоть с половиной,
Хоть с третью, слышишь ли?.. Ах, сжалься над судьбиной
Великолепия... Оно уж чуть дышит,
Над гордой Знатностью, которая дрожит
И, стоя у порога, мерзнет;
Тронись хоть Славою, мой миленький дружок!
Еще минута — все исчезнет!..
Упрямый! дай хотя Желанью уголок».
«Да отвяжися ты, лихая пустомеля! —
Пустынник ей сказал.— Ну, право, не могу.
Смотри, одна и есть постеля,
И ту я для себя с Пленирой берегу».

ПЧЕЛА И МУХА

«Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела
Так Мухе говорила.—
Сказать ли весточку? Какой я сот слепила!
Мой мед прозрачнее стекла;
И как душист! как сладок, вкусен!»
«Поверю,— Муха ей ответствует,— ваш род
Природно в том искусен;
А я хотела б знать, каков-то будет плод,
Продлятся ли жары?» — «Да! что-то будет
с медом?»
«Ах! этот мед да мед, твоим всегдашним бредом!»
«Да для того, что мед...» — «Опять? Нет
сил терпеть,
Какое малодушье!
Я, право, получу от слов твоих удушье».
«Удушье? Ничего! съесть меду да вспотеть,
И все пройдет; мой мед...» — «Чтоб быть
тебе без жала! —
С досадой Муха ей сказала.—
Сокройся в улей свой, вралиха! иль молчи!»

О эгоисты-рифмачи!
Я вас не называю,
Но басню эту вам от сердца посвящаю.

РЫСЬ И КРОТ

Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота,
Из жалости ему по-свойски говорила:
«Увы! мой бедный Крот, несчастье — слепота!
И рощица и луг с цветами — все места
Тебе как темная могила!
Какая жизнь твоя!
С утра до вечера ты спишь или зеваешь
И ни о чем не рассуждаешь.

А я
Теперь же, будто на ладони,
Все вижу на версту вокруг
И все пересказать готова. Слушай, друг:
Вот ястреб в облаках за коршуном в погоне;
Здесь ласточка своих птенцов
Питает мухами, добычей пауковой;
Там хитрая лиса цыпленку строит ков;
Там кролика постиг ружья удар громовый;
Здесь кошка давит мышь; а там
Змея впилась в корову;
А далее медведь, разинув пасть багрову,
Ревет и гонится за серной по скалам;
А вот и лютый волк ягненочка терзает...»
«Ах, полно, полно! — Крот болтунью прерывает. —
Утешно ль зрячим быть для ужасов таких?
Довольно и того, что слышал я об них».

ОСЕЛ И КАБАН

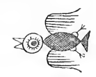
Не знаю от чего зазнавшийся Осел
Храбрился, что вражду с Кабаном он завел,
С которым и нельзя иметь ему приязни.
«Что мне Кабан! — Осел рычал, —
Сейчас готов с ним в бой без всякие боязни!»
«Мне в бой с тобой? — Кабан с презрением сказал, —
Несчастный! будь спокоен:
Ты славной смерти не достоин».

ЖАВОРОНОК С ДЕТЬМИ И ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Пословица у нас: *на ближних уповай,*
А сам ты не плошай!
И правда: вот пример. В прекрасные дни года,
В которые цветет и нежится природа,
Когда все любится — медведь в лесу густом,
Киты на дне морском,
А жаворонки в поле,—
Не ведаю того, по воле иль неволе,
Но самочка одна,
Из племя жаворонков, летала да гуляла
И о влиянии весны не помышляла.
А уж давно весна!
Сдалася наконец природе и она
И матерью еще назваться захотела.
У птичек много ли затей?
Свила во ржи гнездо, снесла яичек, села
И вывела детей.
Рожь выросла, созрела,
А птенчики еще не в силах ни порхать,
Ни корма доставать;
Все матушка ищи. «Ну, детушки, прощайте!
Я за припасом полечу,—
Сказала им она,— а вы здесь примечайте,
Не соберутся ль жать, и тотчас голос дайте;
Так я другое вам пристанище сыщу».
Она лишь из гнезда — пришел хозяин в поле
И сыну говорит: «Ведь рожь и жать пора:
Смотри, как матера!
Ступай же ты, не медля боле,
И попроси друзей на помощь к нам прийти».
«Ах, матушка, лети! Скорее к нам лети!» —
Малютки в страхе запищали.
«Что, что вам сделалось?»— «Ахти! мы все пропали:
Хозяин был, он хочет жать;
Уж сыну и друзей велел на помочь звать».
«А боле ничего? — ответствовала мать.—
Так не к чему спешить: *день ночи мудренее.*
Вот, детушки, вам корм: покушайте скорее,
Да ляжем с богом спать!» Они того, сего
Клевнули,
Прижались под крыло к родимой и уснули.

Уж день, а из друзей нет в поле никого.
Пичужечка опять пустилась за припасом,
А селянин на рожь
И мыслит: «На родню сторонний не похож!
Поди-ка, сын мой, добрым часом
Ты к дяде своему да свату поклонись!»
Малютки пуще взволновались,
А матери вослед все в голос раскричались:
«Ах! милая, скорей! родима, воротись!!
Уж за родней пошли!» — «Молчите,
не пугайтесь! —
Ответствовала мать.— И с богом оставайтесь».
Еще проходит день; хозяин в третий раз
Приходит на поле. «Изрядно учат нас,—
Он сыну говорит,— и дельно! Впредь не станем
С надеждою зевать, а поскорей вспомянем,
Что всякий сам себе вернейший друг и брат;
Ступай же ты назад
И матери скажи с сестрами,
Чтоб на поле пришли с серпами».
А птичка, слыша то, сказала детям так:
«Ну, детки! вот теперь к походу верный знак».
И дети в тот же миг скорей-скорей сбираться;
Расправя крылья, в первый раз
За маткой кое-как вверх-вверх приподниматься
И скрылися от глаз.

ИСТУКАН И ЛИСА

Осел, как скот простой,
Глядит на Истукан пустой
И лижет позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилежно раза два,
Пошла и говорит: «Прекрасна голова!
Да жаль, что мозгу нет!» Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы с сим Истуканом схожи?

СВЕРЧКИ

Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А нацией Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейский дом;
Один в передней жил, другой же в кабинете,
И каждый день они видалися тайком.
«Нет лучше нашего хозяина на свете! —
Сказал товарищу Сверчок.—
Как гнется, даром что высок!
Какая кротость в нем! какая добродетель!
И как трудолюбив! Я сам тому свидетель,
Какую кучу он записок отберет,
И что же? Ни одной из них не издерет,
А все за ним тащат!» — «На произвол судьбины! —
Товарищ подхватил.—
Дружок! ты, видно, век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины;
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
В передней барин то, чем хочет он казаться;
А здесь — каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
А до других и дела нет;
Вот нашего ханжи и все тут уложенье!
Оставь же лишнее к нему ты уваженье.
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
Парадного с приватным».

ЛЕВ И КОМАР

«Прочь ты, подлейший гад, навоза порожденье!» —
Лев гордый Комару сказал.
«Потише! — отвечал Комар ему,— я мал,

Но сам не меньше горд и не снесу презренье!
Ты царь зверей,
Согласен;
Но мне нимало не ужасен:
Я и Быком верчу, а он тебя сильней».
Сказал и, став трубач, жужжит повестку к бою;
Потом с размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетел и в шею Льву впился:
У Льва глаз кровью налился;
Из пасти пена бьет, зубами он скрежещет,
Ревет, и все вокруг уходит и трепещет!
От Комара всеобщий страх!
Он в тысячи местах,
И в шею, и в бока, и в брюхо Льва кусает,
И даже в глубь ноздри влетает!
Тогда несчастный Лев, в страданье выше сил,
Как бешеный вкруг чресл хвостом своим забил
И начал грызть себя; потом... лишившись мочи,
Упал и грозные навек смыкает очи.
Крылатый богатырь тут пуще зажужжал
И всюду разглашать о подвигах помчался;
Но скоро сам попал
В засаду к Пауку и с жизнию расстался.
Увы! в юдоли слез неверен каждый шаг;
От злобы, от беды, когда и где в покое?
Опасен *крупный* враг,
А *мелкий* часто вдвое.

василий
жуковский

СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один неопытный Мышонок
У старого Кота под лапою пищал,
И так его, в слезах, на жалость преклонял:
«Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!
Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье?
Твоя хозяюшка и вся ее семья
Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
И в чем же мой обед? Зерно, а много два!
Орех мне — на неделю!
К тому ж теперь я худ! Едва-едва
Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
Был болен! Потерпи, пусти меня пожить!
Пусть деточки твои меня изволят скушать!»
«Молчи, молокосос! Тебе ль меня учить?
И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
Я Кот, и стар, мой друг! прощения не жди,
А лучше, без хлопот, поди
К Плутону милости его отведать!
Моим же деточкам всегда есть что обедать!»
Сказал, Мышонка — цап! Тот пискнул и припал.
А Кот, покушавши, ни в чем как не бывал!

Ужель рассказ без поученья?
Никак, читатель, есть!
Всем юность льстит себя! все мыслит приобресть!
А старость никогда не знает сожаленья!

ИСТИНА И БАСНЯ

Однажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой, на белый вышла свет.
Бог с ней! непригожá, как смерть худая,
Лицом угрюмая, с сутулиной от лет.
Стук-стук у всех ворот: «Пустите, ради бога!
Я, Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, ветрено: иззябла и дрожу!»
«Нет места, матушка! счастливая дорога!» —
Везде ей был ответ.
Что делать? на бок лечь, пусть снегом занесет!
Присела на сугроб, стучит зубами!
Вдруг Басня, в золоте, облитая парчой,
А правду молвить — мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся в камнях дорогих,
Блистающих как жар, хотя фальшивых,
На санках золотых,
На тройке рысаков красивых
Катит, и прямо к ней: «Зачем ты здесь, сестра?
Одна! в такой мороз! прогулкам не пора!»
«Ты видишь, зябну! люди глухи:
Никто мне не дает приюта ни на час.
Я всем страшна! мы жалкий люд, старухи!
Как будто от чумы, все бегают от нас!»
«А ты ведь мне большая,
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дело я?
Весь мир моя семья!
И кто ж виной? Зачем таскаешься нагая?
Тебе ль не знать, мой друг, что маску любит свет?
Изволь-ка выслушать мой сестринский совет:

Нам должно быть дружней и жить не так, как прежде,
Жить вместе; а тебе в моей ходить одежде.
С тобой и для меня отворит дверь мудрец,
Со мною и тебя не выгонит глупец:
А глупым нынче род — и род весьма обильный!»
Тут Истина, умильный
На Басню обративши взор,
К ней в сани прыг... летят, и следу нет! — С тех пор
Везде сестрицы неразлучны:
И Басня не глупа, и с Истиной не скучно!

ССОРА ПЛЕШИВЫХ

Два кума лысые дорогой шли
И видят, что-то на траве блистает.
«Ну! — думают. — Мы клад нашли!»
«Моя находка!» — «Вздор!» Уж кума кум толкает
И в спину и в бока!
Увы, последнего седого хохолка
На гладких лысинах не стало!
За что же дело стало?
За что свирепый бой?
За гребень роговой!

КОТ И МЫШЬ

Случилось так, что кот Федотка-сыроед,
Сова Трофимовна-сопунья,
И мышка-хлебница, и ласточка-прыгунья,

Все плуты, сколько-то, не помню, лет,
Не вместе, но в одной дуплистой, дряхлой ели
Пристанище имели.
Подметил их стрелок — и сетку на дупло.
Лишь только ночь от дня свой сумрак отделила
(В тот час, как на полях ни темно, ни светло,
Когда, не видя, ждешь небесного светила),
Наш кот из норки — шасть, и прямо бряк под сеть.
Беда Федотушке! Приходит умереть!
Копышется, хлопочет,
Взмяукался мой кот.
А мышка-вор — как тут! Ей пир, в ладоши бьет.
Хохочет.
«Соседушка, нельзя ль помочь мне? — из сетей
Сказал умильно узник ей. —
Бог добрым воздаянье!
Ты ж, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мне так мила.
Как свет моих очей! Как дневное сиянье!
Я нынче к завтрене спешил
(Всех набожных котов обыкновенье),
Но, знать, неведеньем пред богом погрешил,
Знать, окаянному за дело искушенье!
По воле вышнего под сеть попал!
Но гневный милует: несчастному в спасенье
Тебя мне бог сюда послал!
Соседка, помоги!» — «Помочь тебе? Злодею!
Мышатнику! Коту! С ума ли я сошла!
Избавь его себе на шею!»
«Ах, мышка! — молвил кот. — Тебе ль хочу я зла?
Напротив, я с тобой сейчас в союз вступаю!
Сова и ласточка твои враги;
Прикажешь, вмиг их уберу!» — «Я знаю,
Что ты сластена, кот! Но слов побереги:
Меня не обмануть таким красивым слогом!
Глуха я! Оставайся с богом!»
Лишь хлебница домой,
А ласточка уж там: назад, на ель взбираться!
Тут новая беда: столкнулася с совой.
Куда деваться?
Опять к коту; грызть, грызть тенета!
Удалось!
Благочестивый распутлялся;

Вдруг ловчий из лесу с дубиной показался,
Союзники скорей давай бог ноги, врозь!
И тем все дело заключилось.
Потом опять коту увидеть мышь случилось:
«Ах, друг мой, дай себя обнять!
Боишься? Постыдись; твой страх мне оскорбленье!
Грешно союзника врагом своим считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?»
«А я могу ль не знать,
Что ты котище-объедало?
Что кошка с мышкою не ладят никогда!
Что благодарности в вас духу не бывало!
И что по нужде связь не может быть тверда».

СУРКИ И КРОТ

Свои нам недостатки знать
И в недостатках признаваться —
Как небо и земля; скорей от бед страдать,
Чем бед виною называться!
В пример вам расскажу не басенку, а быль.
Чудна, но справедлива.
Я очевидец сам такого дива
И, право, не хочу пускать в глаза вам пыль!

Однажды на лужок, лишь только солнце село,
Проказники сурки
Сошлись играть в езду, в гулючки, в уголки
И в жмурки! Да, и в жмурки! Это дело
Так верно, как я здесь, и вот как: осокой
Тому, кому ловить, завязывались глазки,
Концы ж повязки
Под морду в узелок; а там — бреди слепой!
Слепой бредет! Другие же беситься,
Кувыркаться, скакать кругом;
Тот под нос шиш ему, тот в зад его пинком;

Тот на ухо свистит, а тот пред ним вертится,
Коверкаясь, как бес!
Бедняжка лапки вверх, хвать-хвать, не тут-то было!
И где поймать таких увертливых повес!
Ловить бы до утра, но счастье пособило:
Возню услышав под землей,
Из норки вылез Крот, монах слепой!
Туда ж, играть с сурками!
Растешился, катит и прямо — бряк! — в силки.
Сурки
Сошлись и говорят: «Он слеп, а мы с глазами!
Не лучше ли его...» — «И, братцы, что за срам! —
Ворчит, надувшись, Крот.— Игра игрою!
Я пойман! Мне ловить, с повязкой, как и вам».
«Пожалуй! Но с твоей, приятель, слепотою
Не будет ли нам грех давить тебя узлом?»
«О, это уж обидно!
Как будто и играть невместно мне с сурком!
Стяни, сударь! еще! еще стяни, мне видно!»

КОТ И ЗЕРКАЛО

Невежды-мудрецы, которых век проходит
В искании таких вещей,
Каких никто никак в сем мире не находит,
Последуйте коту и будьте поумней!

На дамском туалете
Сидел Федотка-кот
И чистил морду... Вдруг глядь в зеркало: Федот
И там. Точь-в-точь! Сходней двух харей нет
на свете.
Шерсть дыбом, прыг к нему, и мордой щелк
в стекло,
Мяукнул, фыркнул!.. «Понимаю!
Стекло прозрачное! Он там! Поймаю!»
Бежит... О, чудо — никого.

Задумался: куда б так скоро провалиться?
Бежит назад! Опять Федотка перед ним!
«Постой! я знаю как! Уж быть тебе моим!»
Наш умница верхом на зеркало садится,
Боясь, чтоб, ходя вкруг, кота не упустить
Или чтоб там и тут в одну минуту быть!
Припал, как вор, вертит глазами;
Две лапки здесь, две лапки там;
Весь вытянут, мурчит, глядит по сторонам;
Нагнулся... Вот опять хвост, лапки, нос с усами.
Хвать-хвать! когтями цап-царап!
Дал промах, сорвался и бух на столик с рамы;
Кота же нет как нет. Тогда, жалея лап
(Заметьте, мудрецы упрямы!)
И ведать не хотя, чего нельзя понять,
Федот наш зеркалу поклон отвесил низкий;
А сам отправился с мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не все к нам вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать».

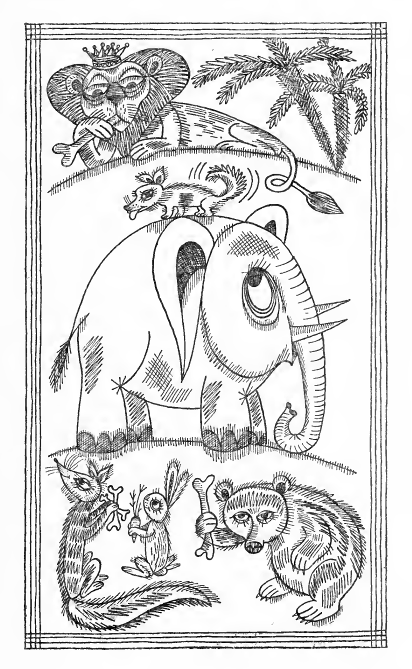
КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.
Один
Московский гражданин,
Пришлец из Арзамаса,
Матюшка-долгохвост, по промыслу Каплун,
На кухню должен был явиться
И там на очаге с кухмистером судиться.
Вся дворня взбегалась: цыпь-цыпь — цыпь-цыпь!
Шалун,
Проворно,
Смекнувши, что беда,
Давай бог ноги! «Господа,
Слуга покорный!

По мне, хотя весь день извольте горло драть,
Меня вам не прельстить учтивыми словами!
Теперь: цыпь-цыпь! А там меня щипать
Да в печку! Да сморчками
Набивши брюхо мне, на стол меня! А там
И поминай как звали!»
Тут Сокол-крутонос, которого считали
По всей окружности примером всем бойцам,
Который на жерди, со спесью соколиной,
Раздувши зоб, сидел
И с смехом на гоньбу глядел,
Сказал: «Дурак Каплун! с такой, как ты, скотиной
Из силы выбился честной народ!
Тебя зовут, а ты, урод,
И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!
Смотри, пожалуй! Я тебе ль чета? Но так
Не горд! лечу на свист! Глухарь, дурак,
Постой! хозяин ждет! вся дворня за тобою!»
Каплун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:
«Князь-Сокол, я не глух! Меня хозяин ждет?
Но знать хочу, зачем? А этот твой приятель,
Который, в фартуке, как вор с ножом,
Так чванится своим узорным колпаком
(Конечно, каплунов усердный почитатель),
Прогневался, что я не падок к их словам!
Но если б соколам,
Как нашей братье, каплунам,
На кухне заглянуть случилось
В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
Тогда хозяйский свист и их бы не провел;
Тогда б, как скот-Каплун, черкнул и князь-Сокол!»

Василий
Пушкин

ЛЕВ И ЕГО ЛЮБИМЕЦ

Собачку Лев любил,
И все тогда ее ласкали:
Лисицы в гости звали,
Медведи кланялись, и тигры уважали;
Спесивый даже слон Собачке другом был,
И хоботом своим огромным
То на спину сажал, то гладил он ее.
Надеяться нельзя на счастие свое!
Врагам угодно было злобным,
Чтоб царь зверей сослал любимца своего.
Любимец изгнанный не стоит ничего!
Все стали клеветать насчет Собачки бедной,
Что ум она имеет вредный;
Лисица голос подала,
Что будто так Собака зла,
Что гнусную на Льва сатиру сочинила;
Медведь всех уверял,
Что две сатиры он читал
И что всю истину Лисица говорила;
А Заяц побежал
(В том зайцев вся и сила),
Не выслушав конца, рассказывать везде,
Что было, как и где.

И мы, как звери, поступаем:
Нередко зло ко злу нарочно прилагаем.

СУРОК И ЩЕГЛЕНОК

Сурку Щегленок говорил:
«Как! Вечно спать? Какая скука!
И вечно быть в норе? Так жить, конечно, мука!
Сон — та же смерть. Чтоб я, лишенный сил,
В гнезде своем лежал, как ты, Сурок несчастной?
Нет, я хочу летать по рощам, по лугам,
По селам, городам,
Все слышать, видеть все. Свободою прекрасной
Я пользуюсь своей.
О бедненький Сурок, об участи твоей
Я истинно жалею:
Ты знаешь, я любить умею!»
«Что ж нового? Скажи скорей», —
Спросил Сурок рассказчика Щегленка.
«От старика и до ребенка
Все заняты умы в столичных городах:
Тот проживается, тот копит, богатится
И в страшных откупах;
Другой над картами трудится;
Заботы, происки о лентах, о чинах;
Никто не думает о ближних, о друзьях;
Жена пред мужем лицемерит,
А муж перед женой, — и до того дошло,
Что брату брат не верит».
«Какой разврат, какое зло! —
Вскричал Сурок с презреньем. —
Не говори с таким, пожалуй, сожаленьем!
Чтоб ужасов таких не слышать и не знать,
По-моему, не лучше ль спать?»

ГОЛУБКА И БАБОЧКА

Однажды Бабочка Голубке говорила:
«Ах, как ты счастлива! Твой голубок с тобой.
Какой он ласковый! Как он хорош собой!
А мне судьба определила
Совсем иначе жить: неверный мотылек
Все по лугам летает;
То незабудочку, то розу выбирает;
А я одна сижу».— «Послушай, мой дружок! —
Голубка отвечала.—
Напрасно, может быть, пеняешь ты ему:
Не ты ль причиною тому,
Что счастья не сыскала?
Я правду говорю: любимой нежно быть
Здесь средство лишь одно — умей сама любить!»
Элиза милая, пример перед тобою:
Люби... и будешь век довольна ты судьбою!
Супруг твой добр и мил. Он сердца твоего,
Конечно, цену знает;
Люби и почитай его!
Там счастье, где любовь: оно вас ожидает.

ВОЛК И ЛИСИЦА

Волк хищный занемог. Раскаянье с недугом
Приходит часто и к зверям.
«Нет,— так он рассуждал с кумой своей и другом,—
Нет, полно рыскать мне по рощам и лугам!
Довольно подушил овечек я невинных;
Не лучше ль смирно жить, питаться мне травой?
Мы, кумушка, с тобой
Забудем о делах бесчинных!
Ты грешнику поверь: в прожорстве нет добра!
И нам опомниться пора!
Советую тебе оставить кур в покое;

Смиренье дело золотое.
Увидишь, я во всем с ягненком буду схож —
И если не лицом, обычаем хорош».
Лисица удивилась.
«Волк,— думала она,— недаром слезы льет
И злость свою клянет;
Он, верно, завтра же умрет».
С почтеньем, молча, поклонилась.
Но, к счастью, у волков
Не знают докторов:
Больной оправился. Курятница-Лисица,
В политике, как всем известно, мастерица,
Пустилась Волка поздравлять:
Не худо иногда зубастым угождать!
Итак, угодница является в пещеру
К нравоучителю, иль, лучше, лицемеру.
Что ж видит там она? Покойно Волк сидит
И кушает барана;
Овца несчастная полмертвая лежит,
Такой же участи ждет скоро от тирана.
«Прекрасно, куманек,— Лисица говорит,—
Ты каялся в грехах и плакал, как ребенок,
Но видно, что в тебе глас совести умолк!» —
«Так что ж? — вскричал злодей.— В болезни я ягненок;
Когда здоров, я — волк».

МЕДВЕДЬ И ЕГО ГОСТИ

Медведю вздумалось зверям дать угощенье;
Толпою все бегут на зов,
И пир, конечно, был таков,
Что он гостей привел в восторг и удивленье.
Вельможа не жалел кармана своего;
Все было славно и богато.
Без спору, можно жить медведям торовато!
Лишь только на пиру веселья одного,

Не знаю, как-то не случилось.
В тот вечер, может быть,
Оно в сердечную беседу удалилось.
Мартышка резвая, охотница шутить,
Прожора небольшая,
Зевала, морщилась, плечами пожимая,
И наконец, отдав хозяину поклон,
Сказала барсуку: «Веселье — мой закон:
У пышных богачей, я вижу, все прекрасно;
Но что-то говорить и трудно и опасно!
Ты оставайся здесь, а я бегу туда,
Где рассмеяться не беда».

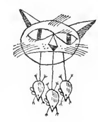
КОТ И МОСЬКА

Кот вздумал с Моською играть.
Собаки все добры. Курносая храпела,
В восторге хвостиком вертела
И всячески Кота старалась забавлять.
Но дружба непрочна с коварными сердцами!
Кот в Моську когти запустил
И даже стал кусать зубами!
«Что так ты морщишься? — бедняжку он спросил. —
С тобой я пошутил;
А я люблю шутить с друзьями.
Сердиться на меня не только что смешно,
Но, право, кажется, грешно».
«Пожалуй, смейся надо мною,—
Сказала Моська,— но с тобою
Водиться не хочу. Нимало не сержусь,
А шуточек твоих боюсь
И вредное навек знакомство разрываю:
Ошиблась — так и быть — опомниться пора!»

Известных я врагов всегда предпочитаю
Друзьям, которые царапать мастера.

ДВЕ СТАРЫЕ КОШКИ

Две кошки старые смиренно рассуждали
О прежних радостях своих,
Как в старину они живали,
Как все любили их!
«Настали времена, обычаи дурные,—
Одна вполголоса твердила так другой.—
В котах учтивости не видно никакой,
Все стали сорванцы прямые.
Поверишь ли? Сижу по суткам я одна;
Никто не примечает,
Никто не приласкает,
Как будто я чумой заражена».
«Ах, как, сестрица, ты мурлычишь справедливо! —
Седая кошка ей в ответ.—
Совсем переменился свет!
Учтивость, постоянство — диво!
Бывало, я взгляну, и несколько котов
Вертятся вкруг меня, прыжками забавляют;
Клянусь, что всякий был мне угождать готов,
А нынче все пересмехают.
Неблагодарные, как я любила их!
Они изменой заплатили;
Забудем мы с тобой обманщиков таких,
Забудем, как они забыли!»
«Голубушки мои,— прервал усатый кот,—
Все чередом своим идет;
Вы были молоды, и вас тогда любили!
Взгляните на себя: вы седы, без зубов;
Какой же ожидать вам ласки от котов?»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

(Сказка)

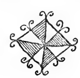
Муж умирающий так говорил жене:
«Скажи чистосердечно мне:
Вот с лишком десять лет, как я живу с тобою,
Была ль ты мне верна? Я от тебя не скрою:
Казалось мне, сосед Фома
Любил тебя, дружочек, без ума.
Скажи всю истину; чего тебе бояться?
Я через час умру, впросак не попадешь!»
«Нет, муженек, не смею я признаться:
Ну, как обманешь — не умрешь!»

БЫЛЬ

(Сказка)

На Лизе молодой богач старик женился,
И участью своей он недоволен был.
«Что ты задумалась? — жене он говорил. —
Я, право, пищи всей лишился
С тех пор, как бог меня с тобой соединил!
Все ты сидишь в углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вечно *вы* да *вы*,
Дружочек, любушка! скажи мне нежно: *ты* —
И шаль турецкая готова».
При слове «*шаль*» жена переменила тон:
«Как *ты* догадлив стал! Поди ж скорее вон!»

КРАСАВИЦА В ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

(Сказка)

Шестидесяти лет Пульхерия-старушка,
Которая в свой век была
Кокетка и вострушка,
Мечтала, что еще пленять она могла
И что амуры вкруг прелестницы резвились,
Но, в зеркале себя увидев невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!
Как зеркала переменились!»

ДЕНИС
ДАВЫДОВ

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами,—
И, словом, бедными Ногами,
Как шашками, вертишь».
«Молчите, дерзкие,— им Голова сказала,—
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,

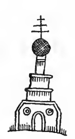
Когда природой нам дано повелевать?»
«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере, нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами, ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».
Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто всё болтает.

РЕКА И ЗЕРКАЛО

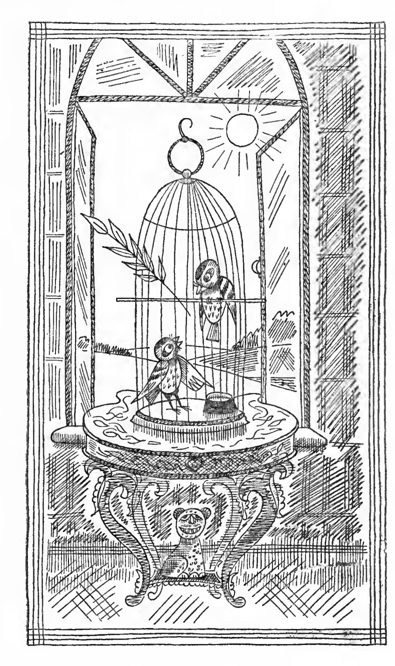
За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей — деспо́т
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.

Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я — зеркало: разбей меня,
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя».
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на басню походила.

Петр
Вяземский

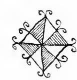

ДВА ЧИЖА

«О чем так тужишь ты? — чиж говорил чижу:
Здесь в клетке во сто раз приятней жить, чем
в поле».
«Так,— молвил тот,— тебе, рожденному в неволе:
Но я, я волю знал, и я о ней тужу».

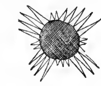
ДОВЕДЬ

Попавшись в доведи на шашечной доске,
Зазналась шашка пред другими,
Забыв, что из одной она и кости с ними
И на одном сработана станке.
Игрок по прихоти сменил ее другою
И продолжал игру, не думая о ней.
При счастье чванство впрок бывает у людей.
Но что, скажите, в нем, как счастье к нам спиною?
О доведи-временщики
На шахматном паркете!
Не забывайте, что на свете
Игрушки царской вы руки!

УБОГИЙ И КАМЕНЬ

Обломок каменный валялся средь дороги.
Таскающий ярмо страданья и суму,
Наткнулся на него убогий
И с сердцем говорит ему:
«Природы мертвое созданье!
Зачем дано тебе существованье?
Равно встречаешь ты блеск утра, ночи тьму,
И летний жар, и зимний холод!
Бесчувственно ты ко всему».
«А мне ль завидовать, чувствительный, тому,
Кто чувствовать умеет голод?»

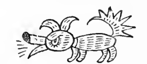
КРУГОВАЯ ПОРУКА

«Какая ж лошадь я!» — свалившись с мосту
в грязь,
Корова говорит. — «Какая ж я корова!» —
Упавши лошадь в ров, вскричала, рассердясь.
Такой пример нам не обнова:
Обычай этот мы найдем и у людей.
Как часто в обществе друзей,
Когда о глупостях людских идет беседа,
Друг на друга мигают два соседа!

ДВЕ СОБАКИ

«За что ты в спальне спишь, а зябну я в сенях?» —
У мопса жирного спросил кобель курчавый.
«За что? — тот отвечал. — Вся тайна в двух словах:
Ты в дом для службы взят, а я взят для забавы».

ЧЕРНИЛЬНИЦА И ПЕРО

С чернильницей перо заспорили о том,
Кто новой оды был из них прямым творцом.
Вошел поэт, и спор решил высокомерья.
Такие есть везде чернильницы и перья.

БИТЫЙ ПЕС

Пес лаял на воров; пса утром отодрали
За то, что лаем смел встревожить барский сон.
Пес спал в другую ночь; дом воры обокрали,
Отодран пес за то, зачем не лаял он.

ДВА ЖИВОПИСЦА

В столицу съехались портретны мастера.
Петр плох, но с деньгами; соперник Рафаэлю —
Иван, но без гроша. От утра до утра
То женщин, то мужчин малюет кисть Петра;
Иван едва ли кисть и раз возьмет в неделю.
За что ж им от судьбы неравен так дележ?
Портрет Петра был льстив, портрет Ивана — схож.

ПОТОК И РЕКА

Реку стыдил поток, стремящийся с высот,
Что плавно так течет в долине на просторе.
«Дай срок,— был той ответ,— как красный день зайдет,
Я тише, ты быстрей — в одном сольемся море».

ЧЕЛОВЕК И МОТЫЛЕК

Над мотыльком смеялся человек:
«Гость утренний! по чести, ты мне жалок! —
Он говорит. — Мгновенье — вот твой век!
И мотыльку могила — куст фиалок».
За годом год торопится вослед,
И старику отсчитано сто лет.
Час смерти бьет! Старик, на смертном ложе
Вздохнув, сказал: «И век мгновенье тоже!»

ПАСТУХ И ОВЦА

Пастух стриг шерсть с Овцы и говорил ей так:
«Ну может ли меня отец нежней быть к дочке?
День целый от тебя не отхожу на шаг;
Признайся, что на свет ты родилась в сорочке!
Кормлю тебя, пою, от волка берегу,
А подрастет ли шерсть, все я ж тебя стригу».
«Чем мне воздать тебе, о добрый пастырь стада, —
Под острием Овца смиренно говорит. —
За все твои труды Зевес тебе награда;
А из чего, позволь спросить, тулуп твой сшит?»

МУДРОСТЬ

Когда бессмертные пернатых разобрали,
Юпитер взял орла, Венере горлиц дали,
А бдительный петух был Мудрости удел,
Но бдительность его осталась без удачи:

Нашли, что он имел не кстати нрав горячий,
Что неуступчив он, криклив и слишком смел,
А пуще на него все жаловались боги,
Что сам он малость спит и спать им не дает.

Минерве от отца указ объявлен строгий,
Что должность петуха сова при ней займет.
Что ж можно заключить из этой были-сказки?
Что мудрецу верней быть мудрым без огласки.

ОСЕЛ И БЫК

Смотря, как на реку быков хозяин вел:
«Чем хуже я быков? — вскричал в сердцах Осел, —
Меня он только бьет, их жалует и холит».
«Осел! — тут Бык прервал, — внаклад нам эта честь;
Хозяин, холя нас, не нам — себе мирволит:
Он водит к пойлу нас, чтоб после в бойню свесть».

ГУСЬ

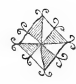
В каштанах по уши, у барина в дому
Гусь жирный хвастался судьбой пред уткой дикой;
Он знаки щедростей, оказанных ему,
Считал своих заслуг наградой и отликой.
«И жалко и смешно смотреть на эту спесь,—
Дикарки был ответ,— тут есть ошибка в счете;
Живем мы про себя, вы про других живете;
Мы кормимся, а вас откармливают здесь».

ЯЗЫК И ЗУБЫ

(Восточный аполог)

Один султан пенял седому визирю,
Что твердой стойкости он не имел во нраве.
«За недостаток сей судьбу благодарю!
Им удержался я и в почести и в славе,—
Сказал визирь ему,— и при дворе твоем
Средь частых перемен он был моим щитом.
Мне шестьдесят пять лет,— прибавил он с улыбкой.—
Из твердых тех зубов, которые имел,
Ты видишь — редкий уцелел.
Но все их пережил один язык мой гибкой».

КАБАН И ОСЕЛ

Осел с Кабаном повстречался
И так, как свойственно скоту,
Над гордым зверем насмехался,
Хваля меж тем свой ум, таланты, красоту.
«Поди прочь от меня, негодное творенье!
Кабан Ослу сказал.—
За дерзость бы тебя я тотчас растерзал,
Но ты осел, ты глуп, мой гнев к тебе —
презренье».

Аким
Нахимов

СВИНЬИ И ЯГНЕНОК

Ягненку погулять без матери случилось,
И горе страшное бедняжке приключилось:
Увяз в болоте он; барахтаяся там,
  Блеял о помощи к свиньям,
Что в тине нежились, в серали как султан.
Расхрюкалося вдруг Эпикурейцев стадо;
Не помогать оно — упреки делать радо:
  «В какую ты забрел, бесстыдник, грязь?
Вот молодость, увы! к чему приводит вас!
А если б пожилым скотам повиновался,
Тогда б, молокосос, в беду ты не попался;
Каков ты прежде был? — Как свинка бел, пригож,
Теперь же — посмотри: ну на кого ты схож?»
Так мудрецы сии ягненка укоряли;
Но между тем они того не примечали,
Что сами глубже все в болото погрязали.

Всяк скажет, кто сию (уж какова ни есть)
      Изволит басенку прочесть:
Бывают и у нас наставники такие —
Всем проповедуют, а сами не святые.

ЖИВОПИСЕЦ

Был живописец славный,
Рафа́илу в искусстве равный
И очень, очень не дурак;
Но сердцем жалкий был простак:
Уж до того он совести держался,
Что даже знатным льстить боялся!
А кто сие почтет за грех?
Спросите вы у всех.
Сей добрый человек хотел себя прославить,
И чем же? Вздумал он представить
Пороки все и глупости людей.
Судя по мастерству, он сущий чародей:
Нельстива кисть его что ни изобразила,
Одушевила.
Картину кончивши, тотчас
Он выставил ее народу напоказ:
Но лишь ее узрели,
Кокетки обомлели,
У плута волос дыбом стал,
Лжец трепетал,
Грызть ногти начал скряга,
Грозил указами сутяга,
Кобенился пред живописцем франт,
И Катилиною назвал его педант.
Пылая в сердце мщеньем,
Порочные кричат художнику с презреньем:
«Ты пасквиль написал,
Честь нашу обругал;
В картине сей хотел смеяться ты над нами».
«Бог с вами! —
Художник отвечал: —
Я глупость и порок изобразить желал,
А вас не трогал я, да я вас и не знал:
Уродов можно ли вам сравнивать с собою,
Когда красавцы вы душою?»
Но мастер сей не мог себя тем оправдать;
Хоть умные его взялися защищать,
Но их немного было,
И все витийство их глупцов не убедило.
Художник отдан был под суд,
Который сжечь велел его прекрасный труд.

Так будет всякому, кто только дар имеет
И льстить пороку не умеет.

ПАРИК И БОЛВАН, НА КОТОРОМ ЕГО РАСЧЕСЫВАЮТ

С плешивой знатности когда парик снимали,
То самый сей парик болван носил.
«Уж то-то, чаю, вы сегодня рассуждали? —
Болван у Парика спросил.—
Ведь много, думаю, у знатности рассудка?»
«Как у тебя, дубового отрубка».

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ

«Ах! сжалься надо мной, сиятельная Моська! —
Любимцу барскому Пес старый говорил.—
Весь век усердно я на привязи служил;
Смотри! изранена дубиной грудь геройска;
Я ужас был всегда для здешних всех воров,
Я был прямой слуга, не из числа льстецов!
Воззри! премудрый Мопс, на многие заслуги,
На дряхлость лет моих, на слабость и недуги:
Доставь в награду мне, почтенный мой патрон,
Хоть каплю молока».— «Да где такой закон? —
С презреньем временщик речь псову прерывает.—
Нет! Барин милостей своих не расточает;
Послушай! Молоко дается только нам,
Придворным господам;
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тем, что вам дают помои».

ОСЕЛ В СЧАСТИИ

«Ты помнишь ли Осла? — Вол Лошади сказал.—
У нашего он господина
Навоз таскал;
Но, к удивлению, сия скотина
На верх величия взошла:
Фортуна по уши влюбилася в Осла!
Навоз сперва возил, а ныне возит папу,
И папские льстецы Осла целуют в лапу;
Обвешан золотом, осыпан жемчугом,
Из смирной твари он стал страшным гордецом».
«Да стал ли он умней средь пышности
и славы?» —
Спросила Лошадь у Вола.
Того-то сделать лишь Фортуна не могла.
Переменяет честь ведь не умы, а нравы!»

ПОВЕСТКА

Понеже завтра именины
Могучей госпожи алтынницы Макрины,
То все в указный час должны явиться к ней
С почтением, при форме всей
И не с порожними руками,
Но с полными кульками.
К ней вход не возбранен с кульком и мужику,
И всякий дар ее приятен сундуку.
Но кто ей поднесет куль с паюсной икрою,
Иль с семгою, иль с ветчиною,
Утробе тот ее и мужней удружит,
И рада по делам она тому служить.
А буде к оной кто не придет с челобитьем,
При форме и с кульком, притом в указный час,—
Тот с делом никогда не смей входить в приказ:
Понеже муж ее владеет там повытьем.

ДЬЯК И НИЩИЙ

Придрался к нищему старинный, пьяный дьяк:
«Ноздря твоя гласит, что нюхал ты табак,
И буде на тебя пойду в приказ с доносом,
По уложенью ты проститься должен с носом.
Так если нужен нос тебе для табаку,
Отдай котомку мне, лохмотья и клюку».

АССИГНАЦИЯ И АЛТЫН

Увидевши алтын в подьяческой мошне,
Бумажка синяя сказала: «Больно мне,
Почтенной в обществе пятирублевым чином,
В одном собрании присутствовать с алтыном;
Как мог позволить то преблагородный крюк,
Чтобы к нему в мошну входил полушкин внук!»
«Оставь пустую спесь и глупые издевки! —
Бумажке отвечал алтын. —
То правда, что мой чин
По курсу стоит три копейки;
Но древностью алтынов род
Едва ль не превзошел подьяческий народ!
Давно уже слывут алтыны господами:
Дружилися они с дьяками
И через частое, различно сватовство
Вступили в близкое с подьячими родство;
Старинное свое прозвание им дали,
И многим вотчины алтыны отказали!
Я братец внучатный хозяину мошны;
Мы оба искренно друг в друга влюблены,
Мы оба совестию славны,
И оба мы достоинствами равны».

МОЛЬ И КАФТАН

Жил-был суконный великан:
Приказныя версты кафтан,
Отличный от других кафтанов
Ужасной глубиной карманов.
Подьячий сей кафтан от деда получил,
А дед подьяческий подьячий также был,
Верстою также слыл
И также клал в карманы взятки.
Кафтан-старик имел премногие заплатки
И требовал отставки.
Не скоро от него прошенье принял внук,
Но наконец старик уволен был в сундук.
Покоился кафтан. Вдруг моли страшна сила
К его карманам приступила
И их без жалости точила.
Вскричал кафтан: «Помилуй, моль!
Точить карманов не изволь!
Ей-ей, они невинны,
Не грабили они, но берегли алтыны,
А грабили всегда приказны дед и внук.
Почто не точишь, моль, подьяческих ты рук?»

КРЫСА И СЕКРЕТАРША

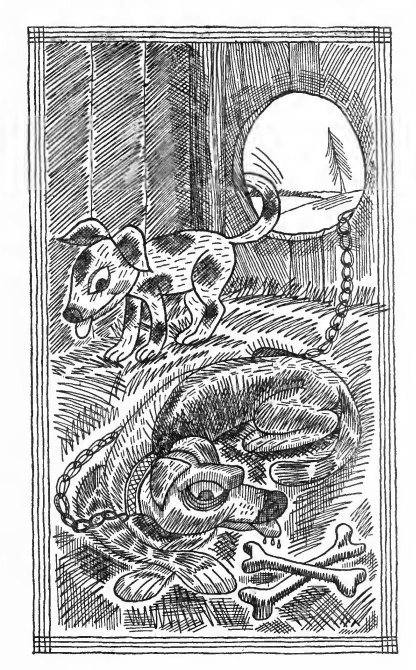
Нередко женщины влюбляются в зверьков:
В собачек, кошечек, и в белок, и в сурков.
Жена секретаря любила крысу страстно,—
Творенье гнусное, но для нее прекрасно.
А муж, усердный хлоп, нижайший секретарь,
Не смел уж не любить жене любезну тварь.
Всedневно уделял он крысе часть хабара
И отдал ей ключи от шкафа и амбара.
Когда бы ключница ему отгрызла нос,

Муж нежный для жены и то бы перенес!
Все привилегии та крысица имела:
Гуляла, кушала, покоилась, жирела,
Но секретарша тем довольна не была,
И крысу в стряпчие она произвела.
Кто одолеть хотел в приказе супостата,
Искал тот милости у крысы-адвоката.
Сутяги с крысою знакомство вдруг свели,
В карманах сахарны гостинцы ей несли;
В приказе шайка их победоно́сна стала
И с стряпчим-крысою законы все попрала.

александр
измайлов

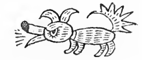

УМИРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,
Султанка слег в постелю;
Лежит он день, лежит неделю,
Никто из медиков Султанке не помог;
Час от часу лишь только хуже:
Все ребра у него наруже;
Как в лихорадке, он дрожит
И уж едва-едва визжит.
В конуре, у одра больного,
Соколка, внук его, стоял;
Не мог он вымолвить от жалости ни слова
И с нежностью его лизал.
Султанка на него взглянул и так сказал:
«Ну! видно, мой конец приходит:
Нельзя ни встать, ни сесть;
Душа из тела вон выходит...
А перед смертью как хотелось бы поесть!
Послушай, милый внук, что я тебе открою:
Две кости спрятал я, как был еще здоров;
Умру, ведь не возьму с собою:
Они вон там лежат, у дров;
Поди же, принеси их обе
И старика утешь,
Который скоро будет в гробе...
Да только сам, смотри, дорогою не ешь».
Как из лука стрела, Соколка мой пустился,
В минуту воротился

И кости в целости принес.
Султанка тронут был до слез.
Ну нюхать кости он,— глодать уже не может;
Понюхал и промолвил так:
«Когда умру, пускай мой внучек это сгложет...
Однако же теперь не тронь ты их никак.
Кто знает? Может быть, опять здоров я буду.
Коль веку бог продлит, тебя не позабуду:
Вот эту кость отдам тебе,
Большую же возьму себе.
Постой, что мне на ум приходит:
Есть славный у меня еще кусок один;
Я спрятал там его, куда никто не ходит.
Сказать ли? Нет, боюсь: ты съешь, собачий сын!
Ох, жаль!..» И с словом сим Султанка умирает

На что сокровища скупой весь век сбирает?
Ни для себя, ни для других!
Несносна жизнь и смерть скупых.

КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЖЕНЩИНУ

Был в старину такой дурак,
Что в Кошку по уши влюбился,
Не мог он жить без ней никак:
С ней вместе ночью спать ложился,
С одной тарелки с нею ел
И наконец на ней жениться захотел.
Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
Чтоб Кошку для него в девицу превратил.
Юпитер внял мольбе и чудо сотворил:
Девицу красную из Машки-кошки серой!
Чудак от радости чуть не сошел с ума,
Ласкает милую, целует, обнимает,
Как куклу наряжает.
Без памяти невеста и сама,
Охотно руку дать и сердце обещает:

Жених не стар, пригож, богат еще притом:
Какая разница с Котом!
Скорей к венцу; и вот они уж обвенчались;
Все гости разошлись, они одни остались.
Супруг супругу раздевал,
То пальчики у ней, то шейку целовал;
Она сама его, краснея, целовала,
Вдруг вырвалась и побежала.
Куда же? — Под кровать: увидела там мышь.

Природной склонности ничем не истребишь.

СОВЕТ МЫШЕЙ

В мучном анбаре Кот такой удалый был,
Что менее недели
Мышей до сотни задавил;
Десяток или два кой-как уж уцелели
И спрятались в норах.
Что делать? Выйти — страх;
Не выходить? — так смерти ждать голодной!
На лаврах отдыхал Кот сытый и дородной.
Однажды вечером на кровлю он ушел,
Где милая ему назначила свиданье.
Слух до мышей о том дошел,—
Повыбрались из нор, открыли заседанье
И стали рассуждать,
Какие меры им против Кота принять.
Одна Мышь умная, которая живала
С учеными на чердаках
И много книг переглодала,
Совет дала в таких словах:
«Сестрицы! Отвратить грозящее нам бедство
Я нахожу одно лишь средство —
Простое самое. Оно в том состоит,
Чтоб нашему злодею,
Когда он спит,

Гремушку привязать на шею,
Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,
И не удастся нас врасплох ему поймать».
«Прекрасно! Ах! Прекрасно! —
Вскричали все единогласно.—
Зачем откладывать, как можно поскорей
Коту гремушку мы привяжем!
Уж то-то мы себя докажем!
Ай, славно! Не видать ему теперь мышей
Так точно, как своих ушей!»
«Все очень хорошо; привязывать кто ж станет?»
«Ну, ты».— «Благодарю!»
«Так ты».— «Я посмотрю,
Как духа у тебя достанет!»
«Однако ж надобно».— «Что долго толковать?
Кто сделал предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое нам покажи уменье».
И умница равно за это не взялась.
И для чего ж бы так?.. Да лапка затряслась!

Куда как, право, чудно!
Мы мастера учить других;
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно!

КУКУШКА

«Послушайте меня, я, право, не совру,—
Кукушка говорила птицам,
Чижам, щеглятам и синицам,—
Была я далеко, в большом, густом бору;
Там слышала, чего доселе не слыхала,
Как Соловей поет.
Уж не по-нашему. Я хорошо певала,
Да все не то! Так сердце и замрет
От радости, когда во весь он голос свистнет,
А там защелкает иль тихо пустит трель;

Забудешься совсем, и голова повиснет.
Ну что против него свирель!
Дивилась, право, я дивилась...
Однако же не потаю:
По-соловьиному и я петь научилась.
Для вас, извольте, пропою
Точнехонько как он,— хотите?»
«Пропой, послушаем».— «Чур, не шуметь, молчите!
Вот выше сяду на суку.
Ну, слушайте ж теперь: куку, куку, куку!»

Кукушка хвастуна на память мне приводит,
Который классиков-поэтов переводит.

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА И ЖУРАВЛЬ

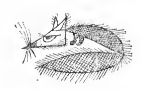
Две птицы плавали в пруде:
Красивый Лебедь, чистый, белый,
Да серый Гусь, дрянной. Гляделся месяц светлый
В прозрачной зеркальной воде;
Лучи его в струях играли серебристых;
Зефир чуть колебал листы дерев ветвистых,
И Лебедь начал гимн вечерний богу петь.
Гусь этого не мог стерпеть,
Вскричал: «Га! га!» и, вытянувши шею,
Шипел, подобно змею.
Где Утка ни возьмися тут
И говорит: «Куда как хорошо поют!
Однако Гусь поет приятнее, нежнее,
Да он же и плывет важнее».
«Что ты, прожора, врешь? —
Прервал ее Журавль.— Молчи, пока не бита!
Недаром первенство ты Гусю отдаешь:
Он есть тебе дает из своего корыта».

Кто Утка? — Подлый журналист.
А Гусь? — Рифмач-капиталист.

БЕСХВОСТАЯ ЛИСИЦА

Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплят и кур ловить большая мастерица,
На старости своей так сделалась проста,
Что в западню попалась;
Вертелась всячески, туда-сюда металась
И вырвалась кой-как, но только без хвоста.
Как в лес бесхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взяв важный и степенный вид,
Идет в пещеру, где сбиралися Лисицы.
«Подруги и сестрицы! —
Так говорит она.— Какой нам, право, стыд,
Что по сие мы время
Все носим гнусное и тягостное бремя —
Сей хвост, который по земли
За нами тащится в грязи или в пыли.
Какая польза в нем, скажите?
А вред весь от него я доказать могу.
Вы, верно, сами подтвердите,
Что без хвоста быть легче на бегу,
Что часто за хвосты собаки нас ловили;
Но если бы теперь хвосты мы обрубили...»
«Остановись, остановись!» —
Одна ей из сестер сказала.
«А что?» — «Пожалуйста, к нам задом обернись».
Кургузая тут замолчала,
Попятилась назад и тотчас убежала.

«Как страшно замуж выходить!» —
Невестам всем твердит увядшая девица.
Конечно, что ж ей говорить?
Такая ж и она бесхвостая Лисица!

НАСЕДКА

«Куда как я ужасно похудела! —
Наседка хвастала перед сестрой своей.—
Подумай, двадцать дней
На яицах сидела,
Все время ни пила, ни ела:
Скажу, что много было дела!..»
«А много ль у тебя, скажи, цыпляток всех?» —
Подруга у нее спросила.
«Да нет ни одного, попутал как-то грех —
Все яицы передавила».

Как эта курица, точь-в-точь,
Иной твердит: *сижу за делом день и ночь!*
И подлинно сидит, от места не отходит,
Да перья попусту с бумагой переводит.

ДВА КОТА

Кот Ванька с Ваською родные братья были;
В одном дому они родилися и жили.
Кот Ванька тощий был такой,
Что страшно и взглянуть, доска совсем доской!
А Васька толщиной дворецкому равнялся:
От жира он едва-едва передвигался;
Шерсть лоснилась на нем, как будто бы атлас.
«Нам счастье не одно, хоть мать одна у нас,—
Сказал ему скелет.— Вот ты забот не знаешь:
Без мяса никогда и в будни не бываешь;
Тебе все мясоед, а мне великий пост!
Ты только спишь, а я и сна почти не знаю;
Дом целый от мышей и крыс оберегаю.
При всем усердии я голоден!..» — «И прост! —
Прервал его жиряк.— Будь, братец, поумнее;
Возьми меня в пример, коль хочешь быть жирнее».

«Что ж делать мне? Скажи».— «Хозяина смеши,
На задних перед ним ногах ходи, пляши;
Подставит руки он, ты прыгай через руки
И перейми мои забавные все штуки;
Поверь, что будешь ты любим, не только сыт.
Знай, глупенький, что тот, кто людям угождает
В безделках, пустяках, у них не потеряет;
А кто для пользы их трудится и не спит,
Тот часто голоден бывает».

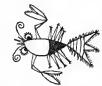

ДВА РАКА

«Все пятится назад! Куда какой дурак! —
Журил так сына старый Рак.—
Вперед ступай, вперед! Не то я драться стану!»
«Да покажите мне вы, батюшка, хоть раз,
Как надобно ходить: я перейму у вас;
Извольте вы вперед, а я уж не отстану».

Слугу за пьянство барин бьет,
Но не уймет!
А отчего? Сам барин пьет.

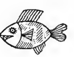

УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
Лежит от них невдалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому;
А тот нагнулся уж и руку протянул.

Товарищ тут его толкнул
И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя».
«Да, как бы не твоя!»
«Я указал тебе...» — «Что ты! Перекрестися».
«Конечно, первый я увидел...» — «Вот те раз!
И у меня остер, брат, глаз».
«Пусть видел ты, а я так даже слышал носом».
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел Судья к ним *Миротвор.*
Он начал с важностью по форме суд допросом,
Взял устрицу, открыл
И проглотил.
«Ну, слушайте, сказал, теперь определенье:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям!

ДВА ОСЛА

Шли два Осла дорогою одной,
И рассуждали меж собой
О политических и о других предметах
(Они уж оба были в летах).
«Что, братец,— говорит один,—
Как может мнимый наш, бесхвостый господин —
Ну, знаешь, человек — ругаться так над нами?
В насмешку он зовет ослами
Кого же? самых уж безмозглых дураков!
А право, у людей не много есть голов,
Какие у ослов!»
«И ведомо! да вот, без лести,
Каков ты, например, у них такого нет.
Гордился бы тобой парламент иль совет».
«Помилуй! много чести!»
«Нет, нет, что чувствую, то я и говорю.

Конечно!.. от тебя не скрою,
И я иного члена стою;
Но что же я перед тобою?
Советовал бы я Льву, нашему царю,
Чтоб воспитать тебе наследника дал трона:
Ты, без пристрастия, умнее Фенелона.
Не поленись, любезный брат,
О воспитании нам сочинить трактат».
«То правда, я имею знанья,
Пригодные для воспитанья,
Но не имею остроты
И красноречия, как ты».
«Э! шутишь! а твое похвальное-то слово
Ослицам!.. Лучше бы я сам не написал!»
«Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебе». О, черт бы их побрал!
Друг дружку до того хвалили,
Что после и у всех ослов в почтенье были.

Нет легче ничего, как нравиться глупцам:
Хвали их, и они равно тебя похвалят,
Притом и в нужде не оставят.
Где много дураков, житье там подлецам.

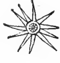
ПОЕДИНОК

Осла нечаянно толкнул Лошак.
«Смотри же ты, дурак! —
Осел мой закричал.— Как смеешь ты толкаться?»
«Ах, скот! как смеешь ты ругаться?»
Я жив быть не хочу,
Когда тебя не проучу;
Разделайся со мной».— «Изволь... На чем угодно?»
«Ну на копытах?» — «О! охотно!»
«Мой секундант Баран».— «А у меня Козел».
Вот через час, не боле
С Козлом Осел,

С Бараном же Лошак явились в чистом поле;
У обоих блистает гнев в глазах.
Дрожат от ярости; друг к дружке задом стали,
И очень близко: в двух шагах.
Уж кинут жребий — знак секунданты дали.
Сперва Лошак лягнул — Осел лягнул потом.
Откуда ни возьмись, Хозяин тут с кнутом,
Нет, с плетью, виноват! Не говоря ни слова,
Давай стегать того он и другого;
По очереди им всю спину исстегал.
«Проклятые! — из сил он выбившись, вскричал, —
Да что вам вздумалось лягаться?»
Сквозь слёз Осел на это говорит:
«Когда point d'honneur[1] велит,
Не рад, а должен драться.
Сам посуди, он стал толкаться...»
«А он так стал ругаться...»
«А если станете вы у меня лягаться, —
Хозяин подхватил, —
Хоть и не рад, за плеть я должен буду взяться.
Смотрите же!» Тут он им плетью погрозил.
При взгляде на нее герои онемели;
Жест более еще подействовал, чем речь,
И после не было уже у них дуэли.

Что, если бы велели
Мальчишек розгами за поединки сечь?

МАКАРЬЕВНИНА УХА

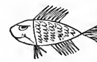
Макарьевна уху сварила.
Десятка три ершей,
Налимов двух и двух лещей
Со стерлядью большой в кастрюлю положила

[1] Чувство чести *(франц.)*.

Да лучку, корешков и соли не забыла.
Кондрата Кузьмича с хозяйкой пригласила
И дорогим гостям ушицу подает.
  Отведали — но в душу им нейдет.
Что ж так? Проклятая, уху пересолила!

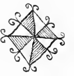
  Иной остряк иль *баловень*-пиит
  Уж так стихи свои пересолит
Или, как говорят поэты-обезьяны,
  Положит густо так *румяны*,
  Что смысла не видать.
Охота же кому бессмыслицу читать!

БЛИНЫ

  На масленице здесь один
      Приезжий дворянин
Просил приятеля к себе блинов покушать.
(Не лучше ль есть блины, чем оды, притчи
                  слушать?)
Пришел тот и принес с собою аппетит.
  И водка и икра уж на столе стоит.
  Хозяин на людей кричит
  И подавать блины велит.
      «Скорее ж подавайте!..
Угодно водочки?.. полнее наливайте!»
      Вот подали блины.
  Чернехоньки все, сожжены!
«Назад, назад! Я этих есть не стану!
      Скажите Куприяну,
      Чтобы прислал других,
        Да не таких.
Получше... слышишь ли? с яичками, с припекой!
Скорее ж!» — «Слушаю-сь», — сказал лакей высокой,
  Ушел и через пять минут
  Блины другие подают.
  Блины уж были не такие —
С припекою! зато прекислые, сырые.

«И этих есть нельзя! Вот, право, грех каков!
Но делать нечего, быть, видно, без блинов!
Хоть хлебца нам к икре подайте!
Селедку, масла, сыру дайте.
Скажу вам, у меня ведь повар золотой!
И предводитель наш такого не имеет;
Готовить кушанья он только не умеет —
Ну, каши не сварит простой.
Но, впрочем, я им страх доволен».
«Да чем? желал бы знать».— «Ах! Как он
богомолен!»

ЧЕРНЫЙ КОТ

Посв. А. Я. Н.

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота!
Малюткой вам еще достался!
Кто подарил его, тот с жизнию расстался!
Отличен всем ваш кот: умом и красотой!
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!
Гордяся быть у вас слугою,
Как важно спину он сгибает вверх дугою,
И, ластяся вкруг вас, мурлычит, и ворчит! [1]
Как мил, когда против дивана,
Свернувшися клубком, он на шкапу лежит
И, шейку приподняв, по временам глядит,
Как госпожа его сидит
За нотами у фортепьяна;
Огонь блестит в его глазах,
Игрою вашей очарован,
Лежит, как будто бы прикован,
Не думает и о мышах.

[1] Полустишие, украденное у И. А. Крылова (см. басню «Кот и Повар»). *(Прим. автора.)*

Да ест ли он мышей? — Он вами избалован,
Шерсть лоснится — так он жирен!
А нечего сказать, прекрасен и умен!

Коты и все умны; но только лицемеры:
Я знаю многие примеры.
Сказать ли сказку вам про черного кота,
Который уж в преклонные лета
В молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился?
Кот этот был злодей:
В анбарах, в погребах его все трепетали;
И усачом его, Арабом называли;
Жестокосердием превосходил судей
В республиках во время бунта —
Хотя говядины ел каждый день полфунта;
Но все мышей и крыс и воробьев ловил,
Ловил — да и давил.
Однажды Мышку он увидел молодую,
Такую
Прелестную, какой ни разу не видал —
Увидел, изумился,
Глазами засверкал
И по уши в нее влюбился
На старости мой черный Кот:
Подвластны все любви — и человек и скот.

Хотел Кот броситься пред Мышкой на колени;
Но та бегом, бегом из комнаты да в сени,
И в норку — юрк.
Простерся Кот перед норою,
Лежит гора горою.
«Виновница моих смертельных мук! —
Он Мышке говорит, вздыхая
И лапу в нору запуская,—
Люблю, люблю тебя, дай на себя взглянуть;
Я честный кот, все кошки это скажут,
И боги пусть меня накажут,
Коль я хочу...» — «Я не хочу! —
Из норки Мышь кричит Арабу-усачу.—
Ну не хочу и не хочу!»
Поджавши хвост, повеся вниз головку,
Пошел Кот бедный прочь;

Опять пришел назад, провел у норки ночь;
Не только говорил — и плакал, но плутовку
Никак не мог он убедить,
Чтоб вышла, показала глазки —
Напрасно было все: как слезы, так и ласки.
Решился наконец ее он подарить
И говорит: «Послушай,
Вот, милая, тебе ветчинный свежий жир,
Голландский лучший сыр,
Конфеты... я уйду; ты без меня покушай...»

Сказал, дары свои у норки положил.
Вздохнул и скрылся.
Назавтра Кот опять с гостинцами явился,
И с месяц каждый день к жестокой он ходил.
Чего он ей ни говорил!
Чего, чего ни приносил!
Но тщетно все — любить его Мышь не хотела,
Или хотела, да не смела.
А Кот
Совсем уж стал не тот:
Разбоем он не занимался;
По крышам, чердакам, анбарам не таскался,
Мышей и крыс не ел;
Ужасно похудел,
Чуть ноги волочил и так, как тень, шатался.

К возлюбленной его дошла о том молва,
Неопытная удивилась;
От жалости едва-едва
Она не прослезилась;
Но на свидание с зубастым не решилась,
Хотя и слышала, что скоро он умрет.

Вот наконец приходит к норке Кот.
Чуть дышит! В чем душа! Совсем доска доскою!
«В последний раз тебя, мой свет, я беспокою,—
Так говорит губитель прежний крыс,—
Ты на меня не осердись:
Грешно и на врагов пред смертью их сердиться.
Пришел с тобою я проститься.
Что делать, если я любимым быть не мог!
По крайней мере, я умру теперь у ног
Твоих... прости!..» С сим словом протянулся...

Лежит час, два — не смеет и дохнуть.
Вот Мышке вздумалось на мертвеца взглянуть, —
Из норки выползла поближе — Кот очнулся,
Как тигр, на бедную прыгнул,
Когтями так ее давнул,
Что только пискнула, и поминай как звали! [1]
С отчаянья, с печали
Не знал, что делать, Кот;
Вот Мышку в зубы он берет,
Потом перед себя кладет...
Глядит, как Сибарит на статую Венеры.
Глядел, глядел,
Да всю и съел, —
Опять стал есть мышей, опять он растолстел!

Всего противней мне Тартюфы-лицемеры!
О, как бы я был рад,
Когда бы поскорей они попали в ад!

КУПЕЦ МОШНИН

В Калуге был купец Мошнин,
Нет, именитый гражданин.
Торговлю отправлял он многие уж годы,
Не знал, что есть наклад, а только богател.
Чего он не имел?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
С которых получал великие доходы;
Деревни сыновьям с чинами покупал,
И всякий перед ним поклоны в пояс клал.
Все деньги у него, как в банке, занимали.
Однако же они в долгах не пропадали;
Прикащики его отнюдь не воровали;
Возьмет ли откуп иль подряд,
Наверное найдет тут клад!

---

[1] Полустишие, украденное у И. И. Дмитриева из басни: «Заяц и Перепелиха». *(Прим. автора.)*

За то его и называли
В Калуге колдуном.
Жил очень хорошо, как чаша, полон дом!
Держал открытый стол, давал пиры и балы;
Обедать ездили к нему и генералы.
Приятель Мошнину купец был Бородин.
Вот как-то, подгуляв, один с ним на один
Тот искренне ему признался,
Что счастию его в торговле удивлялся.
Мошнин расхохотался
И наконец сказал: «Послушай, брат Семен,
Всегда тот счастлив, кто умен.
Знай, я, не испытавши броду,
Не суюсь в воду:
Есть разум у меня, и оттого богат;
Убытков не несу, зато я осторожен!»

Лет через шесть попал наш умник в магистрат —
Не в члены, а в тюрьму! За что ж?
Был много должен;
Остался только лишь на нем кафтан один,
И он почти мирским питался подаяньем.
В то время с ярманки приехал Бородин;
Идет к нему и с состраданьем,
С слезами говорит: «Что сделалось с тобой!»
«*Судьба!*» — тот отвечал. А вот какой судьбой
Мошнин-бедняжка разорился:
При откупах погорячился
И всех соперников своих он победил,
Да после миллион за это заплатил.
Должник его себя тут объявил банкрутом;
Прикащик сделался из честного вдруг плутом;
Один сынок деревню промотал;
Другой сто тысяч проиграл,
А кажется, он их как должно воспитал!
К тому ж за молодой второй своей женою
Заводы укрепил, хоть в ней нашел врага
И получил еще на старости рога.
Судьба! Судьба всему виною!

Вот так-то в счастии гордимся мы умом;
В несчастии вину всю на судьбу кладем.

СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
Платон, Леванда ли, иль кто-то с ними равный,
Однажды в пост великий говорил
О милостыне поученье
И слушателей всех привел во умиленье.
Кащей у кафедры стоял и слезы лил.
Знакомый у него спросил:
«Да что за удивленье!
Ты плачешь, кажется?» — «Как слез не проливать!
Я эту проповедь вовек не позабуду».
«Что ж? Станешь ли убогим подавать?»
«Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

КАРЕТА И ЛОШАДИ

Ах! Если бы хотя под старость дал мне бог
Местечко где-нибудь такое,
Где б мог остаток дней я провести в покое,
Где б взятки брать иль красть я мог, —
Клянуся честию и совестью моею,
Уж дал бы знать себя! Что? Скажут: *не умею?*
Пустое! Выучусь, лишь только захочу,
Да многих, может быть, еще и поучу.
Взгляните: грамоте иные не умеют,
А как живут! Как богатеют!
Вот главное: *иметь не надобно стыда.*
Отставят? Отставляй, и это не беда:
Коль наживу полмиллиона,
В отставку сам тогда пойду без пенсиона.
Рассказывал один знакомый мне купец
(Не здешний и теперь едва ли не покойник),
Что в городе у них советник был делец,
Великий взяточник, невежда и законник:
Указ прибравши на указ,
Оправит всякого за денежки как раз.

Когда напишет сам экстракт, определенье,
Хоть юрисконсультам отдай на рассмотренье:
В законах пропуска, ей-богу, не найдут,
А дела не поймут!
Так спутает, так свяжет
И белым наконец вам черное покажет.
Кто больше даст ему, тот у него и прав;
А там в глаза ругай, он ничего не скажет,
Такой имел уж нрав!
Проситель подарил советнику карету;
Соперник же, узнав о том через людей,
Не знаю, по чьему совету,
Прислал к советнику четверку лошадей.
Он принял их, и я бы сделал то же.
Как четверня была кареты подороже,
То в пользу лошадей и сделан приговор.
Объявлено истцу с ответчиком решенье.
Вот вечером катит к советнику на двор
Бедняк, что потерял с каретою именье.
В сердцах кричит ему: «Бездельник! Шельма! Вор!
Ты обманул меня; отдай мою карету».
«Да, как не так!» — «И совести-то нету!
Отдай; в присутствии при всех я расскажу».
«Так что ж?» — «Свидетелей представлю, докажу;
К присяге ведь тебя притянем».
«Пожалуй, присягать мы станем».
«Ты взял карету, взял?» — «Ну что же, взял
так взял!»
«А чалых четверню кто, кто к тебе прислал?»
«Соперник твой, на нем ищи своей потери:
Ведь чалые свезли карету со двора.
Однако ужинать пора.
Прощай, вот бог, вот двери!»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Предвидя свой конец, Петр-лавочник в грехах
Духовному отцу признался
И смерти дожидался.
Жена стоит пред ним в слезах.
«Не плачь,— он ей сказал,— Дуняша!
Ты знаешь, сколько нам приносит лавка наша;
Беда, коль отойдет от нас теперь Кузьма;
Выдь замуж за него, людских речей не бойся...»
«Ох! батюшка, не беспокойся:
Я это думала давно уж и сама».

ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улицам шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А! Здравствуй, Емельян
Архипович! Да ты, брат, видно,
Уже позавтракал! Ну, как тебе не стыдно?
Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!»
«Ах! Виноват, мой благодетель!
Ведь с *горя*, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
«Да как же быть!
Вот бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
Есть нечего; все дети босиком;
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!
Я до отставки не пивал:
Спросите, скажет весь квартал.

Теперь же с горя как напьюся,
То будто бы развеселюся...»
«Не пей, так я тебе охотно помогу».
«В рот не возьму, ей-богу, не солгу;
Господь порукою!..» — «Ну, полно, не божися.
Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
«Отец!.. дай ручку...» — «Ну, поди домой, проспися,
Да, чур, смотри вперед не пей».
Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги;
Летит... домой? О нет! Неужели в кабак?
Да! Как бы вам не так!
В трактир, а не в кабак, зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить;
Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан...
Другой, и наконец, о диво!
Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастию, еще в трактире он подрался,
А с кем? За что? И сам того не знал;
На лестнице споткнулся и упал,
И весь, как черт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной,
Толпа кругом. И кум где ни возьмися тут.
Увидел, изумился,
Пожал плечами и спросил:
«Что? Верно, с *горя* ты, бедняк, опять напился?»
«За здравие твое от *радости* я пил!»

———

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьяным быть;
Закается лишь только пить,
Да и напьется вскоре.
Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

ПЬЯНИЦА И СУДЬБА

В ночь темную, зимой,
Подьячий пьяный шел через реку домой;
С прямой дороги сбился
И где ж? У полыньи, каналья, очутился!
Споткнулся и на край на самый повалился;
Заснул и думает, что он на съезжей спит;
На чистом воздухе, как богатырь, храпит.
Ну если б только он во сне поворотился?
Тогда б прощай и взятки и вино!
Пошел бы к тюленям на дно!
Случись же так: Судьба тут мимо проходила,
Приближилась к нему,
Тихонько разбудила
И говорит ему:
«Проснись, здесь полынья, опасно!
Встань, встань!.. Постой, тебе я помогу...
Вот лучше ляг подальше на снегу,
Там мягче... ну вот так, прекрасно!
Когда б ты утонул, тогда бы всю вину
Сложили на меня одну».

И подлинно! В чем мы Судьбу не обвиняем?
Именье ль глупо расточим
Иль от страстей своих здоровье потеряем,
Всегда уже Судьбу, а не себя виним.

СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию разбойник попросил.
Приходит поп. Ему тот в ноги повалился
И прослезился.
«Простит ли бог меня?» — он у него спросил.
«Покаяться тебе чистосердечно должно...
Ну, сколько душ ты потерял?»
«Да как упомнить можно!

Я, право, не считал».
«А что, посты, чай, соблюдал?»
«Помилуй, батюшка! Да разве я татарин,
Чтоб не соблюл поста!
Избави бог! я христианин;
Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»

И не разбойники за грех большой считают
В пост оскоромиться, обедню прогулять;
А ближнего оклеветать,
Имение и с ним нередко жизнь отнять
В достоинство еще и в честь себе вменяют.

КУПЕЦ БРЮХАНОВ

Когда б я был богат, я все бы спал да ел,
Еще бы пил и так бы растолстел,
Чтоб скоро с *Пробтером*[1] сравнялся,
Ничем бы я тогда уже не занимался:
Сидел бы и лежал;
Стихов бы даже не писал,
А только б прежние приятелям читал.

Однако чересчур быть толстым также худо.
В Москве я знал купца — осьмое, право, чудо!
Представьте: он сажень почти был в вышину
И два аршина в ширину.
Однажды из его кафтана,
Без спора, без хлопот,
Обил обойщик два дивана
И для жены еще украл тут на капот.
Ну, нечего сказать, мой Брюхано́в был диво!

[1] Ужаснейшей толщины англичанин, о котором Княжнин упоминает в Послании от Дяди Рифмоскрипа к Племяннику. *(Прим. автора.)*

А как тянул он пиво!
Как ел! зато не мог ходить
И заставлял себя по комнатам водить.
Держал он по совету
Искусных докторов престрогую диету,
Пускал и кровь — все пользы нету.
Без ужина сыпа́л на жестком тюфяке
И наконец на голом сундуке:
В лице немного станет хуже,
Глядишь — а платье у́же!
К несчастью, мой толстяк купец
Бездетный был вдовец.
Одни прикащики с ним жили,
И многие из них сродни ему хоть были,
Но в лавках у него и в доме все щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы от серебра.
Однако без смотренья
Дошел бы наконец совсем до разоренья:
Он счетов три года уже не поверял;
Так мудрено ль и весь утратить капитал?
Решился Брю́ханов жениться,
Не для того чтобы наследников иметь,
А чтоб жена могла за домом приглядеть,
И перестал лечиться;
Когда есть деньги у кого,
Хоть будь урод, пойдут охотно за него.
Притом же не искал жених наш ни богатства,
Ни красного лица; искал себе жену
Для облегчения в заботах, для хозяйства;
И сваха честная нашла ему одну
Девицу пожилую,
Лишь под сорок, такую
Пресмирную, хозяйку дорогую:
Без арифметики по пальцам все сочтет;
Крупинка у нее и та не пропадет;
Пример для всех купчих: тиха, скромна, учтива,
В компании важна и молчалива.
Нельзя пересказать, как Брю́ханов был рад,
Что бог ему послал такой завидный клад.
Какое сделал он приданое невесте!
И сколько подарил парчи ей, жемчугу,
Серег, перстней — всего припомнить не могу,

А свахе сто рублей да лисью шубу в двести.
В три тысячи ему стал на другой день бал.
Лишь только молодой на нем не танцевал.

Вступила наконец в хозяйство молодая,—
      Пошла тут кутерьма такая,
            Что боже упаси!
            Святых вон понеси;
С утра до вечера бранится и дерется,
А мужу бедному всех больше достается!
Коль скажет что, беда,— беда, коль и молчит.
Пропал сон у него, пропал и аппетит.
            Прошло недели три, четыре —
Кафтан день ото дня становится все шире.
            Вот начал уже сам ходить.
Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить.
            Нашел в супруге он находку!
Куда девалася его вся толщина!
Как раз избавила его от ней жена
Простыми средствами — и вогнала в чахотку.
Осталась через год лишь тень его одна!

От лишней тягости кто хочет свободиться,
Тому на злой жене советую жениться.

ПРОСТОДУШНАЯ

Параша девушка премилая была;
    В деревне с матерью жила
И вместе с ней хозяйством занималась.
      Скромненько, просто одевалась,
      Романов в руки не брала
И, кроме *сонника*, других книг не читала,
      А только кружева плела
        Да в пяльцах вышивала.
Исполнилося ей уже семнадцать лет;
      Пора узнать ей свет,

Пора пристроить уж и к месту.
Приданого ж за ней: большой в Зарайске дом,
Пять тысяч в банке серебром
И триста душ. Не правда ль, что невесту
Такую дай бог хоть кому...
Хоть предводителю в уезде самому?
Но женихи в уездах редки:
Сорокины, мои зарайские соседки,
В девицах все еще сидят,
А им уже сто лет обеим, говорят.
По первому пути зимою,
Лишь начался филиппов пост,
Парашу маменька взяла в Москву с собою
И прямо — на Кузнецкий мост.
Там у француженок обнов ей накупила,
Как куколку, ее по моде нарядила,
И начала учить Парашу танцевать,
Чтоб святками могла в собранье побывать.
Вот святки уж пришли: Параша выезжает,
И с важной маменькой своей
Собранья, клубы посещает.
Недели не прошло — явилося у ней
Двенадцать женихов, штаб, обер-офицеры,
Большею частью кавалеры;
Но всех счастливее был ротмистр Пустельгин:
Параше только он понравился один,
И чем же? Черными поддельными усами.
Другие были с орденами
И лучше во сто раз,
Но без усов, так им отказ.
В крещенье Пустельгин с Парашей обручился;
От радости он ум последний потерял;
Всем уши о своей невесте прожужжал.
«По чести, говорил, я век бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскал:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И что милей всего, то очень простодушна,
Невинность сущая, а ей семнадцать лет!
Поверьте, что другой такой в столице нет.
В сорочке, право, я родился!»
Чрез месяц Пустельгин женился
И новый сделал в долг себе к венцу мундир;
Невеста множество имела бриллиантов,

В копейку свадебный стал пир!
При громе певчих, музыкантов
Шампанское лилось рекой;
А ужин был какой!
Пять лучших поваров его приготовляли;
Часов в одиннадцать из-за столов уж встали.
Лишь польский заиграли,
Парашу увели — все гости по домам
За исключением двух самых близких дам.
Вот новобрачную раздели;
Сидит в дезабилье на креслах у постели.
Явился в шлафроке пред ней ее супруг.
Параша бедная краснеет.
Целует он ее — и вдруг
Она, как смерть, бледнеет.
Вся сморщилась, и слезы на глазах.
«Что, ангел мой, с тобой?» — спросил ее муж. «Ах!
Ах, дурно, дурно мне! Нет мочи! Помогите!..»
«Прикажешь каплей, что ли, дать
Или за доктором послать?»
«За акушером? Да, скорей, скорей пошлите».

СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться!

В какой-то дом пришла
Служанка наниматься.
«Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
Что делала?..» — «Жила-с я у моста Тучкова,
У маклера Волчкова.
Женат, сударыня, на третьей он жене;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсем почти уж сед, а приставал ко мне!
Бог знает что сулил, да честь всего дороже!
Я отошла. Потом жила у Покрова,
У Галкиной; она вдова;

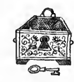
При флоте здесь служил ее муж комиссаром.
У ней жил мичман бедный... даром...
Племянник, по ее словам,—
Уж правда или нет, о том судить не нам!
Хоть беден, но зато и молодец собою!
Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
А как она ряба! худа! доска доскою!..
Изволила меня к нему приревновать!..
У немца-доктора я после нанялася —
И тут не ужилася!
Муж мот, жена скупа;
Представьте: кофею мне даже не давала!
Да и сама какой пивала!
С цикорием! Еще жила я у попа;
Немного пил старик; дочь у него невеста.
Скажу, что модница! Зато коса, глупа!..»
«Прощай, голубушка, ищи другого места».
«Помилуйте! да чем я так противна вам?
Сшить, вымыть, выгладить умею,
Все в доме сделать разумею,
И десять лишь рублей...» — «Полушки я не дам».
«Да чем же так я несчастлива?
Чем не понравилась?» — «*Болтлива!*»

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ

Какой-то человек имел в приказе дело.
Он прав был и богат; итак, взяв денег, смело
К секретарю ранехонько идет,
Челом ему, а сам мошонку вынимает
И перед ним на стол крестовики кладет.
Тот, бросивши перо, просителя сажает,
Но с денег сам не сводит глаз.
«Вчерашнего числа в приказ
Я подал, батюшка, прошенье...»
«Читал его, ты прав! Все знаю!» — «А решенье

Когда последует? Осмелюся спросить».
«Да стоит только *доложить*...
А там и в город свой ты можешь убираться,
Чем здесь напрасно проживаться».
«Счастливо ж оставаться!»
Проситель через день пришел опять в приказ.
«Что ж, батюшка, указ
По делу моему? Когда б сегодня можно...»
«Ведь я сказал тебе, что *доложить* мне должно».
Проситель принужден был с месяц тут прожить.
И слышал то ж да то: *лишь только доложить.*
Не знал, что делать, челобитчик;
Но сжалился над ним повытчик.
«Ну полно, не тужи,—
Шепнул он так ему,— всю правду мне скажи,
Что дал секретарю?» — «Да двадцать пять целковых».
«Ну, так десяточек еще ты доложи.
Да мне пять рубликов. Учи вас, бестолковых!
Не смыслите, что *доложить*
Все то же, что и *приложить.*
Фунт чаю взять еще с тебя за объясненье».
Истец исполнил все тотчас,
И на другой же день как раз
Поспел экстракт, определенье,
И выдали ему указ.

ЛГУН

Павлушка *медный лоб* (приличное прозванье!)
Имел ко лжи большое дарованье.
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды... ах, его лукавый побери!..
Однажды этот лгун бездушной
Рассказывал, что в Тюльери

Спускали шар воздушной.
«Представьте, говорил, как этот шар велик!
Клянуся честию, такого не бывало!
С Адмиралтейство!.. Что? Нет, мало!»
«А делал кто его?» — «Мужик
Наш русский, маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я срисовал — хотите? — покажу...
Но после... слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою —
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
Как хватит топором, —
Канат вмиг пополам; раздался ружей гром —
Шар в небе очутился
И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: «Diable! Vive Napoléon!
Bravo, monsieur Sophron!» [1]
Шар выше, выше все — и за звездами скрылся...
А знаете ли, где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да, опускаяся к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис,
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...
Каков же мужичок *Кулик?*»

«Повесил бы тебя на сосну за язык, —
Сказал один старик. —
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!

[1] «Да здравствует Наполеон! Браво, господин Софрон!» *(франц.)*

Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!..
Как шар-то был велик?»
«Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
В объеме будет с полверсты».
«Ну как же прицепил его на сосну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты *медный лоб!* Ни крошки нет стыда!»
«Э! Полно, миленький, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*».

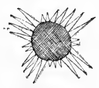

ТАК, ДА НЕ ТАК

Был жадный Воевода
(Давно его уж прибрал бог),
Богатым друг, враг бедного народа,
Без взяток дня пробыть не мог!
Однажды поутру пришел к нему приятель,
Питейных сборов содержатель,
И говорит: «Из Питера сейчас
Я получил письмо; мне пишут, что в правленье
К вам с той же почтою отправится указ
Сената, чтобы мне отдать за долг именье
Корнета Тройкина. Вот, делай одолженье!
Наличных у меня взял тысяч шестьдесят,
А за имение дадут ли пятьдесят!..
Но сам я виноват; введите во владенье».
«Не можно, братец, сделать *так*».
«Как?
Сенат велел, так сделать должно».
«Конечно, только *так* не можно».
«Помилуйте, Сенат...»
«Все знаю, брат!
Пускай велел Сенат отдать тебе именье:
Мы по сенатскому указу исполненье

Сегодня ж сделаем... однако все не *так*...»
«Ах, извините,— ну какой же я дурак!
Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
Из них одну...»
«Да обе уж пришли: я подарю жену,
Другую дочери». Проситель поклонился
И с шалями чрез пять минут назад явился;
А Воевода тот же час
Послал подьячего в правленье,
И написали там Откупщику как раз
Указ
О вводе во владенье.

И взятки брать ведь надобно уменье!
Вот Воевода мой хоть глуп, но не дурак,
Он ничего не делал *так*.

ДВЕ КОЗЫ

По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
Навстречу ей другая.
«Ах, дерзкая какая!
Где у тебя глаза?
Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
Посторонись!»
«Направо кругом обернись
Сама, а я упряма...
Да почему ты дама?
Такая же коза, как я».
«Как ты? Ты чья?
Ты шустера Абрама,
А я Исправница! Исправник барин мой!
Майор!» — «Так что ж? И мой осьмого также класса,
Честнее твоего драбанта Брамербасса
Да поумней, чем твой.
Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь,

Всем лекарям у нас в губернии пример:
Он оператор, акушер;
Им не нахвалится аптекарь.
А твой Исправник-то головкой очень слаб,
В делах он знает меньше баб,
Лишь мастер драться с мужиками,
Дерет с них кожу он обеими руками.
Неправду, что ли, говорю?
Пойдем к секретарю
Иль к стряпчему; спроси».— «Вот я ж тебя рогами».
«Есть роги и у нас; бодаемся мы сами».
Сошлись, нагнувшися, и стукнулися лбами.
Летит исправница, штаб-лекарша летит,
Летят вниз обе вверх ногами.
Ров преглубокий был; на дне лежал гранит.
Бух! — Козы об него, и поминай как звали!
Вороны с галками тут долго пировали.

Пустая, право, честь
Вперед идти иль выше сесть.
Что до меня, так я, ей-богу,
Дам всякому скоту дорогу.
Признаться, я ведь трус:
Скотов и женщин злых особенно боюсь.

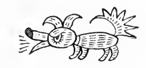

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ

Барбоска у крыльца избы людской лежал.
К нему без памяти вдруг Жучко прибежал
И говорит: «Барбоска!
Ведь господа
Приехали из Питера сюда,
А с ними моська,
Хрипунья старая, Полкан...»
«Щенчишка?» — «Погляди, какой стал великан!
Да как пристал к нему ошейник...»
«Ошейник? Ах, мошенник!

Давно ли я таскал за шиворот его?
Нам, старикам, так ничего?
Ну, право, господа не знают,
За что так награждают!
Да попадись он мне, то я уж проучу:
Как за уши схвачу
И тряску
Такую дам...»
«А вот он сам;
Ну, дай-ка, брат, ему острастку».
Взглянул Барбос —
По жилам пробежал мороз:
Собаку страшную он видит пред собою;
Полканка был не то, что за год перед сим,
Нет, не Барбоске ладить с ним.
Ретироваться он хотел бы прежде бою.
Вскочил подлец. Не знает, что сказать,
Хвостом вертит — и ну щенка лизать.

Вот так-то Гур Пафнутьич рассердился
На Разумова, что тот орден получил.
«Да как он к нам определился,
Я уж тогда... в архиве был
Помощником! А он был что? Мальчишка,
Так, школьник, писаришка!
Теперь асессор, кавалер!
А я уж тридцать лет как обер-офицер,
Но нету у меня и бронзовой медали;
Писцу же так крест дали!»
«Послушай, Гур: был Разумов писцом,
И мы с тобой писцами были;
Он после сделался дельцом,
Служил с отличием; за то и наградили.
Что сделает он в день,
Того, хоть пять очков надень,
Не сделаешь и в год, как ты ни хоробрися».
«Молчать, архивна крыса!»

ЗАВЕТНОЕ ПИВО

Фома на завтрак звал Кузьму
И, после водки,
Так говорил ему:
«Покушай-ка селедки.
Ну, что за сельдь! Крупна, жирна;
А как вкусна!
Голландская, ей-богу! Без обману!
У Королева брал. Тебе-то лгать не стану...
Вот свежая икра
Из осетра...
Прикажешь лу́чку
Зеленого?.. Попробуй эту штучку:
Балык, да ведь какой балык!
Ну так, как мед, во рту и тает.
Нельзя не есть; возьми: кусочек невелик».
«Помилуй! Этак я не стану и обедать».
«А семужки нельзя никак, чтоб не отведать;
Ведь из Архангельска прислал в гостинец сват.
Покушай, брат».
«Фома Панкратьевич, покушал я довольно».
«Э, как тебе не стыдно? Полно.
Чем только лишь богат,
Тем гостю дорогому рад...
А вот грибочки,
Тут рыжички, а здесь груздочки;
И тех отведай, и других.
Груздочки хороши, а рыжики как диво!
Здесь не найдешь таких:
Из Вологды!» — «А в кружке что?» — «Да пиво».
«Ну, накормил ты молодца;
Пожалуй-ка теперь пивца».
«Вот этого нельзя; пей, если хочешь, водку».
«Помилуй, ты меня соленым все кормил;
А пива жаль тебе!» — «Я звал ведь на селедку;
О пиве ж ничего тебе не говорил».
«Умилосердися! Дай промочить мне глотку».
«Пей водку!»
«Ведь пиво есть?» — «Есть про себя,
Не про тебя».
«Хотя кваску вели подать, Панкратьич».

«Есть, Елизарыч,
И квас,
Да лишь про нас».
«Ей-ей, пить хочется».— «А знаешь, на хотенье —
Терпенье».
Терпение Кузьма тут вовсе потерял,
Встал,
За кружку — хвать рукою;
Другою
Он так хозяина толкнул,
Что опрокинул тот стол с завтраком и стул.
Упал — кричит: «*Ай! Караул!*»
Рукой дрожащею хватает
За свой кровоточивый лоб;
Сквозь слез грозит, ругает;
Молчит гость, пиво допивает
И об пол кружку — хлоп!

Красавицы кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать
Притворной нежностью и хитрыми словами,
Когда мы не любимы вами
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любовию к вам жаждем,
Смеетесь, как мы страждем...
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

МИХАИЛ
СУХАНОВ

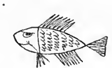
ЧЕРЕПАХА

Раз Черепаха Льву прошение вручила;
Она о месте Льва просила.
«В какой же должности желаешь ты служить?» —
Спросила у нее Собака.
«Я, — отвечала Черепаха, —
Хотела б скороходом быть».
«Ну можно ли? — Собака возразила. —
Сама бы по себе ты прежде рассудила:
Ну как тебе в сем званье быть?
Ты ползаешь, а надобно ходить!
Ты по-пустому Льва просила.
Так, видно, ты при знатных не служила?»
От Черепахи был ответ:
«Не по способности ведь судит ныне свет;
Лишь дал бы бог определиться!
Довольны будут здесь услугою моей».
И что ж? Искательством друзей
Дано то место ей!
И ею не могли довольно нахвалиться.

ОГОНЬ И БЕРЕСТА

Рыбак, наудя рыб, расклал на бережок
Трескучий огонек.
Вблизи Огня Берестинка лежала;
Едва лишь в свет она вступала.
Увидя тут ее, Огонь сказал:
«Ах! молодешенька ты в шумный свет вступаешь,
Еще не знаешь,
Как ныне он коварен стал.
Но... если б ты решилась
Себя под власть мою отдать,
Я стал бы как сестру родную защищать».
Как сильного защиты не принять?
Береста согласилась.
Чрез несколько минут вдруг начал дуть Борей.
С своей защитою Огонь поближе к ней;
Дотронулся ее, Береста запылала!
Еще минута — и пропала:
Остался пепел лишь от ней.

Неопытность, страшись ласкателей друзей!

МЕДВЕДЬ

Медведь Львом сделан был судьей;
Проходит пять, шесть дней,
Вот Волк его по дружбе навещает:
«Что, брат? — у Миши он спросил, —
Когда проситель к вам смиренно прибегает
И даст медку? Возьмешь?» Ответ Медведя был:
«О нет! Лев очень строг; я свято чту уставы,
Но с медом он пускай идет к моей жене,
Она возьмет, и мне —
На лапу попадет, а будем — оба правы!»

МЯТА

В одном саду, в тени сиреневых кустов,
На грядке меж цветов,
Лилей и васильков,
И мята выросла простая.
Садовник тамошний, Панфил,
Лилеи, васильки водою поливая,
Любуясь ими, их хвалил;
А мята, примечая,
Одна похвал не получая,
Раздумалась с собой:
«Жестокий жребий мой!
Я пользу доставляю,
Но лишь одну меня не хвалят... Понимаю!
Мой вид не так цветист, я всех из них простей».

Как не жалеть, что свет превратно рассуждает!
Он тех честит и тех ласкает,
Кто не полезнее, а видом поцветней.

УТЮГ И МУНДИР

«Пожалуй, перестань стучать по мне, мой друг! —
Однажды утюгу сказал мундир, сердяся.—
Ты видишь, я готов; мне вовсе недосуг.
Что за привычка завелася
Всегда задерживать, стучать?
Не хочешь ли мое ты золото отнять,
Которым я к себе вниманье привлекаю?»
«Твою неопытность я извиняю,—
Сказал в ответ утюг.—
Когда б глаза имел, увидел бы, мой друг,
Что я, стуча, тебе добра желаю
И, что измято, выправляю».

КУМ

«Дивлюся я тебе, Лука! —
Сказал сосед Пахом.— Ужель ума не стало,
Что управляющим ты принял дурака?
Как глуп! Подобного и в свете не бывало.
Где был твой ум?»
«Ах, мой родной, да он мне кум».

И мой совет: кто хочет постараться
В делах успех иметь,
На кумовство не полагаться,
А на достоинство смотреть.

УРОК СУДЬЕ

Бобр был у Льва секретарём.
Писцами за его столом
Одни Ослы сидели,
Вот просьба на Коня к ним поступила в суд.
Истец Осел — всем сват и налицо был тут.
Ответчик не вставал с соломенной постели.
Давай судить! в три дни решили.
И разумеется, что лошадь обвинили.
Осел писал, Осел скрепил,
А добрый Секретарь и руку приложил.
Конь подал в вышний суд; там иначе решили:
Судей сменили.
Истец Осел штраф заплатил.

Урок! чтобы судья вперед умнее был.

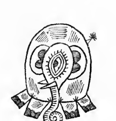
СЕЛЯНИН С СЫРОМ

У поселянина был с сыром поставец.
Он сберегал его в чулане
И думал сыр продать, ждет прибыли в кармане,
А мышь, почуя сыр, глядит и наконец —
    Юркнула в поставец, засела
    И сыру несколько поела.
Стал думать селянин, как горю пособить?
    И вздумал кошку посадить!
    Сибирскую сажает.
«Теперь, голубушка,— крестьянин рассуждает,—
Тебе уж миновалась честь!
Не станешь больше сыра есть».
Проходит ночь, и рассветает.
Вот поселянин наш осматривать идет!
Глядит — и мыши точно нет;
Но с ней и сыр исчез,— как будто не бывало!
    Не мышь — так кошка докончала.

С неосторожностью одной беды минем —
        В другую попадем.

александр
пушкин

САПОЖНИК

Притча

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?..»
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

ИВАН
КРЫЛОВ

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,—
Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня,— сказал он с удивленьем,—
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»
«То правда,— отвечал хозяин с умиленьем,—
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведеньем».

А я скажу: по мне, уж лучше пей,
Да дело разумей.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит.—
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ.— Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

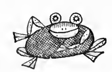

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!»
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшися с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.

Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не прийдет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица,— по них ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навертываться реже.
Проходит год,
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой:
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:

Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вкруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».
«Смотрите же,— кричит один,— не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер
Подымем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».

Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазаных колес.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мненье:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

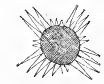
ОРАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и сребром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен.
В Оракула все верят слепо;
Как вдруг — о чудо, о позор! —
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,

Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться,
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на до́бычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!»
«Помилуй, мне еще и от роду нет году»,—
Ягненок говорит. «Так это был твой брат».
«Нет братьев у меня».— «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи».
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

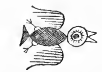
СИНИЦА

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли, гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не давывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»

Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? — и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! — говорит она,— и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на́ волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

ТРОЕЖЕНЕЦ

Какой-то греховодник
Женился от живой жены еще на двух.
Лишь до Царя о том донесся слух
(А Царь был строг и не охотник
Таким соблазнам потакать),
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать
И выдумать ему такое наказанье,
Чтоб в страх привесть народ,
И покуситься бы никто не мог вперед
На столь большое злодеянье:
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».
Судьям худые шутки:
В холодный пот кидает их боязнь.
Судьи толкуют трои сутки,
Какую б выдумать преступнику им казнь.
Их есть и тысячи; но опытами знают,
Что все они людей от зла не отучают.
Однако ж наконец их надоумил бог.
Преступник призван в суд для объявленья
Судейского решенья,
Которым, с общего сужденья,
Приговорили: жен отдать ему всех трех.
Народ суду такому изумился
И ждал, что Царь велит повесить всех судей;
Но не прошло четырех дней,
Как Троеженец удавился;
И этот приговор такой наделал страх,
Что с той поры на трех женах
Никто в том царстве не женился.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком:
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.

Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Чтó завтрак, чтó обед, чтó ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почтó ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные,— вещал им с неба глас,—
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан — так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

МОР ЗВЕРЕЙ

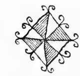
Лютейший бич небес, природы ужас — мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настежь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы, —
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх;
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врозь живет,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?
В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбрелись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други! — начал Лев, — по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь — хоть это мне и больно —
Не прав и я!
Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда — кто без греха? —
Случалось, драл и пастуха:

И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,
Того бы в жертву и принесть,—
И было бы богам то более угодно».
«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты,—
Лисица говорит,— в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То прийдет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить — им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».
Окончила Лиса; за ней на тот же лад
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья:
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могши ссуды,
Из стога у попа я клок сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принесть богам за все его проказы,
Чтоб и тела нам спасть и нравы от заразы!

Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.

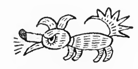
СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем —
Так рассуждать они пустилися вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может,— говорит Полкан,— приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спить без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить
И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».
«А что же? это дело! —
Барбос ответствует ему.—
Давно, Полканушка, мне больно самому.

Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
«Явим же в ней пример мы в наши времена! —
Вскричал Полкан,— дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары,
зависть, злость!
Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся,—
Лишь только клочья вверх летят:
Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей льзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа,—
А только кинь им кость, так что твои собаки!

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?

Заводят шум они за деньги, за товар,—
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «Ступайте,
А счеты после мы сведем!»
«Мне только тысячу мою сперва додайте,—
Шумит другой,—
Я с места не сойду долой».
«Мне две недодано, а вот тут счеты ясны»,—
Еще один кричит. «Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что, и почему!»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор —
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат,— огня!» Пришли с огнем.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему рассчесться за овец,—
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед,—
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без
оглядки?» —
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска недоедала,
Ночей недосыпала:
И я ж за то под гнев подпала;

А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой,—
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалося с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
«И полно, братец! — тут другой ему сказал,—
Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».

И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало наконец совсем их не слыхать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают да отстанут.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,

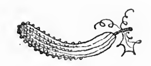
Так что голову вскружило».
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела».
«Ты все пела? это дело:
Так поди же попляши!»

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
«Нет, говорит, что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что за диковина! — приятель отвечал,—
На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,

А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет;
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
«А какова у вас река?»
«Да не мелка.
Так, видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
«Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А все чуден и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за домы:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!»
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка,— тут перервал мой Лжец,—
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вкруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела ответствует: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

ЗАЯЦ НА ЛОВЛЕ

Большой собравшися гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили —
И делят меж собой,
Кто что́ себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой,—
Кричат ему,— пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».
«Вот, братцы! — Заяц отвечал,—
Да из лесу-то кто ж,— всё я его пугал
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка?»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честны́х и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

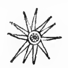
Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
«И полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,—
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй, говорит, за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то́-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору,
Или в ночную пору;
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

ВОРОНЕНОК

Орел
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка,
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж брать так брать,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал наконец
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъем.
Изладясь, на него спустился
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нем.
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытеребил вон
Затейник наш крылатый
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окорнали
И детям отдали играть.

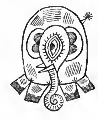
Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют.

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

———

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит —
Вступило от овец прошение в приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
«О плуты! — Слон кричит,— какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволенье?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;
Да и того им жаль отдать».
«Ну, то-то ж,— говорит им Слон,— смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком:
По шкурке, так и быть, возьмите;
А больше их не троньте волоском».

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.

Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, говорит, сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей.

ОТКУПЩИК И САПОЖНИК

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком, через край.

И словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он недосыпает.
Уж божьего ль боится он суда
Иль просто трусит разориться:
Да только все ему не крепко как-то спится.
А сверх того, хоть иногда
Он вздремлет на заре, так новая беда:
Бог дал ему певца, соседа.
С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
Сапожник, но такой певун и весельчак,
Что с утренней зари и до обеда,
С обеда до ночи без умолку поет,
И богачу заснуть никак он не дает.
Как быть и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья́ его отвадить?
Велеть молчать: так власти нет;
Просил: так просьба не берет.
Придумал наконец и за соседом шлет.
Пришел сосед.
«Приятель дорогой, здорово!»
«Челом вам бьем за ласковое слово».
«Ну, что, брат, каково делишки, Клим, идут?»
(В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.)
«Делишки, барин? Да не худо!»
«Так от того-то ты так весел, так поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?»
«На бога грех роптать, и что ж за чудо?
Работою завален я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А с доброю женой, кто этого не знает,
Живется как-то веселей».
«И деньги есть?» — «Ну, нет, хоть лишних не бывает,
Зато нет лишних и затей».
«Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?»
«Я этого не говорю;
Хоть бога и за то, что есть, благодарю;
Но сам ты, барин, знаешь,
Что человек, пока живет,
Все хочет более: таков уж здешний свет.
Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало,
И мне бы быть богатей не мешало».

«Ты дело говоришь, дружок:
Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
Хоть говорят, что бедность не порок,
Но все уж коль терпеть, так лучше от богатства.
Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:
Ты мне за правду полюбился.
Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сих денег не моги
И к нужде их ты береги!
Пять сот рублей тут верным счетом.
Прощай!» Сапожник мой,
Схватя мешок, скорей домой
Не бéгом, лётом;
Примчал гостинец под полой;
И той же ночи в подземелье
Зарыл мешок — и с ним свое веселье!
Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);
Все подозрительно, и все его тревожит:
Чуть ночью кошка заскребет,
Ему уж кажется, что вор к нему идет:
Похолодеет весь, и ухо он приложит.
Ну, словом, жизнь пошла, хоть кинуться в реку.
Сапожник бился, бился
И наконец за ум хватился:
Бежит с мешком к Откупщику
И говорит: «Спасибо на приятстве,
Вот твой мешок, возьми его назад:
Я до него не знал, как худо спят.
Живи ты при своем богатстве:
А мне, за песни и за сон,
Не надобен ни миллион».

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

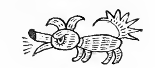
К Крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так, что наш мужик, бедняк,
Богатым лег, а с голью встал такою,
Хоть по миру поди с сумою;
Не дай бог никому проснуться худо так!
Крестьянин тужит и горюет,
Родню сзывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.
«Нельзя ли, говорит, помочь беде моей?»
Тут всякий с мужиком толкует
И умный свой дает совет.
Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
Не надобно было тебе по миру славить,
Что столько ты богат».
Сват Климыч говорит: «Вперед, мой милый сват,
Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить».
«Эх, брагцы, это всё не так,—
Сосед толкует Фока,—
Не то беда, что клеть далёка,
Да надо на дворе лихих держать собак;
Возьми-ка у меня щенка любого
От Жучки: я бы рад соседа дорогого
От сердца наделить,
Чем их топить».
И словом, от родни и от друзей любезных
Советов тысячу надавано полезных,
Кто сколько мог,
А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадешься,
Отведай сунуться к друзьям,
Начнут советовать и вкось тебе, и впрямь:
А чуть о помощи на деле заикнешься,
То лучший друг
И нем и глух.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться,—
Ей шавка говорит,— тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает».
«Эх, эх! — ей Моська отвечает.—
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

МЕШОК

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
Как вдруг
Мешок наш в честь попался
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит.
Хозяин сам его лелеет,
И бережет Мешок он так,

Что на него никак
Ни ветер не пахнет, ни муха сесть не смеет;
А сверх того, с Мешком
Весь город стал знаком.
Приятель ли к хозяину приходит:
Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так глядит;
Когда же кто к нему подсядет,
То, верно, уж его потреплет иль погладит.
Увидя, что у всех он стал в такой чести,
Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался.
Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всем и рядит он и судит:
И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.
Все только слушают его, разинув рот;
Хоть он такую дичь несет,
Что уши вянут:
Но у людей, к несчастью, тот порок,
Что им с червонцами Мешок
Что́ ни скажи, всему дивиться станут.
Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом,
И долго ли его ласкали?
Пока все из него червонцы потаскали;
А там он выброшен, и слуху нет о нем.

Мы басней никого обидеть не хотели:
Но сколько есть таких Мешков
Между откупщиков,
Которы некогда в подносчиках сидели;
Иль между игроков,
Которы у себя за редкость рубль видали,
А ныне, пополам с грехом, богаты стали;
С которыми теперь и графы и князья —
Друзья;
Которые теперь с вельможей,
У коего они не смели сесть в прихожей,
Играют за́просто в бостон?
Велико дело — миллион!

Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вам тишком?
Не дай бог, если разоритесь:
И с вами точно так поступят, как с Мешком.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет,—
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут,—
А ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.

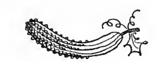
А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ

Весной в своих грядах так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж и свеж на взгляд;
Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий краснобай, названый друг природы,
Недоученный Филосóф,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить;
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моей
Далеко от тебя уеду,
И огород твой при моем
Казаться будет пустырем.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-как идет.
Как ты еще не разорился?
Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»
«И некогда,— соседа был ответ.—
Прилежность, навык, руки:
Вот все мои тут и науки;
Мне бог и с ними хлеб дает».
«Невежа! восставать против наук ты смеешь?»
«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
Коль ты что путное затеешь,
Я перенять всегда готов».

«А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дождаться...»
«Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
Уж я кой-что посеял, посадил;
А ты и гряд еще не взрыл».
«Да, я не взрыл, за недосугом;
Я всё читал
И вычитал,
Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.
Но время еще не уйдет».
«Как вас, а нас оно не очень ждет»,—
Последний отвечал и тут же с ним расстался,
Взяв заступ свой;
А Филосо́ф пошел домой.
Читал, выписывал, справлялся
И в книгах рылся, и в грядах,—
С утра до вечера в трудах.
Едва с одной работой сладит,
Чуть на грядах лишь что взойдет,
В журналах новость он найдет —
Все перероет, пересадит
На новый лад и образец.
Какой же вылился конец?
У Огородника взошло все и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Филосо́ф —
Без огурцов.

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть? —
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею.—
Я, право, о тебе жалею!
Послушай, мы теперь вдвоем,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоем
Ни на волос добра не видно.

Не говоря уже, что красть и грех и стыдно
И что бранит тебя весь свет,
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?»
«Кому такая жизнь сносна? —
Лисица отвечает.—
Меня так все в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища не вкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож».
«Ну, что ж? —
Крестьянин говорит.— Коль вправду ты не лжешь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чем не будешь ты нуждаться
И станешь у меня как в масле сыр кататься».
Торг слажен; и с того ж часа́
Вступила в караул Лиса.
Пошло у мужика житье Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но все не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службуповершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.

———

В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.

ГУСИ

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретяся с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!»
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросил прихожий их. «Да наши предки...»
«Знаю,
И все читал: но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Рим спасли!»
«Все так, да вы что сделали такое?»
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздразнить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
  В сору, в навозе изваялялась,
В помоях по уши досыта накупалась:
          И из гостей домой
          Пришла свинья свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —
          Свинью спросил пастух.—
          Ведь и́дет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчу́г;
А в доме так одно богатее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
  Я не приметила богатства никакого:
  Все только лишь навоз да сор;
А кажется, уж, не жалея рыла,
          Я там изрыла
  Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
  Который, что ни станет разбирать,
  Имеет дар одно худое видеть?

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
          Сыпучими песками, в гору,
            С поклажей и с семьей дворян,
              Четверкою рыдван
                Тащился.
Кони измучились, и кучер как ни бился,
        Пришло хоть стать. Слезает с козел он.

И, лошадей мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, знать, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится:
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперек шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет
И только плачется на то,
Что ей ни в чем никто
Никак помочь не хочет.
Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукают тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всем заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за́ шаг, понемногу
Втащилися на ровную дорогу.
«Ну,— Муха говорит,— теперя слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

КВАРТЕТ

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки,—
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка.—
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осел,— мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй, говорят, возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!»
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней,—
Им отвечает Соловей,—
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами».
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
Да только воз и ныне там.

ПРУД И РЕКА

«Что это,— говорил Реке соседний Пруд,—
Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
Да это, право, все пустое!

Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге и в покое;
Не только что судов
Или плотов
Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.
Что беззаботную заменит жизнь такую?
За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон».
«А, философствуя, ты помнишь ли закон? —
Река на это отвечает, —
Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это оттого, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,
И буду, может быть, еще я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова ее сбылись: она течет поныне;
А бедный Пруд год от году все глох,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой
И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали,
Да что до этого печали?
Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорога́,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинакой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:

Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свесть.
В лесу кого набресть,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был неговорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
Да тотчас и заснул.

А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села.
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врозь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

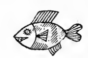
Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить
И, что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером.—
И начетверо он оленя раздирает.—
Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донесть!

Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но чтó ж? как подходить к Реке поближе стали
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

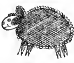
МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

———

В овечьи старосты у льва просился волк.
Стараньем кумушки-лисицы
Словцо о нем замолвлено у львицы.
Но так как о волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит лев на лицы,
То велено звериный весь народ

Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин чином собраны:
Но против волка нет ни слова,
И волка велено в овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? —
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».
«Соседушка, я сыт по горло».— «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
«Я три тарелки съел».— «И полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Чтó за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» —
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян.— Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой
Как ни любил уху, но от беды такой,

Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала,—
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!»
«Не радуйся, мой свет,—
Ей Крыса говорит в ответ,—
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, говорит, средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

МЕДВЕДЬ У ПЧЕЛ

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями,
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
Затем что к меду Мишка падок,
Так не было б оглядок;
Да спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухом не ведет:

Со светом Мишка распрощался,
В берлогу теплую забрался,
И лапу с медом там сосет
Да у моря погоды ждет.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, говорит, кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

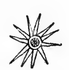
Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.
Нес, нес он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»
В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовет он Смерть: она у нас не за горами,
А за плечами.
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши ее свирепую осанку,
Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней.

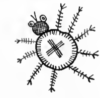

ПОДАГРА И ПАУК

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и ка́к, и почему:
Притом же, кажется, ему,

Зажмурясь, в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они, и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети — бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите
Вы, детушки, на свет и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь,
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же: отселе наперед,
Кто что из вас в удел себе возьмет —
Вон, видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижины убоги?
В одних простор, довольство, красота;
В других и теснота,
И труд, и нищета».
«Мне хижин ни за что́ не надо», —
Сказал Паук. «А мне не надобно палат, —
Подагра говорит, — пусть в них живет мой брат.
В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
Гонять из каждого богатого двора».
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились
в мире.
В великолепнейшей квартире
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцвеченным
И по карнизам золоченым
Он паутину разостлал
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к ра́ссвету едва с работою убрался,
Пришел и щеткою все смел слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался,
Оттоле Паука метлой.
Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щетка, иль крыло везде его достанет
И всю работу изорвет,
А с нею и его частехонько сметет.

Паук в отчаянье, и за́ город идет
Увидеться с сестрицей.
«Чай, в селах, говорит, живет она царицей».
Пришел — а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит.
Примета у простых людей,
Что чем подагру мучишь боле,
Тем ты скорей
Избавишься от ней.
«Нет, братец, — говорит она, — не жизнь мне в поле!»
А брат
Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
Подагра же — тотчас в дорогу,
Простилася с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села в ногу.
Подагре рай! Пошло житье у старика:
Не сходит с ним она долой с пуховика.
С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
Всяк при своем у них остался.
Доволен участью равно:
Паук по хижинам пустился неопрятным,
Подагра же пошла по богачам и знатным;
И — оба делают умно.

СЛОН В СЛУЧАЕ

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минуту по лесам прошла о том молва,
И так, как водится, пошли догадки,

Чем в милость втерся Слон?
Не то красив, не то забавен он;
Что за прием, что за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы,— говорит, вертя хвостом, Лисица,—
Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы».— «Или, сестрица,—
Сказал Медведь,— хотя бы по когтям
Он сделался случайным,
Никто того не счел бы чрезвычайным:
Да он и без когтей, тó всем известно нам,
Да не вошел ли он в случай клыками?»
Вступился в речь их Вол:
«Уж не сочли ли их рогами?»
«Так вы не знаете,— сказал Осел,
Ушами хлопая,— чем мог он полюбиться
И в знать добиться?
А я так отгадал —
Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
Себя в других охотно величаем.

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то, в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,
Кому из них идти приличней наперед?

А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и немалом
Перед Змеею Клеветник
Свой выставлял язык,
А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вот Клеветник было за ней уж очутился;
Но Вельзевул не потерпел того:
Он сам, спасибо, за него
Вступился
И осадил назад Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю;
Ты зла — твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь без вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты так издалека,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперед смирней».
С тех пор клеветники в аду почетней змей.

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умо́лку,
В том, верно, мало толку,
Кто де́лов истинно,— тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шуму.

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьев гонять нахальный род.
Осел был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком,
Не поживился он хозяйским ни листком
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужику барыш был с огорода плох.
Осел, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперек
Такую поднял скачку,

Что в огороде все примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо! — все кричат,— скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный,—
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие кра́и
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насказали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалося обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (ка́к людям то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи-пауки.
«Путь добрый вам,— Пчела на это отвечала,—
А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил:
А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво всполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей, то взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит.
А он — дивит
Свой только муравейник.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудяся над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу

Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот йдет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
«В том,— отвечал сосед,—
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

Совет Мышей

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платью иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
У коих же хвоста, к несчастью, нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Все дело слажено; повещено собранье,
Как ночь настанет на дворе;

И наконец в мучном ларе
Открыто заседанье.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
Мышонок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю губит».
А Мышь в ответ: «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

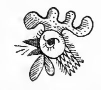
МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала,
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день ото дня сильнее становится:
Вода так бьет, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хвагиться!»
А Мельник говорит: «Далеко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,

Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные! — кричит,— хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хвать.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

———

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такой бережью диковинка ль, что дом
Скорёшенько пойдет вверх дном?

МОТ И ЛАСТОЧКА

Какой-то молодец,
В наследство получа богатое именье,
Пустился в мотовство и при большом раденье
Спустил все чисто; наконец
С одною шубой он остался,
И то лишь для того, что было то зимой —
Так он морозов побоялся.
Но, Ласточку увидя, малый мой
И шубу промотал. Ведь это все, чай, знают,
Что ласточки к нам прилетают
Перед весной,
Так в шубе, думал он, нет нужды никакой:
К чему в ней кутаться, когда во всей природе
К весенней клонится приятной все погоде
И в северную глушь морозы загнаны!
Догадки малого умны;

Да только он забыл пословицу в народе:
Что ласточка одна не делает весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снегу хрупкому скрыпят обозы,
Из труб столбами дым, в оконницах стекло
Узорами заволокло.
От стужи малого прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплых дней,
Он видит на снегу замерзшую. Тут к ней,
Дрожа, насилу мог он вымолвить сквозь зубы:
«Проклятая! сгубила ты себя;
А понадеясь на тебя,
И я теперь не вовремя без шубы!»

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит,—
Ей с Дубу ворон говорит,—
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут,—
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотны;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко йдет с рук,
Завистливый Паук
На барыши купца прельстился;
Задумал на продажу ткать,
Купца затеял подорвать
И лавочку открыть в окошке сам решился.
Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар на диво,
Засел, надувшися спесиво,
От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупщиков к себе он переманит.
Вот день настал: но что ж? Проказника метлой
Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот, говорит, жди праведной награды!
На весь я свет пошлюсь, чье тонее тканье:
Купцово иль мое?»
«Твое: кто в этом спорить смеет? —
Пчела ответствует. — Известно то давно;
Да что́ в нем проку, коль оно
Не одевает и не греет?»

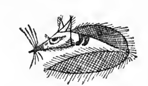

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

«Отколе, умная, бредешь ты, голова?» —
Лисица, встретяся с Ослом, его спросила.
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,
Куда глаза глядят, от этого урода;
А ныне в старости и дряхл и хил.
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
«Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?» —
Лиса Осла перерывает.
«Вот-на! — Осел ей отвечает. —
А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»

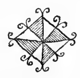
Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды:
Но упади лишь с высоты,
От первых жди от них обиды и досады.

МУХА И ПЧЕЛА

В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень

С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоем я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житье!
За мною только лишь и дела:
Лететь по балам, по гостям;
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все домы.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины, —
Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
Притом же, жалуя пол нежной,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой иль шейке белоснежной».
«Все это знаю я, — ответствует Пчела. —
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом».
«Вот, — Муха говорит, — гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

КОТЕЛ И ГОРШОК

Горшок с Котлом большую дружбу свел;
Хотя и познатней породою Котел,
Но в дружбе что за счет? Котел горой за свата;
Горшок с Котлом запанибрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;

И словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.
Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовет;
Горшок наш от Котла никак не отстает
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.
Где горки, рытвины, ухабы —
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой наклад;
Однако ж он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с Котлом чугунным так сдружился.
Ка́к странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился,
Что цел домой Котел с дороги воротился,
А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе вещь святая.

СОЛОВЬИ

Какой-то птицелов
Весною наловил по рощам Соловьев.
Певцы рассажены по клеткам и запели,
Хоть лучше б по лесам гулять они хотели:
Когда сидишь в тюрьме, до песен ли уж тут?
Но делать нечего: поют,
Кто с горя, кто от скуки.
Из них один бедняжка Соловей
Терпел всех боле муки:
Он разлучен с подружкой был своей.
Ему тошнее всех в неволе.

Сквозь слез из клетки он посматривает в поле;
Тоскует день и ночь;
Однако ж думает: «Злу грустью не помочь:
Безумный плачет лишь от бедства,
А умный ищет средства,
Как делом горю пособить;
И, кажется, беду могу я с шеи сбыть:
Ведь нас не с тем поймали, чтобы скушать,
Хозяин, вижу я, охотник песни слушать.
Так если голосом ему я угожу,
Быть может, тем себе награду заслужу,
И он мою неволю окончает».
Так рассуждал — и начал мой певец:
И песнью он зарю вечерню величает,
И песнями восход он солнечный встречает.
Но что же вышло наконец?
Он только отягчил свою тем злую долю.
Кто худо пел, для тех давно
Хозяин отворил и клетки и окно
И распустил их всех на волю;
А мой бедняжка Соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин по́звал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур недосчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,

И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того, она совсем не ест мясного.
И приговор Лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

СКУПОЙ

Какой-то домовой стерег богатый клад,
Зарытый под землей; как вдруг ему наряд
От демонского воеводы —
Лететь за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть рад или не рад,
Исполнить должен повеленье.
Мой домовой в большом недоуменье,
Ка́к без себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовые:
Расходы надобно большие;
Оставить так его,— так может клад пропасть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могут и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочет, думает — и вздумал наконец.

Хозяин у него был скряга и скупец.
Дух, взяв сокровище, является к Скупому
И говорит: «Хозяин дорогой!
Мне в дальние страны показан путь из дому;
А я всегда доволен был тобой:
Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ешь и веселись,
И трать их без боязни!
Когда же при́дет смерть твоя,
То твой один наследник я:
Вот все мое условье;
А впрочем, да продлит судьба твое здоровье!»
Сказал — и в путь. Прошел десяток лет, другой.
Исправя службу, домовой
Летит домой
В отечески пределы.
Что́ ж видит? О, восторг! Скупой с ключом в руке
От голода издох на сундуке —
И все червонцы целы.
Тут Дух опять свой клад
Себе присвоил
И был сердечно рад,
Что сторож для него ни денежки не стоил.

Когда у золота скупой не ест, не пьет,—
Не домовому ль он червонцы бережет?

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.

Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот близкого его соседа,
Мышонка, запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
Схватил кусок мясца — и с ним скорей убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча-судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: караул!

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!»
«Ну, каково, приятель, поживаешь?»
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор
И по миру пошел с тех пор».
«Ка́к так? Плохая, кум, игрушка!»
«Да так! О рождестве была у нас пирушка;
Я со свечой пошел дать корму лошадям;
Признаться в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.

Я тож о рождестве пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан, бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не человека,
И вот я с той поры калека».
«Пеняйте на себя, друзья! —
Сказал им сват Степан.— Коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечою худо;
Да вряд не хуже ль и впотьмах».

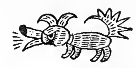
ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку.
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья, чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живешь,
С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
«На счастье грех роптать,— Жужутка отвечает,—
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;

Резвлюся с барином: а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» — «Я, — отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос, —
Живу по-прежнему: терплю и холод
И голод,
И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случа́й попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот
прекрасно! —
С насмешкой отвечал Жужу. —
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.
Хотела б очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.

Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю.
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
    Меж тем мой бедный Соловей
    Едва-едва дышал в когтях у ней.
    «Ну, что же? — продолжает Кошка, —
    Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
    «Так этим-то леса ты восхищал! —
    С насмешкою она спросила. —
    Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье́ ты вовсе не искусен:
    Все без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
    И съела бедного певца —
        До крошки.

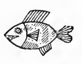
Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?
    Худые песни Соловью
        В когтях у Кошки.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

        От жалоб на судей,
    На сильных и на богачей
        Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
    Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
    Всяк, видя близкий свой конец, метался.
    На Мужика разинув зев:
«Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.

«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев, —
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?»
«О мудрый царь! — Мужик ответствовал, — оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

ПРИХОЖАНИН

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений и писатель,
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,
Не только, чтоб от них похвал себе дождаться,
В нем красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни быль на это им скажу.

Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник)
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства,
Как цепью золотой,
Возъемля к небесам все помыслы и чувства,

Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье;
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар! —
Из слушателей тут сказал один другому, —
Какая сладость, жар!
Как сильно он влечет к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» — «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода».

ВОРОНА

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво —
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра
И что пришла ее пора
Быть украшением Юнонина двора.
Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ощипана кругом

И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назад к своим; но те совсем
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ее затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.

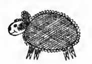
Я эту басенку вам былью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрену за барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая за то, что к знатным приплелась:
И сделалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых невзлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет —
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает

И что придет ему совсем лишиться глаз,
И как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! — сказал, насупяся, Медведь, —
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь —
И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягняток;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло
И так удачно в ход пошло, что наконец
Не только пестрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да все злодеи волки.

БЕЛКА

У Льва служила Белка.
Не знаю, как и чем; но дело только в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан — между тем все время улетает;
А Белочка моя нередко голодает
И скалит перед Львом зубки́ свои сквозь слез.

Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
Ее подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки знай себе щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит — нельзя никак:
На службу Льву ее то кличут, то толкают.
Вот Белка наконец уж стала и стара
И Льву наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор: орех к ореху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубов у Белки нет.

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисоньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,

Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила, —
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

КУКУШКА И ОРЕЛ

Орел пожаловал Кукушку в Соловьи.
Кукушка, в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыке свои
Выказывать пустилась;
Глядит — все прочь летят,
Одни смеются ей, а те ее бранят.
Моя Кукушка огорчилась,
И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
«Помилуй! — говорит, — по твоему веленью
Я Соловьем в лесу здесь названа;
А моему смеяться смеют пенью!»
«Мой друг! — Орел в ответ, — я царь, но я не бог.
Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
Кукушку Соловьем честить я мог заставить;
Но сделать Соловьем Кукушки я не мог».

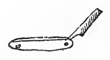

БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
    Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
И что же узнаю? — Приятель мой в тревоге:
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю — приятель стал не тот.
    То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
«Что сделалось с тобой, мой милый?.. Я надеюсь,
        Не болен ты».— «Ох! ничего: я бреюсь».
«Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать сбирались кожу.
    Узнавши наконец вину беды такой,
«Что дива? — я сказал,— ты сам себя тиранишь.
        Пожалуй, посмотри:
      Ведь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только с ними станешь».
        «Ох, братец, признаюсь,
        Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
    Да острыми-то я порезаться боюсь».
    «А я, мой друг, тебя уверить смею,
    Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
      А острою обреешься верней:
        Умей владеть лишь ею».

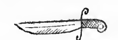

    Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
      С умом людей — боятся,
И терпят при себе охотней дураков?

БУЛАТ

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи не велики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, за́просто, лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтесывать тычины к огороду.
Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
Верхом.
Вот еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат
Так много громкого неложно говорят,
Не стыдно ли тебе щепать лучину
Или обтесывать тычину,
И, наконец, игрушкой быть ребят?»
«В руках бы воина врагам я был ужасен,—
Булат ответствует,— а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому:
Но разве я свободен?
Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
И так себя, казалось, смирно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог —
На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слыхал),
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, соком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород,—
Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным все толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну, так, что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так еще приметен;
Но важный чин на плуте как звонок:
Звук от него и громок и далек.

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.
   На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.
   Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
   Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам —
      Они не заперты никак.
«Ахти! — подумают, — бедняжка разорился!»
   Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться, —
   Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться:
Жаль только, что собак таких он держит злых
   И трудно до него добиться:
А то он рад последним поделиться».

      Видать случалось часто мне,
Как доступ не легок в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты —
      Мироны ж сами в стороне.

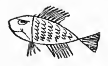
ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Все это ведь за мной».— «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он»,— Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана».
«Ну, попытайся ж у Демьяна».
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унес козленка».
«Беги ж, вон там живет Трофим».
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягненка!»
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!»
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!»
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил,—
Сказал тут Васька Волку,—
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы,— сам себя вини:
Что ты посеял — то и жни».

ЛЕЩИ

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде,
Лещи водились.
Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось им, катились.
Как вдруг
К ним барин напустить велел с полсотни щук.
«Помилуй! — говорит его, то слыша, друг,—
Помилуй, что ты затеваешь?
Какого ждать от щук добра:
Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
Иль жадности ты щук не знаешь?»
«Не трать своих речей,—
Боярин отвечал с улыбкою,— все знаю;
Да только ведать я желаю,
С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

ЛЕВ

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жесткая ему постеля надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела,
И вот сзывает он к себе своих бояр,
Медведей и волков пушистых и косматых,
И говорит: «Друзья! для старика
Постель моя уж чересчур жестка:
Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособрать,
Чтоб не на голых камнях спать».
«Светлейший Лев! — ответствуют вельможи,—
Кто станет для тебя жалеть своей
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платят дани;

Набрать с них шерсти поскорей:
От этого их не убудет;
Напротив, им же легче будет».
И тотчас выполнен совет премудрый сей.
Лев не нахвалится усердием друзей;
Но в чем же то они усердие явили?
Тем, что бедняжек захватили
И дочиста обрили,
А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своим ни волоском;
Напротив, всяк из них, кто близко тут случился
Из той же дани поживился —
И на зиму себе запасся тюфяком.

ТРИ МУЖИКА

Три Мужика зашли в деревню ночевать.
Здесь, в Питере, они извозом промышляли;
Поработáли, погуляли
И путь теперь домой на родину держали.
А так как Мужичок не любит тощий спать,
То ужинать себе спросили гости наши.
В деревне что за разносол:
Поставили пустых им чашку щей на стол,
Да хлеба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы в Питере,— да не о том уж речь;
Все лучше, чем голодным лечь.
Вот Мужички перекрестились
И к чаше приютились.
Как тут один, посмéтливей из них,
Увидя, что всего немного для троих,
Смекнул, как делом тем поправить
(Где силой взять нельзя, там надо полукавить).
«Ребята, говорит, вы знаете Фому,
Ведь в нынешний набор забреют лоб ему».
«Какой набор?» — «Да так. Есть слух — война с Китаем.

Наш Батюшка велел взять дань с Китайцев чаем».
Тут двое принялись судить и рассуждать
(Они же грамоте, к несчастью, знали:
Газеты и, подчас, реляции читали),
Как быть войне, кому повелевать.
Пустилися мои ребята в разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А наш того, лукавец, и хотел:
Пока они судили, да рядили,
Да войска разводили,
Он ни гугу — и щи и кашу, все приел.

Иному, до чего нет дела,
О том толкует он охотнее всего,
Что будет с Индией, когда и от чего,
Так ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глаз сгорела.

ПАСТУХ

У Саввы, пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерет.
«И не диковина,— твердит народ,—
Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поваренок, за грехи,
В деревню он был сослан в пастухи:

Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
За волком поиски; клянет его весь свет;
Обшарили весь лес,— а волка следу нет.
Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то — Савва.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хоро́м,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая,—спросил тут Дрозд,— нельзя ли
Сказать, что́ делаешь ты здесь?»
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевесть».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да,— улетая, Дрозд сказал,— то ясно мне,
Что ты бежишь, а всё на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвется,
Да только все вперед не подается,
Как Белка в колесе.

МЫШИ

«Сестрица! знаешь ли, беда! —
На корабле Мышь Мыши говорила, —
Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть не хватила
До самого мне рыла.
(А правда, так она лишь лапки замочила.)
И что́ диковинки — наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все — один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
Сейчас кричала я во весь народ,
Что ко дну наш корабль идет:
Куда! — Никто и ухом не ведет,
Как будто б ложные я распускала вести;
А ясно — только в трюм лишь стоит заглянуть,
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! Неужли нам гибнуть с ними вместе!
Пойдем же, кинемся скорее с корабля;
Авось не далеко земля!»
Тут в Океан мои затейницы спрыгнули
И — утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел и невредим.

Теперь пойдут вопросы:
А что же капитан, и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
В минуту унята;
А остальное — клевета.

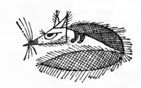

ЛИСА

Зимой, ранехонько, близ жи́ла,
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примерз.
Беда невелика, легко б ее поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
А между тем авось и оттепель придет,
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит — и день светает,
Народ шеве́лится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. «Друг милый! кум! отец! —
Кричит Лиса.— Спаси! Пришел совсем конец!»
Вот кум остановился —
И в спа́сенье Лисы вступился.
Прием его был очень прост:
Он на́чисто отгрыз ей хвост.
Тут без хвоста домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

Мне кажется, что смысл не темен басни сей:
Щепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спа́сенье Овец,—
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ,—
Примеры эти не забыты,—
Которые ходили близко стад
Смирнехонько — когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И наконец придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он Овцу станет,
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор,—
Хоть, говорят, Волкам и не спускают,—
Что будь Овца ответчик иль истец,
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.

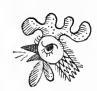

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!»
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
«Во всем лесу у нас такой певицы нет!»
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова».
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни, что твой соловей!»
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку,—
Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

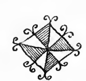
ВЕЛЬМОЖА

Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее,— умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был сатрап;

Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
«Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал
Да все подписывал, что он ни подавал».
«Скорей же в рай его!» — «Как! где же
справедливость?» —
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец! — отвечал Эак, —
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник — был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью, —
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

———

Вчера я был в суде и видел там судью.
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

КОЗЬМА
ПРУТКОВ

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

На беговых помещик ехал дрожках.
    Летела цапля; он глядел.
    «Ах! почему такие ножки
    И мне Зевес не дал в удел?»
    А цапля тихо отвечает:
    «Не знаешь ты, Зевес то знает!»

Пусть басню сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татарином рожден, так будь татарин;
    Коль мещанином — мещанин,
    А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
        То знай, глупец,
        Что наконец
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

ЧЕРВЯК И ПОПАДЬЯ *

Однажды к попадье заполз червяк за шею;
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» — «Я червяка давлю».

Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею.

РАЗНИЦА ВКУСОВ **

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слыхать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом,
В собрании гостей большом,
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: все тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,

* Эта басня, как и всё, впервые печатаемое в «Полн. собр. соч. К. Пруткова», найдена в оставшихся после его смерти сафьянных портфелях за нумерами и с печатною золоченою надписью: *«Сборник неоконченного (d'inachevé) №». (Прим. издателей «Сочинений Козьмы Пруткова».)*

** В первом издании (см. журнал «Современник», 1853 г.) эта басня была озаглавлена: *«Урок внучатам»* — в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруткова. *(Прим. издателей «Сочинений Козьмы Пруткова».)*

Во вкусах и подавно;
Я этой басней пояснил тебе.
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен — малина;
А мне и бланманже — полынь.

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
«Изрядно,— тот в ответ,— прозябло уж совсем!»

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

СТАН И ГОЛОС

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услыхал...
«Ах, если б голосом твоим я обладал,—
Так молвил пристав,— я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».

ПОМЕЩИК И ТРАВА

На родину со службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья, меж нами связь —
Залог утехи;
Пойдемте же мои осматривать поля!»
И, преданность крестьян сей речью воспаля,
Пошел он с ними купно.
«Что ж здесь мое?» — «Да все,— ответил голова.—
Вот тимофеева трава...»
«Мошенник! — тот вскричал.— Ты поступил
преступно!
Корысть мне недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалею;
Но эту возвратить немедля Тимофею!»

Оказия сия, по мне, уж не нова.
Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону.

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

Чиновник толстенький, не очень молодой,
По улице с бумагами под мышкой,
Потея и пыхтя и мучимый одышкой,
Бежал рысцой.
На встречных он глядел заботливо и странно.
Хотя не видел никого.
И колыхалася на шее у него,
Как маятник, с короной Анна.
На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
Скорей беги! Ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твои в чулан упрячет сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!»
Он все бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
«Чиновник! окажи мне дружбу;
Скажи, куда несешься ты?» — «На службу!»
«Зачем не следуешь примеру моему,
Сидеть в спокойствии? признайся напоследок!»
Чиновник, курицу узревши этак,
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак;
Несусь я, точно так,
Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!»

Разумный человек коль басню сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

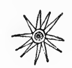
ЗВЕЗДА И БРЮХО

На небе, вечерком, светилася звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть может, середа.
В то время по саду гуляло чье-то брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды;
Не только есть — куды! —
Не выпьет и ковша воды!..
Нет, право, с ним наш брат не сладит:
Знай бродит по саду, ханжа,
На мне ладони положа;
Совсем не кормит, только гладит».

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный;
То спрячется за колокольней,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется,
Над животом исподтишка смеется...
Вдруг брюху ту звезду случилось увидать.
Ан, хвать!
Она уж кубарем несется
С небес долой,
Вниз головой,
И падает, не удержав полета;
Куда ж? — в болото!
Как брюху быть? Кричит «ахти» да «ах»
И ну ругать звезду в сердцах.
Но делать нечего: другой не оказалось,
И брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось
Хоть вечером, а натощак.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать, без крайности, обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.

Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
(Я говорю из дружбы):
Спасайся, слова нет,
Но главное — не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда — в день постный, в день
скоромный —
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

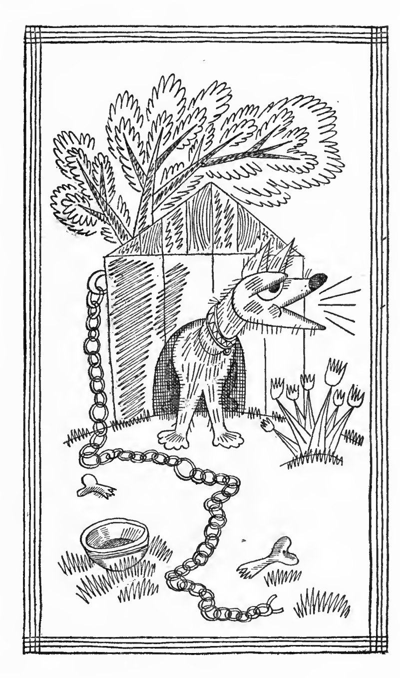
ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.
Читатель! он тебе не попадался?

Дмитрий
Минаев

ДОБРЫЙ ПЕС

К тяжелой конуре привязан,
Рвался, метался пес:
«За что, за что я так наказан?»
Его хозяин тронут был до слез.
И наконец, смягчившись, как-то раз он
От цепи пса освободил.
Ну что же пес? На шаг не отходил
От конуры и на цепь вновь просился,
Как будто с ней спокойствия лишился.

Так ты, газета «Голос»... но едва ль
Здесь нужно пояснять мою мораль.

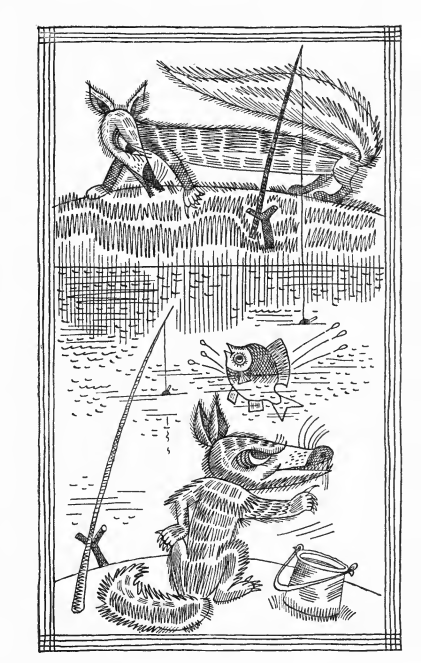
СОВРЕМЕННАЯ БАСНЯ

Вороне, хищнице известной, где-то бог
Послал с начинкой вкусною пирог...
Хоть ей грозил путь отдаленный,
Все ж уплетать ворона начала
Пирог казенный,
А в это время мимо шла
Лиса, известная юристка и софистка,
И, поклонившись низко,
Сказала: «Упекут
Тебя, голубушка, под суд,
Где защищать тебя готова я, пожалуй,
«Присяжным» псам сказав: лежать! ни с места! куш!
Когда вперед заплатишь мне немалый
За это куш».
Ворона знала, странствуя по суше
И по воде,
Что раздавать такие куши
Приходится везде,
Чтоб дело выиграть в суде.
И заключила тотчас же условье
С лисой и ей дала от пирога кусок.
Но это только предисловье
Истории, а вот и эпилог:
Попала скоро хищница в острог
И о таком «пассаже»
Скорбела день и ночь, совсем лишившись сна,
Лиса же
Осталась в барышах одна.

Как вора ни зови — шакалом иль вороной,
Узнают все, однако, кто вор оный.

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

РЫБОЛОВЫ

Бывают же дела!
Зовите это чудом,—
Но вслед за православным людом
Лиса посты блюла
И в пост жила лишь рыбным блюдом.
«Тут дело вкуса, мол, совсем не чудеса»,
Мне скажут. Я не прекословлю.
Но дело в том: раз утречком Лиса
Пришла к реке на ловлю.
В струи прозрачные закинута леса
С наживкой — мухой золотистой.
Разнежилась Лиса на травушке росистой;
Ан глядь — напротив Волк сидит на берегу,
— Принес его нечистый! —
Сидит и ни гугу:
Тихонько рыбу удит.
Так делать нечего, себя Лисичка нудит
И куму шлет привет.
Кум корчит ей в ответ
Подобие улыбки:
«Желаем кумушке — наудить больше рыбки!»
А рыбки нет как нет!
В досаде Волк уж было забожился:
«Уловец-то какой здесь был, кума, вчерась!..»

И вдруг насторожился.
За ним — Лиса. В реке резвился
Меж двух крючков — Карась!
От жадности у Волка ни терпенья,
Ни совести,— он к рыбе держит речь:
«Миляга, подь сюда! От ложного движенья
Тебя хочу я оберечь.
Пусть рыбы немы, да не глухи...
Послушай-ка, держись подальше ты от мухи!
Не то как раз нарвешься на крючок.
Меж тем — гляди сюда: ну что за червячок
Перед тобою вьется!»
Лиса от бешенства трясется:
«А, серый черт!.. Так знай: ты больше мне не кум,
Подохнуть бы тебе от лихоманки!
Карасик, положись на собственный свой ум.
И муха и червяк — равно приманки,
Да разница все ж есть,
Какую съесть.
Голубчик мой, я так толкую:
Коль все равно тебе, какую
Кончину живота обресть,
Так выбирай из них любую:
В рыбачью сеть ты можешь влезть,
Узнаешь человечьи руки;
Иль можешь смерть приять от щуки,
Иль от другой какой помрешь ты штуки,
Иль можешь за ничто пропасть,
Живым попавши в волчью пасть!..
Сравни ж теперь,— а в выборе ты волен! —
Таким концом ты можешь быть доволен?
А мне ты попадись — тебе почет какой!
Тебя я скушаю — уж похвалюсь заране! —
Не прежде, как, обсыпанный мукой,
Ты хорошо прожаришься в сметане!»

Карасик! Что тебе лукавый «рыболов»?
Не слушая его коварно-льстивых слов,
Себе, а не врагу, в угоду
Нырни поглубже в воду!

«ТРИБУН»

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил: «Скажи, Маклаций,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
Такими стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
Так на суде стоял за вора,
Как будто сам ты вор?
Беру другой пример — совсем не для эффекта:
Известный взяточник-префект влетел под суд,
А ты уж тут как тут,
Готовый вызволить преступного префекта.
Не ты ль в защитники был позван богачом,
Чью знают все звериную натуру,
Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
Содрал с него бичом?
Ты с этим палачом
Предстал перед судом, хваля и обеляя,
Сам знаешь, негодяя!
А между тем забыт тобой твой долг прямой —
Быть люду бедному защитой!
Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой:
Кто для тебя всего дороже,
Почтивший ли тебя доверием народ
Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен настороже?»
И юноше ответствовал трибун,
Любимец муз и граций,
Маклаций:
«Хотя ты очень юн,
Рассудка у тебя, пожалуй, все же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит».

ОТЦЫ И ДЕТИ

(Быль)

> Оставили бы вы этот скверный обычай (речь идет о субсидиях) нам, старому поколению.
>
> *М. Меньшиков о съезде студентов-академистов. «Новое время».*

Уж Митрофанушки у нас — гляди! — с усами,—
Так решено: за ум они возьмутся сами.
И вот от них летят во все концы
Гонцы:
Пожалуйте на съезд, «ревнители науки»!
Пожаловали. Что ж? Едва затихли звуки
Молебна, прокричав до хрипоты «ура»,
Без промедления лихая детвора
К казенным сундукам простерла жадно руки.
То видя, «благородные» отцы
Смущенно затрясли главами:
«Ах, детушки, ляд с вами,
С кого вы взяли образцы?
Пускай уж мы — не скроем, знаем сами —
Остались бы, как были, подлецами,
Да вы зачем такие подлецы?»

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Однажды в барский особняк,
В роскошные приемные палаты,
Краснея за свои лохмотья и заплаты,
Пришел за помощью бедняк.
Хоть стыд его давил почище всякой ноши,
Да барин — человек, по слухам, был хороший.
И впрямь — пред гостем он размяк.
Как вдруг на бедняке он увидал... калоши!
Казалось бы, пустяк!

Но филантроп вскипел:
«Ах, чертов ты тюфяк!
В конюшне быть тебе, а не в моей гостиной!
И ты, невежа, мог,
Такою будучи неряшливой скотиной,
Еще рассчитывать, чтоб я тебе помог?!
Вон, хам! И не посмей сюда явиться снова!!»
Бедняга не успел в ответ промолвить слова,
Как вылетел тормашкой за порог.

Наказан был бедняк примерно,
Калош не снял он — верно! —
Да как их снять, когда под ними нет сапог?!

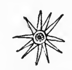
ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный совет постановил увеличить до 15 часов рабочий день приказчиков и лишить их праздничного отдыха.

Из газет.

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,
Батрак Фома, кем Еремей всегда
Хвалился.
Врага бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
«Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мне невмочь
Работать на тебя и день и ночь
Без сроку.
Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть бога.

Смотри — ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что впору б дух лишь перевесть.
За недосугом я, почесть,
Год в церковь не ходил и богу не молился!»
На батрака Ерема обозлился:
«Пустые все твои слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую гору
Вздору.
Никак, довесть меня ты хочешь до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.
Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:
Кто любит праздновать, тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня — я на тебя дивлюсь:
«Год богу не молюсь»!
А не подумал, Каин,
Что за тебя помолится хозяин?!»

«НАРОДНИК»

Помещик, встретясь с мужиком,
С беднягой Фокой,
«Эй, Фока, говорит, слывешь ты докой,—
Потолковать бы нам ладком,
Пока нет шуму.
Ведь выборы у нас почти что на носу.
В политике ж мужик, сам знаешь, как в лесу,—
Так надо разобрать, кому идти-то в Думу?
Я, например, готов... Тяжелый крест снесу...
Поклясться б за меня ты мог пред целым сходом:
Помещик наш пойдет, мол, заодно с народом.
Мы столковаться бы почти во всем могли,
Лишь стоит бредни все забыть насчет земли».
«Земли! — под ложечкой у Фоки засосало. —
Землица... что ж?.. Землица... не вредит...

Иным — в излишестве... У нас — ой-ой как мало...»
«Вот простота, о чем твердит?
Кому дано, тому дано — от бога».
А Фока стонет: «Эх, и нам бы... хоть немного...
Землицы клок...»
«Что вижу, Фока, мысль твоя совсем убога,
Как неотпаренный лубок!
Сойтись бы в главном нам, а пустяки — похерим!»
Тут Фока наш стал сразу зверем:
«Стой! От какого ты виляешь пустяка?
Ты что же, думаешь, напал на дурака?
Аль мужики от бар когда добро видали?
Аль наша память коротка?
Проваливай отсель, собачий сын, пока
Тебе бока не обломали!»

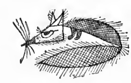
ОПЕКУНЫ

Не только в старину, и ныне
Бывают чудеса:
Про Волка вспомнила Лиса,—
Волк легок на помине:
«Хозяйке-кумушке привет!
К тебе я без доклада...»
«Ах, что ты, куманек, мой свет!
Я польщена, я очень рада...
Подумать: навестил меня премьер-министр!
Да, кстати... Впрочем, кум, ты так горяч и быстр, —
Не огорчить бы мне тебя своим упреком...
Прости, я не в своем уме...
Но, право, милый кум, ты в сане столь высоком
Стал плохо помнить о куме.
Ты, зная, например, как пламенно о курах,
Об этих кротких дурах,
Пекусь я, не щадя ни времени, ни сил,
Хоть раз бы ты спросил:
Как курочки твои, кума, живут на свете?..»

«Постой-ка,— перебил тут Волк,— постой, кума!
Да ты сама,
Чай, не последнею ты спицей-то в Совете!
А ты ль меня утешила когда?
За все последние года
Хоть пару ты промолвила словечек
Насчет моих овечек?!»
. . . .

Примета верная, читатель милый мой:
Хороший кум всегда столкуется с кумой.
А овцы знать должны, как знать должны и куры:
Раз речь зашла о них, так быть им всем — увы! —
Одним без шкуры,
Другим без головы!

ГУМАННОСТЬ

С.-Петербургское общество призрения животных сообщило Пермской городской управе, что вешать бродячих собак — не гуманно.
Удобнее пользоваться специальным удушливым газом.

Из газет.

«Барбос!» — «Трезор!»
«Ты что же смотришь истуканом?»
«Собачник, вижу я, бежит сюда с арканом!»
«Шмыгнем-ка под забор!»
Шмыгнули,
Улепетнули
На чей-то задний двор
И продолжают разговор:
«Слыхал, Барбос, ты новость эту?
Намедни в мусоре я выудил газету,
Так в ней прочел я: дан по городам приказ,
Что вешать, мол, собак бродячих... не гуманно...

А дальше... как-то так... туманно:
Удушливый удобней, дескать, газ...»
«Туман — в твоей башке!.. Однако же как странно! —
Ворчит в ответ Барбос
Трезору.—
Ты, чай, слыхал про Лисий Нос?
Не дай господь попасть туда в ночную пору!
И все же это — пустяки.
Хоть я учен на медяки,
Газетки ведь и я читаю, между прочим,—
Так слушай: у людей — какую богачи
На Ленских приисках пустили кровь рабочим!
Вот тут гуманность-то людскую и сличи:
Без виселиц, без газу,
А живота лишить сумели город сразу!»

Барбосу выводов подсказывать не будем.
Сказать по совести, не знаю я и сам,
Кому завидовать кто должен: люди — псам
Иль псы-бродяги — людям?

ПРИТОН

Дошел до станового слух:
В селе Голодном — вольный дух:
У двух помещиков потрава!
И вот — с несчастною, покорною толпой
Кровавая учинена расправа.
Понесся по селу и плач, и стон, и вой...
Знал озверевший становой,
Что отличиться — случай редок,
Так лил он кровь крестьянскую рекой.
Что ж оказалось напоследок?
Слух о потраве был пустой:
От мужиков нигде потравы никакой.

«Ах, черт! Дела на слабом грунте!
Не избежать плохой молвы!»
Но, не теряя головы,
Злодей строчит доклад об усмиренном бунте.
Меж тем, очнувшися от бойни, мужики
На тайном сходе у реки
Постановили: быть Афоне
За дело общее в столице ходоком,
Пред Думой хлопотать,— узнать, в каком законе
Дозволено все то, что ноне
Лихие вороги творят над мужиком?
Уехал наш ходок и через две недели
Привозит весть.
Не дали мужики Афоне с возу слезть,
Со всех сторон насели:
«Был в Думе?» — «Был».
«Ну, что?»
«Да то:
Судились овцы с волком...»
«Эй, не томи!.. Скорее толком
Все говори,— кричит Егор,—
Нашел на извергов управу?»
«Не торопись ты... Больно скор...
Мы казнены и впрямь совсем не за потраву.
Шел в Думе крепкий спор
Про наше — слышали? — про наше изуверство!
Но всех лютей чернил нас некий старичок...
По виду так... сморчок...
А вот — поди ж, ответ держал за министерство:
«Потравы не было. Да дело не в траве:
У мужика всегда потрава в голове».
Так, дескать, господа нас малость постращали,
Чтоб мы-де знали:
Крепка еще на нас узда!
А кровь... Так не впервой у нас ее пущали...
Что, дескать, было так и будет повсегда!»
«Ай, горе наше! Ай, беда!
Ни совести в тебе, скотина, ни стыда! —
Тут с кулаками все к Афоне.—
Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?
Ведь ты же был, никак, балда,
В разбойничьем притоне!»

1912 г.

Святая истина была в словах толпы:
Ведь в Думе кто сидел? Помещики, попы.
А с мужиком у них была какая спайка?
Крест да нагайка!

1918 г.

БЕДА

Батрак Лука,
И сна лишившись и покою,
Вконец измаялся с рукою:
Бог весть с чего горит горьмя рука,
Вся вздулась, почернела.
«Ты что же, чертов сын, слоняешься без дела
Из-за такого пустяка?» —
Хозяин, Пров Кузьмич, кричит на батрака.
Кричит, не ведая того, что подоспела
И на него беда:
Был с вечера здоров мужик наш, как всегда,
А утром сам не может встать с постели.
Свалился на манер снопа.
Родные ошалели,
Бегут за знахаркой, зовут скорей попа.
У смертного одра сгрудилася толпа.
Бедняга Пров Кузьмич ревет, как зверь, от боли:
«Ай, помереть бы, что ли!..
Ай, братцы, силы нет!.. Ай, братцы, пропаду!..»

У Кузьмича сел чирей на заду!

ОПЕКА

Помаялся вдовцом Фома немало,
Когда жены не стало,—
Но жил, терпел: авось бог детям даст судьбу.
Гадал, не чувствовал: век и его короток.
Сразила хворь Фому. Лежит Фома в гробу,
Покинув на беду двух малышей-сироток.
Толкуют мужики средь голого двора:
Как быть с детьми? У них, помимо крова,
Всего сиротского добра
Одна корова.
«Тьфу! — кто-то вдруг ругнулся сгоряча.—
Несет нелегкая к нам Прова Кузьмича,
Нет на него провалу!»
Все знали Прова-богача
За кулака и обиралу.
Войдя во двор,
Кузьмич заводит разговор,
Что, дескать, для души он поработать хочет,
О похоронах он немедля похлопочет;
А что касается детей,
То их хорошему вручить бы человеку,
И сам Кузьмич готов по доброте своей
С согласья общего малюток взять в опеку:
«Что ж, братцы! Погрешил я вдосталь на веку,
Так, может, грех какой я добрым делом смою.
Уж я сироток опеку,
Уж я их успокою!»
Дивятся все, такой увидя оборот,—
Стоят, разинув рот,
И, кажется, упасть готовы в ноги Прову.
Меж тем, пока очухался народ,
Наш «опекун», не видевши сирот,
Уводит со двора сиротскую корову!

КАШЕВАРЫ

> Хочет ли «Правда» вообще работать вместе с нами, так называемыми «ликвидаторами»? Мы ждем от «Правды» ответа.
>
> *«Невский голос».*

Взялась за ум рабочая артель:
«Довольно быть нам сборищем случайным
Да путаться по кабакам и чайным,
Как все мы путались доселъ!»
Артель единогласно
К решению пришла:
Кормиться всем из общего котла!
Прекрасно.
Добыт котел и выбран кашевар —
Кривой Захар.
А так как было ясно,
Что не управиться Захару одному,
Приставили к нему
Двух пареньков охочих
(Не дюже-то рабочих),
Ерёму да Кузьму.
Так надо же греху случиться:
При первой же стряпне
Пришлося по нужде Захару отлучиться,
Когда со справою котел уж был в огне.
Кузьма с Ерёмой тары-бары
Да растабары:
«Мы тоже кашевары!»
«Ась, брат? Чай, надоть посолить».
«И поперчить да маслица расплавить».
«И молочком недурно б забелить».
«А опосля кваском заправить».
«Постой-ка, Кузя, виноват:
Забыл подбросить я салат».
Захар, вернувшися, недоглядел оплошки,
Что там сварилося — бог весть!
Артели ж довелося есть.
Едва успев хлебнуть по три-четыре ложки
Невиданной окрошки,
Ребята наши — кто куда!

Тошнит и рвет бедняг без меры,
Как от холеры.
Беда!
А поварам грозит расправа
За то, что вышла их еда —
Еще бы ничего — бурда! —
А то как есть отрава!

Ох, ликвидаторы! Что долго говорить!
Нам с вами каши не сварить!

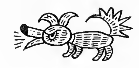
ПОРОДА

У барыни одной
Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной.
Был он для барыни равно что сын родной:
День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит,—
Обмывши розовой водой,
И пудрит и помадит.
А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
Мужик Аким.
Но под конец такое дело
Акиму надоело.
«Тьфу, говорит, уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный снесу,
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
Так порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: «Скажи ты мне,
Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?

Ума не приложу:
За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду?!»
«За что?—ответил пес, скрывая в сердце злость.—
За то, что ты — мужичья кость,
И должен чтить мою высокую породу!»

Забыл Аким: «По роду и удел!»
Так ведь Аким — простонародье.
Но если я какого пса задел,
Простите, ваше благородье!

СЫНОК

Помещик прогорел, не свесть конца с концом,
Так роща у него взята с торгов купцом.
Читателям из тех, что позлословить рады,
Я сам скажу: купчина груб,
И рощу он купил совсем не для прохлады,
А — дело ясное — на сруб.
Все это так, чего уж проще!
Однако ж наш купец, бродя с сынком по роще,
Был опьянен ее красой.
Забыл сказать — то было вешним утром,
Когда, обрызгана душистою росой,
Сверкала роща перламутром.
«Не роща — божья благодать!
Поди ж ты! Целый рай купил за грош на торге!
Уж рощу я срублю,— орет купец в восторге,—
Не раньше осени, как станет увядать!»
Но тут мечты отца нарушил сын-мальчонок:
«Ай, тятенька, гляди: раздавленный галчонок!»
«И впрямь!.. Ребята, знать, повадились сюда.
Нет хуже гибели для птиц, чем в эту пору!
Да ты пошто ревешь? Какая те беда?»

«Ой, тятенька! Никак, ни одного гнезда
Мне не осталось... для разору!»

Что скажешь о сынке таком?
Он жадность тятькину — в количестве сугубом,—
Видать, усвоил с молоком,
Был тятька — кулаком.
Сын будет — душегубом!

«ПЕС»

«Хозяин стал не в меру лих!
Такую жизнь,— сказал в конюшне рыжий мерин,—
Терпеть я больше не намерен:
Бастую — больше никаких!»
И мерину в ответ заржали все лошадки:
«Ты — прав, ты — прав!
Стал больно крут хозяйский нрав,
И далеко зашли хозяйские повадки!»
Бывалый мерин знал порядки.
Он тут же внес на общий суд
Ряд коренных вопросов:
Про непосильный труд,
Про корм из завали, гнилой трухи, отбросов
(Сенца не видели, где ж думать об овсе?),
Про стариков, калек,— про тех, что надорвались...
Лошадки обо всем в минуту столковались,
А столковавшися, забастовали все!
Хозяин промышлял извозом,
Так потому его,
При вести о таких делах, всего
Как будто обдало морозом.
Но все ж на первых он порах,
Хоть самого трепал изрядный страх,
Прибег к угрозам.
Не помогло. Пришлось мудрить.

Лошадок пробует хитрец уговорить
Поодиночке.
Дела на мертвой точке!
Хозяин — зол, хозяин — груб, —
То бороду рванет, то чуб,
И наконец с досады
Стал даже пить.
«Ведь до чего же стойки, гады!
Никак, придется уступить!»
И уступил бы. Очень просто.
Да — как бывает у людей:
На чистом теле вдруг короста! —
Без скверного нароста
Не обошлось у лошадей:
В надежде выслужить почет, покой и негу
Дал впрячь себя в телегу
Жеребчик молодой.
Вздыбились лошади: «Гляди, подлец какой!»
Родная мать, мотая головой,
Сынка стыдила:
«Мать, братьев променял ты на щепоть овса!
И как тебя на свет я только породила,
Такого пса?»
Меж тем хозяин ободрился,
На «псе» на бойню прокатился,
Всех забастовщиков сбыл с рук — и дня не ждал:
Скорей купил и впряг в погибельное дышло
Лошадок новых.
Что же вышло?
Жеребчик прогадал:
Хозяин взял привычку
Пускать покорного скота
На всякую затычку.
Так «пес» не вылезал почти из хомута!
И каялся потом не раз он, горько плача,
Да поздно. Под конец
Жеребчик стал — куда там «жеребец»! —
Как есть убогая, заморенная кляча!

ПРАВДОЛЮБ

«В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе», —
Так начинают все, да нам — не образец.
Начнем: в одном селе был староста-подлец,
Ну, скажем, не подлец, так что-то в этом роде.
Стонали мужики: «Ахти, как сбыть беду?»
Да староста-хитрец с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
    Держать себя подобно воеводе,
    Сражаться с иродом таким
    Боялись все. Но только не Аким:
        Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный правдолюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
        Так поминай как звали!
Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
        Такую резал правду-матку,
Что тот от бешенства рычал и рвался в схватку, —
Но приходилося смирять горячий нрав:
        Аким всегда был прав,
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
        Да что? Не в правде сила!
В конце концов нашел наш староста исход:
        «Быть правде без поблажки!»
Так всякий раз теперь Аким глядит на сход...
            Из каталажки.

ВОЛК

Газета «Земщина» открыла рабочий отдел, в котором призывает рабочих к «классовой» организации.

Из газетной хроники.

Долгонько я молчал. А правду молвить надо.

В овечьей шкуре Волк прокрался как-то в стадо.
Взобравшись на бугор, он к овцам держит речь:
«Овечки, ярочки, подруги!
Покажемте пример для всей округи,
Что овцам незачем давать себя стеречь!
Удрав от пастухов с их преданными псами,
Докажем всем, что мы от Волка уберечь
Себя сумеем сами.
Да что! Ведь как-никак Волк тоже с головой:
Смекнет он сам, что с нами
Ему расчет прямой
Сойтись на мировой.
Подруженьки, нет спору,
Что Волку не корысть
Овец вповалку грызть
Без вкусу, без разбору.
Сподручней для него нас есть... по договору!
Забыв, что было день назад,
Мы с Волком поведем дела на новый лад.
И я уверена, что сам он будет рад
К обеду резать нас — законно и без риску —
По нами ранее одобренному списку».

Вот где — любуйтесь — грамотеи!
В игре с рабочими им нечем козырнуть,—
Казалось бы: оглобли повернуть,—
Так нет, пустились на затеи!
Да не с того конца!
Не скрыли хищного лица,
Как ни рядилися в рабочие тулупы.
Ведь басня вся моя — для красного словца,—
Рабочий — не овца!
А волки «Земщины»... ей, не по-волчьи глупы!

СВАТОВСТВО

«Ну, чем, скажи ты мне, сынок мой не жених?»
«Дочь у меня, чай, тож невеста
Не из худого теста!»
Вот были мужики! И не сошли ведь с места,
А дело слажено у них:
Едва ль не за вторым стаканом
Толкуют о приданом.
А только кулака, ей-ей, надул кулак:
Жених известный был плутяга и маклак
И бил в глаза фальшивым глянцем.
Невеста же, хотя и впрямь брала
И телом и румянцем,
Однако же давно промеж парней слыла
Девицею... с «изъянцем»!

———

Слыхал я, что кадет стал нынче в женихах,
Что к «прогрессистке» он заслал московских свах;
— Не думайте, что сдуру или спьяна! —
Купчиха хоть проста, да сдобна и румяна.
А что касается изъяна,
Девица — спору нет — с «грешком»,
Зато жених с «хорошим тоном».
Так все покроется «законом»
И золотым мешком!

ТЕРЕХА

Многие рабочие читают буржуазные господские газеты, потому что там пишут занятно.

Из письма рабочего.

У всякого Ермишки
Свои делишки.
А у Терехи дел — хотя б на полчаса.

День целый паренек шныряет по заводу
Да мелет языком: сначала — про погоду,
Про сплетни разные, потом — про чудеса,
Каких не слыхано и сроду,
А там — хитрец каков!
Ведь начал с пустяков —
Ан глядь, в конец того выводит вавилоны
Про власть и про законы,
Про мирное житье, покой и благодать,
Про старые порядки,
Которые, мол, грех огульно осуждать,
И про рабочий люд: ему б терпеть да ждать,
А он туда ж — шумит, бастует без оглядки!..
Завод под вечер тих и пуст,
Зато полна пивная лавка.
Тереха тут. Вокруг Терехи — давка.
Тереха — златоуст!
Что ж так? Аль все вчера от пашни?
Ужель рабочим невдомек,
Что их морочит всех зубастый паренек,
С хозяином сведя лихие шашни?
Какое! Знают все. Наружу правда прет.
Куда Тереха гнет, всем до чего понятно!
А слушают взасос: «Что ж из того, что врет?
Да врет-то как занятно!»

Когда б я мог!
Когда б имел я бойкий слог!
Уж то-то б написал статейку
Про «Речь», «Биржевку» да «Копейку»,
Не позабыв еще газеток двух иль трех,
Что нравятся иным рабочим,
До разного вранья охочим,
Где что ни слово — брех, да ведь какой же брех:
Не одного, а дюжины Терех!

ПОЛКАН

Заграй Полкана поносил
Что было сил:
«У, дьявол старый!.. Лежебока!..
Хозяйский прихвостень!.. Наушник!.. Егоза!
Бесстыжие твои глаза!..
Подох бы ты до срока!»
«Аль ты совсем оглох, Полкан:
Сидишь — молчишь, как истукан.
Что ж не проучишь ты буяна?»
Приятель так — Султан —
Спросил Полкана:
«Ужель ты хочешь допустить,
Чтоб стал Заграй тебя честить
Пред целым нашим вечем?!
Грызни как след его!!»
«Ох, брат,—
Вздохнул Полкан,— грызнуть я рад,
Да нечем!»

Кадет, кадет!
Ну, что бы взять пример с Полкана,
Чтоб не было обмана:
Молчать бы, коль зубов уж нет!

ГИПНОТИЗЕР

Помещик некий, быв изрядным фантазером,
Задумал стать гипнотизером,
Добыл из города два воза нужных книг,
Засел за них, читал не две — не три недели,
Едва ль не целый год, и наконец достиг
Желанной цели:
Любого мужика мог усыпить он вмиг!

Да слуги барина к тому ж гневить не смели,
Так стоило ему явиться средь двора,
Как бабы, мужики и даже детвора
Валились наземь и храпели.
«Вот ум! Вот голова! —
Прошла про нашего затейника молва
Среди помещиков-соседей.—
Подумать лишь, хитрец каков!
Не надо больше тумаков:
Почище найдена управа на медведей!»
(То бишь на мужиков.)
И в первый праздничек соседи мчат к соседу.
Но пир гостям — не в пир, беседа — не в беседу,
И преферанс — не в преферанс!
Им гипнотический подай скорей сеанс!
Без лишней канители
Желанью общему хозяин уступил:
Емелю-конюха в два слова усыпил.
Все гости онемели!
Хозяин между тем из сонного Емели
Что хочет, то творит:
«Емеля, говорит,
Глянь, становой в деревню мчится!»
Мужик томится:
«Ой... братцы... ой...
Разбой!..»
«Постой,
Никак — ошибка!
Не разглядел я, виноват,
К нам едет думский депутат!»
У мужика — улыбка:
«Вот будет рада... попадья...
Стал депутатом... поп Илья!»
Поповским голоском запел хозяин: «Чадо,
Скажи, чего первей просить для паствы надо,
Когда в столице буду я?»
И стоном вырвалось у бедного Емельки:
«Проси... земельки!»
«А про помещиков ты, вражий сын, забыл?!» —
Тут гости сгоряча вскричали в общий голос.
Емеля взвыл.
Стал у Емели дыбом волос,
И, засучив по локоть рукава,

Такие наш мужик понес слова,
Что гости с перепуга
Полезли друг на друга!

Скажу я господам иным
(Здесь места нет пока угрозам):
Мужик чувствителен всегда к своим занозам.
Не прикасайтеся к его местам больным,
Хоть он и под тройным
Гипнозом!

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

«Псковская жизнь», № 557, 1911 г.
«Деревенские частушки».

Где в мире найдем мы пример, подобный русской аграрной реформе? Почему не могло бы совершиться нечто подобное и среди тружеников промышленного дела?

«Россия», 17 августа 1912 г.

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто — под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.
«Ну, что, брат лапоть, как делишки?» —
С соседом речь завел сапог.
«Не говори... Казнит меня за что-то бог:
Жена больна и голодны детишки...
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ...
Последние проели животишки...»

«Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?»
«Не, мира не порочь.
Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне!»
«Что ж? Лапти перешли в дворяне?»
«Ох, не шути...
Мы — хуторяне».
«Ахти!
На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?»
«Почти!
От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: «Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
Кто не пойдет на хутора,
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,
Рукам — легко, душе — отрадно.
Рай — не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!»
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Поверили. Изведали житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало — не воротишь!
Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья».
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздохнул сапог: «Эхма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя как ни тяжка,—
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»
Насчет отпору,
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.

А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка нас тронь.
Мы повоюем!»

ГАСТРОЛЕР

Провинция канальe шустрой — клад.
Какой-то правый депутат
В губернский городок приехал на гастроли —
Не для погрома, нет, совсем в особой роли:
Читать предвыборный доклад.
Весь город потонул в афишах:
Афиши на столбах, заборах, фонарях,
Афиши на ларях,
На будках, на домах и чуть ли не на крышах.
Цветами, флагами украшен был вокзал,
И для доклада лучший зал
Отведен был задаром.
Доволен будет пусть амбаром
Какой-нибудь эсдек
Иль страшный черноблузник,
Но не солидный человек,
Не депутат-союзник.
Народу полон зал набилось на доклад.
Союзник рад.
С лоснящеюся рожей,
Пред губернаторской осклабившися ложей,
Он начал говорить
И с первых слов понес такую ахинею,
Что, только вспомнивши о ней, уж я краснею,
Не то чтоб слово повторить.
Казалось, лиходей оглоблей всех ударил.
Люд ошарашенный стал сразу глух и нем,—

А кто-то между тем
Рукою жадною в его карманах шарил!

Урон, положим, небольшой —
Уйти домой с пустым карманом —
Для тех, кто, опоен дурманом,
Ушел еще с пустой душой.

КЛАРНЕТ И РОЖОК

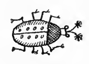
Однажды летом
У речки, за селом, на мягком бережку
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.
«Здорово!» — пропищал кларнет.
«Здорово, брат,— рожок в ответ,—
Здорово!
Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?»
«Вот это ново,—
Обиделся кларнет.— Глаза вперед протри
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князья и графы!
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь под твою — быки с коровами одни
Хвостами машут!»
«То так,— сказал рожок,— нам графы не сродни.
Одначе помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!»

ЖУК И КРОТ

В момент весьма серьезный
(Обжоре хищному, Кроту, попавши в рот)
Взмолился Жук навозный:
«Не ешь меня, высокородный Крот!
Ты знаешь сам, слыву я жестким блюдом,
Меж тем живым я — побожусь! —
Тебе в чем-либо пригожусь».
Внял Крот мольбе каким-то чудом:
«Ин так и быть, живи,
Комар тебя язви!
Желудок свой изнежив червяками,
Намедни впрямь его расстроил я жуками
И натерпелся мук.
А ты как будто славный малый:
Храбрец и говорун. Должно, взаправду Жук
Бывалый.
Послушай: по душам потолковав со мной,
Уж вот как ты меня обяжешь,
Когда мне обо всем, что знаешь, порасскажешь.
Хотелось бы мне знать, к примеру, как весной
Благоухают розы.
Слыхал я стороной,
Что аромат у них довольно недурной».
«Душок — божественный!» — утерши лапкой слезы,
Счастливый Жук жужжит Кроту
И, чтобы отплатить ему за доброту,
Желая показать, как дивно пахнет роза,
Подносит... шарик из навоза.

На вкус и цвет
Товарища, как говорится, нет.

«УМНИЦА»

«Ни капли гордости аль совести. Эх ты! —
Ворчал свинье Кудлай.— Есть разные скоты,
Но ты поистине особая скотина:
Тебя не оскорбить ни словом, ни пинком.
Наплюй тебе в глаза — умоешься плевком.
Скажи, пожалуйста: опричь тебя, по ком
Гуляет часто так хозяйская дубина?»
«Эхма! —
Хавронья хрюкнула.— Большого ты ума.
Недаром ребра видно.
Ну, малость и побьют. Подумаешь: обидно!
Бокам, чай, больно да спи́не?
При чем же совесть тут? Голубчик, да по мне,
Так, право, все равно: что бита, что не бита.
Не гнали б только от корыта!»

Свинья, а в ней ума какая бездна скрыта!
Философ — не свинья!
Ведь рассуждает как? Ну, ровно бы по нотам!

С согласья вашего, читатели-друзья,
Да будет басенка сия
Посвящена российским... «патриотам»!

ЛОЖКА

Набив пустой живот
Картошкою вареной,
Задумался Федот.
Задумавшись, вздремнул и видит сон мудреный:
Все ожило кругом! Ухват забрался в печь,
Горшки заспорили с заслонкой,
И ложка на столе неслыханную речь

Вдруг повела с солонкой:
«Вот так вся жизнь прошла без радостного
дня.
Дает же бог другим удачу?
А мне... Нелегкая, знать, дернула меня
Родиться ложкою — мужицкой на придачу.
Век сохну за других. Гляди, который день
Федот наш мается, слоняется, как тень?
Жена свалилася, у деток золотуха.
В могилу всех сведет лихая голодуха.
Меж тем что́ делает Федот?
Уж хуже голода каких еще прижимок?
Нет, он последнюю телушку продает
Из-за каких-то недоимок.
Как можно дальше жить — не приложу ума.
Так лучше уж своим терзаниям и мукам
Я положу конец сама!»
Тут, крикнувши: «Прощай, кума!»,
Бедняжка треснулась о пол с великим стуком.
«Постой!.. Разбилася!.. Эхма!»
Федот во сне метнулся,
Но в этот час проснулся
И в ужасе схватился за виски.
От ложки на полу и впрямь лежат куски.
«Фу, дьявол! Это ж что ж? Мне снилось аль не
снилось?
В башке ли малость... прояснилось?
Ох! — застонал Федот от яростной тоски. —
Что ж делать? А? Пойти до одури напиться?
Аль утопиться?»

ОПЕКУН

Такое диво в кои веки:
Совсем на днях сановник некий
Сиротский посетил приют.
«Великолепно! Превосходно!

Ну, прямо рай: тепло, уют...
Детишки — ангелы. А честь как отдают!
И маршируют?»
«Как угодно,—
По отделеньям и повзводно...»
«Быть может, «Славься» пропоют?
Восторг! Божественно! И этому виновник?..»
Смотритель дал ответ: «Я-с и моя жена».
«За все вам русское мерси! — изрек сановник.—
Такая именно нам школа и нужна,
С патриотической основой.
Я очень ваш почин ценю.
Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
А здесь — столовая? Доволен и столовой.
Позвольте мне меню.
Как?! — вдруг вскипел наш гость.— Молочный
суп... Жаркое...
И это... это — в пост!
Черт знает что такое!»
«Ваш-сясь! Питание... Малютки... Хилый рост...
Из бедноты сиротки...
Родные померли все больше от чахотки...
Врачи...»
«Врачи нахально врут!
Не допущу потворства!
С поста не мрут,
А мрут — с обжорства!»

«Ведь этакий вандал!» —
Иной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства — ежедневно!

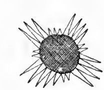

ГАСТРОНОМ

«Как звать тебя?»
    «Памфил Босой».
«Подумать, гастроном какой тут объявился!»
Заводчик так рабочему дивился:
Бедняга-гастроном гнилою колбасой
        Давился.
«Знать, заработки хороши?» —
Хозяин вымолвил ехидно.
«Куда! — вздохнул Памфил.— Гроши!»
«Гроши? Оно и видно.
    Где мастер?»
        «Здесь!»
        «Пиши...
За лишний жир... вот этому вот... графу...
        Целковый штрафу!»

Пожалуй, скажет кто: «Ну, мыслима ль когда,
Хоть и в хозяине, такая подлость, друже?
    Так не бывает!»
        Господа,
Бывает так,— хоть, правда, не всегда:
По большей части — хуже!

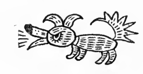
ЛИЦЕДЕИ

Недавно случай был с Барбосом:
  Томила пса жара,
        Так средь двора
        Клевал он носом.
А не заснуть никак! Усевшись на тыну,
        Сорока-стрекотуха
            Мешала сну.
        «Ой, натрещала ухо...

И принесло же сатану!
Чай, больше места нет?.. Послушай-ка, болтуха:
Уж ты б... таё...
Недалеко до лесу...
Летела б ты, ей-богу, к бесу!»
Сорока же — свое:
То сядет, то привскочит,
Слюною глазки мочит,
Псу жалобно стрекочет:
«Голубчик, не озорь!
Ведь у меня, гляди, какая хворь:
Я так измаялась, устала,—
Пить-есть почти что перестала,—
Вся измытарилась и сердцем и душой,
Скорбя о братии меньшой!
И ко всему щеку раздуло... вспухли губы...
Ох, смертушка! Нет сил терпеть зубную боль!»
«Щека и губы... Тьфу! — рычит Барбос.—
Позволь,
Трещотка чертова, кому бы
Врала ты, да не мне.
Где ж видано, в какой стране,—
Уж разве что во сне,—
Чтоб у сороки были... зубы?!»

Урок вам нужен? Вот урок:
Встречаются меж нас нередко лицедеи:
Высокие слова, высокие идеи,—
Нет подвигов, но будут — дайте срок!
Известно urbi et (смотри словарь!) — et orbi:
Их грудь — вместилище святой гражданской
скорби!
На деле ж вся их скорбь — зубная боль сорок!

ПАРИ

«Мавруша!.. Кисанька!..— печально серый кот
Мяукал у ворот.—
О, душегубство! О, злодейство!
Ну, как теперь один я вынянчу котят?
Они ж еще и не глядят!
Пропало все мое семейство!»
«Голубчик Вася, что с тобой?
Да не нужна ль моя услуга?» —
Летит Барбос на голос друга.
«Ох, брат, наказан я судьбой!»
«Как? Говори скорей! Уж я взаправду трушу».
«В трактире... сжарили и съели, брат, Маврушу».
«Кто съел-то?» — взвыл Барбос, попятившись назад.
«Рабочий... то ль мужик... Побился об заклад...
За пять целковых, супостат,
Маврушу слопал.
Всю — с головы и до хвоста!»
«Да что ты? Батюшки! Нет, это неспроста.
Не, не!..» — растерянно глазами пес захлопал.

Читатель, что ни говори,
Тут ясно — дело не в пари.
Раз не осталося от кошки
Ни хвостика, ни ножки,
Наверно, «супостат» денька четыре-три
Пред тем не видел... хлеба крошки.

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать — сорок
Устроили совет.
«Житья нам, братцы, нет».

«Беда. Хоть с мосту в воду».
«Добудемте права!»
«Умремте за свободу!»

. . . .

От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава,
Как первый, кто кричал: «За волю в землю
лягу!»,
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто куда,
Айда!

Зайчиха с заинькой под кустиком сидела.
«Охти мне, без тебя уж стала тосковать.
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорились, что ль, в Совете вы до дела?»
«Договорилися. Решили бунтовать!»

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
Не говоря уж о лисе,
Теперь поди хвосты поджали звери все,—
А больше всех, понятно, волки?!

ВОРЫ

На днях в Михайловском манеже приступят к устройству международной интендантской выставки.

«Вечернее время».

Лихому вору
Все впору.
Накравши где-то чуть не гору
— Короче: добрый воз! —
Хороших, гибких лоз
И наплетя из них корзинок,
Свое изделие привез Корней на рынок.
«Вот где корзиночки! Ну, чем не хороши?! —

Корней товар свой выхваляет.—
Ей-ей, нужда не позволяет,
А то б не променял не то что на гроши,
Ни на какие барыши!
(Сам барыши в уме считает.)
Эй, тетка, не зевай, спеши.
Три гривенки — корзина.
За парочку — полтина!» —
Орет вовсю купчина.
Ан рядом — глядь! Мартын корзины ж продает,—
Да как ведь продает? Задаром отдает:
«Вот где плетушки так плетушки!
Эй, божии старушки,
Молодки-хлопотушки,
Красотки-хохотушки,
Маланья, Акулина!..
Товар — малина!
Берите у Мартына,
За штуку — три алтына,
Молодкам — за пятак,
А ежли что — и так!»
«Мартын, очухайся, скотина! —
Шипит Корней.—
Ты ж это что, злодей,
Рехнулся с полугару,
Объелся ль белены,
Что своему товару
Не ведаешь цены?
Расстаться можно так с последними штанами!
Ведь при моей цене барыш уж не большой,—
А я корзины плел все ж из лозы... чужой...
Из краденой, сказать меж нами».
«Эх,— отвечал Мартын,— чудак же ты, Корней!
На что польстился? На лозинки!
Какой с лозы барыш? Будь наперед умней:
Воруй готовые корзинки!»

———

Вот то-то и оно.
Нет интендантов здесь? Спросить бы заодно.
(Охота просто знать. Мы, право, не задиры.)
Как это там у них: все иль не все равно,
Что воровать: казенное сукно,
Готовые ль казенные мундиры?

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем — все равно —
Водой промочит все зерно».
Приказчик мечется, хлопочет.
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
«Святители! Разор!
Чины небесные, archангелы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!»
То слыша, говорит приказчик Пантелею:
«Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?»
«Молчи, дурак,— умнее будешь! —
Хозяин отвечал сквозь слез.—
Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим,—
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!»

Читатель, за вопрос нескромный извини:
Скажи, ты помнишь ли те дни,
Когда везде толпы народа
Гудели, как шмели
У меда:
«Свобода!»
«Свобода!»
А дела до конца не довели.
На радостях, забыв о старом,
Обмякли перед вольным даром.
Читатель, если ты один из тех шмелей,
Сам на себя пеняй и сам себя жалей,—
А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

«НАТУРАЛИСТ»

«Эх ты, карманчик мой! Расти, голубчик, пухни!» —
Так губернаторский лакей,
Мокей,
Пред всею челядью бахвалился средь кухни.
«Что, ирод? Знать, опять с кого-нибудь содрал?»
«Вестимо!
Чужой целкач у нас не проплывет, брат, мимо.
Как вышло давеча. Проснувшись, генерал:
«Ну, что, брат? — эт-та мне,— в приемной много
люду?»
«Порядком, говорю, набилось отовсюду».
«А ты,— и пальцем так изволил погрозить,—
Карман себе небось успел уж нагрузить?»
«Так точно,— говорю.— Греха таить не буду.
А только доложу: есть и для вас... «сюжет»...»
Тут барин мой, как был без брюк и без манжет,
К дверям-от — шасть, и к щелке — глазом.
«Где, говори скорей?»
«Вон... в шляпке с черным газом».
«Так... Недурна, хе-хе... Еще разок взгляну...»
А сам пустил слюну:
«Венера... истинно Венера...
Глаза потупила... Пикантная манера!
Не удержаться тут святому от греха.
Зачем пришла, Мокей?»
«Просить за жениха,
Что посадили вон намедни... землемера».
«За жениха, хе-хе... Ух, дьявол! Все забудь!
Видал, какая грудь?
Пусть не ломается, шепни, не будет дурой.
Скажи, что, дескать, я... что мы... не как-нибудь:
Облагорожены культурой!
Исполним, дескать, все... Мол, барин — холостяк,
И благодарность вся... пустяк:
Возьмем, хе-хе... натурой!»

1913 г.

За все свои дела волк отвечает шкурой.
Но этот самый вот «натуралист»-подлец
Попал в министры под конец.
И хоть при Керенском и был объявлен вором,

Но как сановникам еще была лафа,
То, вишь ты, для него «не подошла графа»,
И этот аспид был отпущен прокурором.

1918 г.

ОСЛЫ

Не рядовой осел, не пустобай-оратор,
Словам которого, кто хочет, тот перечь,—
Осел сановнейший, делец-администратор
В собрании ослов держал такую речь:
«Друзья! Мы все живем в периоде ослином.
Хотел бы знать я: кто, наш славный род хуля,
Осмелится сказать, что для ослов земля
    Сошлася клином?
Ослы прошли везде, куда ни посмотри.
Ослы теперь — предмет и зависти и злобы.
Кого и чествуют и жалуют цари?
    Кто нынче — первые особы?
Кто — все великие и малые послы?
Кто — все приказные чины и воеводы?
    Все,— если не ослы,
    То близкой к ним породы!
Но... здесь я подхожу к печальнейшему «но»,
Высокородные отцы и патриоты,—
В нем — зло, таящее грядущих бед зерно,
Несчастье, ставшее для нас уже давно
Предметом горестной тревоги и заботы:
Одолевает нас незнатная родня.
Ослы в опасности! Породу их грязня,
Из сел и деревень, улусов и аулов
В их круг втирается тьма лошаков и мулов.
Недостает еще — храни нас бог! — коня.
Отцы! В минувший съезд избрали вы меня,
Чтоб в сферах правящих добыл я повеленье
Об утверждении особых прав и льгот

В ослином поколенье.
Добыл я все. И вот
Моих хлопот
Осуществленье:
На теплые места, на всякий важный пост
Пройдет лишь наш прирост,
Ослы без подмеси, в которых каждый атом
Заверен нашим аттестатом.
И первый суд сейчас произнесете вы.
Вот перед вами строй любезных наших деток».
(Шум. Крики: «Господи!» — «Красавцы!» —
«Прямо львы!»)
«Правофланговый!»
«Гы!»
«Молчи!.. Осел-трехлеток!..
Судите сами».
«Гы!»
«С чего начнем?»
«С хвоста».
«Не хвост, а красота!»
«Как будто слишком длинный?»
«Хвост — истинно ослиный!»
«А уши, уши каковы?»
«Из-за ушей совсем не видно головы!»
«Позвольте, главное совсем и позабыто:
Копыто как?»
«Хоть напоказ,
Вот полюбуйтесь. В самый раз.
Как есть ослиное копыто!»
«Ура!.. Качать мальца!»
«Поставить на овес! —
Вскричали судьи все приятно и согласно,
Как сто немазаных колес.—
Экзамен выдержан прекрасно!»

1913 г.

Хотя в былые дни для знатного осла
Открыты были все карьеры,
А революция ослов порастрясла,—
Однако ж их еще осталось — свыше меры.

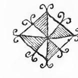
1919 г.

УРОЖАЙ

Как у попа Ипата
Не борода — лопата.
Расправивши ее оплывшею рукой,
Печальных мужиков намедни
В конце обедни
Поп речью потчевал такой:
«Ох, вижу: в помыслах мирских погрязли все вы.
Не богомольцы вы весной.
Все только думки про посевы:
А не побил бы град, а не спалил бы зной.
Почто мятетеся и плачетеся вскую?
Бог видит нашу скорбь и всю нужду людскую,
Казня и милуя нас, грешных, поделом.
Не судьи мы господней воле.
Идите же со мною в поле, —
На всходах отпоем молебен всем селом.
И ущедрит вас бог зерном по вашей вере,
И будет хорошо приходу и попу.
С вас много ль надо мне: с копенки по снопу
Аль с закрома по мере».

Читатель, не мудри и зря не возражай.
Поп линию свою ведет примерно:
Помолится, и будет урожай —
У мужиков? Бог весть! А у попа — наверно.

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
«А ну-ка, миленький, а ну-ка,
Что говорит твоя хваленая наука?»
«Да вот... рассказ про паука».
«Ась? — екнуло у старика. —
Паук?.. Ну, что же он, к примеру?»
«Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.

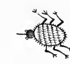
Добро, что нет средь пауков
В рост человечий великанов:
Такой паук бы съел в день дюжину быков
И дюжину баранов».
«Ух! — захлебнулся старичок.—
Ай, божья тварь! Ай, паучок!
Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,
Уж то-то бы... хозяин получился».

КЛОП

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться случайно.
Клоп рад был встрече чрезвычайно;
Панкрат — не слишком рад.
А надо вам сказать: судьба свела их вместе —
Не помню точно — где,
Не то в суде,
Не то в присутственном каком-то важном месте.
Кругом — чины да знать. Нарядная толпа
Изнемогает в кривотолках.
Панкрат и без того сидел как на иголках —
А тут нелегкая несет еще клопа!
Взобравшись ловко по обоям
К Панкрату на рукав, клоп этаким героем
Уселся на руку и шарит хоботком.
От злости наш Панкрат позеленел весь даже:
«Ах, черт, и ты туда же
Кормиться мужиком!»
И со всего размаху
Хлоп дядя по клопу свободною рукой.
Мир праху
И вечный упокой!

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?
А я — ни жив ни мертв. Наморщив потный лоб,
Сижу, ужасною догадкой потрясенный:
Ну что, как этот клоп —
Казенный?

«БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Друзья-товарищи, не знаю, что со мной?
Должно, всему виной
Мои превратные марксистские идеи.
Ведь про хозяев я писал, выходит, ложь.
Поверить мне — и впрямь хозяева все сплошь
Какие-то злодеи.
Винюся и даю вам образец иной.
Пусть торжествует добродетель.
Вот вам «хозяин-благодетель»,
«Отец родной».

«Спасибо,— кланялся хозяин верным слугам,—
Не мастер, братцы, я красиво говорить.
Не знаю, как вас по заслугам
Благодарить.
Я с вами зачинал и с вами создал дело.
Я вам обязан всем добром:
С заводских черных стен до этих вот хором,—
Во всем ваш дух и тело.
В работе общей мы слились в одну семью.
Я нуждам вашим всю, всю душу отдаю
И позабочусь впредь о вашей светлой доле:
За то, что для меня вы не щадили сил,
За то, что были вы всегда в хозяйской воле,
Чтоб чувствовали вы, как я ваш труд ценил,
Дарю вам купчую на пятьдесят могил».

«ОТВЕТ»

Купец должен быть прежде всего гражданином... Когда же придет настоящий день?

Из речи председателя Нижегородской ярмарки Салазкина.

Могу с радостью отметить, что никаких романтических стремлений к свободе *я* в купеческом мире не встретил.

Из интервью с премьер-министром Коковцевым.

Севрюжиной с утра
Подзакусивши плотно,
Отяжелевший Сом глядел на Осетра:
«Х-хам!.. Я... пож-жалуйста... Вас... с-слушаю... ах-хотно».
«Ваш-сясь, живется нам отнюдь не беззаботно,—
Осетр пред Сомом лебезил.—
Пред вами рыбью жизнь уж я изобразил.
Невесела картина в общем.
Но мы, ваш-сясь, не роб... не ропщем.
Вы — нам защита и покров.
Для всех торговых осетров,
Здесь предстоящих,
Я не прошу поблажек вящих.
Я лишь дерзну сказать одно,
Что над моей душой нависло черной глыбой.
Осетр, допреж всего обязан быть я — рыбой!
Ваш-сясь, совсем не так давно,
В больших и малых пресных водах,
До отдаленных самых мест
Прошла молва про манифест
О... кхе! — простуда...— о свободах.
Благословенные слова!
Конец бесправия и муки!
Запуганный пескарь, несчастная плотва
Спокойно могут плыть пред самой пастью щуки!
Изжит, казалось, прежний срам,
Когда дородным осетрам
Случалось кланяться, как пред каким-то князем,
Пред мелюзгой, чиновным язем.

Теперь закон всему глава.
Все одинаково защищены правами.
Ваш-сясь! Великие слова!
Увы! — Поднесь они осталися словами!
Что ж? — приготовившись шмыгнуть за первый пень, —
Вскричал Осетр в каком-то раже. —
Что ж, наконец, ваш-сясь? Скажите нам, когда же
Придет обещанный, давно желанный день?!»
«Х-хам!.. Я польщен... Готов я слушать вас часами, —
Ответил мягко Сом, чуть шевеля усами, —
Так рад я... искренним словам.
Вы говорили так... понятно.
Я от души желаю вам,
Чтоб осетрам жилось... по-прежнему... приятно.
Желаю вам... того... жить и растить детей...
Без романтических затей...
Да, я сторонник сам такого... пониманья...
Стремленьям вашим я не чужд.
Не оставлял я ваших нужд
И не оставлю... без вниманья...
Х-хам!.. За здоровье Осетра —
Ур-ра!»
Мне скажут: «Ай да Сом! Ай удружил ответом!
Да что ж он: спятил аль оглох?!»

Читатель, это уж подвох.
А впрочем, дело ведь не в этом.
«Ответ», по-моему, не плох!

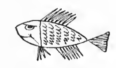
ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняяся без дела
В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.

(«Случайно», говорю, а может — «не случайно»?)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной?
Достойных выбрали. «Все любы вам аль нет?»
«Все любы!» — «Все!» — «Проголосуем».
«Согласны, что и подписуем».
Позвольте! Как же так? Уж утвержден Совет? —
Пищит какой-то вьюн. — Да я ж не подписался!»
«Ты к нам откуда притесался? —
Кричат ерши. —
Не шебарши!»
«Чего — не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы,
Со щукой боремся и мы».
«Вы?!» — «Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способам борьбы».
«Каким?» — «Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью,
Где попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить, —
Зря не казать своих колючек:
Колючки — это уж старо!»

«Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?»
«Есть». — «Без колючек всё?» — «Вестимо».
«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

ЩУКА И ЕРШИ

Директор Путиловского завода, находя, что лекции по страхованию депутата Бадаева и тов. Киселева могут быть *слишком* односторонними, предложил рабочим в качестве беспристрастного *лектора* господина Литвинова-Фалинского.

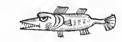
«Правда труда», № 7, 1913 г.

Прослышав стороной,
Что на нее ерши хотят идти войной,
Забеспокоилась, затосковала щука:
«Плохая штука!
Полдюжины ершей — еще туда-сюда,
Но ежли целая колючая орда...
Узнаешь вдосталь муки!»
И вот от щуки
Плывет к ершам послом судак:
«Мол, так и так:
Их Щучья Светлость-де бывали по Европам,
Видали, как живут все рыбы меж собой:
Не плавают ерши там беззаконным скопом,
Чтоб учинять разбой;
От злых случайностей защищены там рыбы
Законом страховым. За ними вслед должны бы
И мы обзавестись страховкою такой!»
Гадала щука: «Эк, ершей поддену ловко!»
Был передан ответ ершами чрез леща:
«Страховка так страховка!
Но мы, ерши, ее устроим сообща,
А не отдельно каждый стайкой:
Страховка нам должна быть новой крепкой спайкой!
Какие ж нам статьи насколько хороши,
Все это разъяснят бывалые ерши».
«Ерши? Зачем ерши?! — скрипит зубами щука.—
Страховка для ершей — мудреная наука:
Не разобравши в ней ни зги,
Пожалуй, повредят еще себе мозги.
Нет, надо им помочь в вопросе разобраться!
Налим, ты у меня насчет ершей мастак.
Смекаешь фокус?» — «Рад стараться!»
Но только сунулся к ершам мастак-налим,

Как тягу дал назад. Ерши гурьбой за ним:
«Вон!.. Вишь, куда метнул: гулять в ряду ершином
Со щучьим-то аршином!»

У щуки сила есть (к чему самообман?):
Опомнившись, она затеет новый план.
Ерши, вам надо ждать великой передряги.
Объединяйтеся, миляги!

ЕПИТИМИЯ

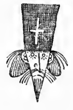
Настоятель М-ской пустыни К-ской области не выдает монахам штанов.

«Современное слово», 1913 г.

Узревши, как под свист, под песни, охи, ахи,
Поднявши рясы до рубахи,
В страстной четверг монахи
Плясали лихо трепака
У кабака,
Накинулся на них отец игумен:
«Псы! Мало путаться вам с бабами у гумен
Да девок зазывать под вечер в пустыри,
Так вы теперь на грех и срам пустились явный?
Любуйся, дескать, люд хороший, православный,
Какие кобели идут в монастыри!
Что ж думаете вы? Что я все так оставлю
И отпущу вам все вины?
Да я вас, вражьи вы сыны,
Год целый каяться заставлю!
Чтоб знали вы, как чтить великий четверток,
И чтобы впредь вы, лоботрясы,
Бесстыдно оголясь, не задирали рясы,
Отныне повелю держать вас... без порток».

Даю не вымысел, а жизни верный сколок.
Хоть дерзкий мой язык обычно груб и колок,
Я о портках пишу без замыслов худых —
Во здравие души и тела молодых
И старых... богомолок.

ДОБРЯК

Какой-то филантроп, увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,
Лежащего средь цветника врастяжку,
Воскликнул: «Жалко мне, дружок, измятых роз,
Но больше жаль тебя, бедняжку.
Скажи, зачем ты здесь?»
«Ах,— отвечал сквозь слез
Малютка голосом, исполненным страданья,—
Я третий день... без пропитанья!..
И здесь я рву...
И ем... траву!»
«Траву? — вскричал добряк, разжалобившись пуще.—
Так обойди же дом и поищи во рву:
Там ты найдешь траву куда погуще!»

СЛЕПОЙ И ФОНАРЬ

Столкнувшись с кем-то в темноте,
«Ой! — взвыл слепой от боли.—
Ну, люди! Прямо скот, ей-богу, на скоте!

Фонарь-то я ношу для развлеченья, что ли?»
«Фонарь? — слепому был ответ. —
Но где ж фонарь? Его и нет.
Ан есть! Но кто ж его приметит:
Ведь ты не видишь сам, что твой фонарь —
не светит!»

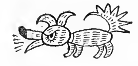

Я басню разъяснять не стану. Дело в том,
Что в восемь строк она вместилась вся удобно, —
А ежли смысл ее растолковать подробно,
Напишешь целый том!

КУПИДОША

«Друг, Купидошечка! — любезничал с утра
С ищейкой унтер Пришибеев. —
И как же ловко ты вчера
Разнюхал сходочку вот этих вот... злодеев!
Спасибо! Поддержал!
За расторопность — на... съешь шоколадцу плитку!»
Пес беспокоился, чего-то все визжал
И носом тыкался в калитку.
«Так... понимаем, брат: к собачкам погулять?
Ну, неча хвостиком вилять!
Айда! Да не сгрызись, гляди, со сворой злою!»
Помчался Купидон на улицу стрелою,
А через часика примерно через два
Едва-едва
Назад волочит ноги.
«Ой, батюшки. Хорошие итоги!»
У Пришибеева остыло все в груди:
«Иди сюда, иди.
Скажи, как дело было?
Вишь: хвост повис уныло,
И слезы льют из глаз...
Ужли отказ?!
Пренебрегли такой особой!
К ищейке, стало быть, прониклись лютой злобой?

Вот так-то и со мной бывает всякий раз,
И никакой тебе приятности житейской!
    Облают — слова не скажи.
    Вот после этого служи
На службе полицейской!»

ЗАКОННИКИ

Микола Тюрин поутру
    Чинил дыру.
    В прогнившей крыше
И только что, взобравшись выше,
Сесть на конек хотел верхом,
Как поскользнулся ненароком
И, вниз свалившись кувырком,
    О частокол огрелся боком.
На крик народу собралось.
Жена исходит в диком вое:
    «Ды на ко-го ж...»
                                        «Не вой ты... брось!»
«Эх, братцы, горе-то какое!»
«Гляди: прошло колом наскрозь!»

Придя в себя, бедняк Микола
Взмолился горько: «Братцы... ой!..
Сымите... братцы... с частокола!..»
«Чичас приедя становой,—
Уж потерпи, голубчик, малость!»
«Уж потерпи!»
                                «Ой... братцы... ой!..»
«Чичас приедя... Эка жалость!..»
«Ды на ко-го ж ты нас...»
                                        «Постой!
Тьфу, Груша, ты-то хоть не вой!»
«Ды на ко-го ж...»
                                    «Ой... братцы... ой!..»
«Чичас приедя!.. Слышь, Микола?

Никак нельзя без протокола!»
«Уж потерпи!»
Мужик терпел...
Терпел... Под вечер захрипел,
Уставил мутный взор на Грушу,
Икнул... и отдал богу душу!

МОКЕЕВ ДАР

(Быль)

Случилася беда: сгорело полсела.
Несчастной голытьбе в нужде ее великой
От бедности своей посильною толикой
Своя же братья помогла.
Всему селу на удивленье
Туз, лавочник Мокей, придя в правленье,
«На дело доброе, вздохнул, мы, значит, тож...
Чего охотней!..»
И раскошелился полсотней.
А в лавке стал потом чинить дневной грабеж.
«Пожар пожаром,
А я весь свет кормить, чай, не обязан даром!»
«Так вот ты, пес, каков!»
Обида горькая взяла тут мужиков.
И, как ни тяжело им было в эту пору,
Они, собравши гору
Последних медяков
И отсчитав полсотни аккуратно,
Мокею дар несут обратно:
«На, подавись, злодей!»
«Чего давиться-то? — осклабился Мокей,
Прибравши медяки к рукам с довольной миной.—
Чужие денежки вернуть не мудрено,—
А той догадки нет, чтоб, значит, заодно
Внесть и процентики за месяц... руп с полтиной!»

В ЦЕРКВИ

Сысой Сысоич, туз-лабазник,
Боясь упустить из рук барыш большой,
Перед иконою престольной в светлый праздник
Скорбел душой:
«Услышь мя, господи! — с сияющей иконы
Сысоич не сводил умильно-влажных глаз.—
Пусть наживает там, кто хочет, миллионы,
А для меня барыш в сто тысяч... в самый раз...
Всю жизнь свою потом я стал бы... по закону...»
Сысоич глянул вбок,— ан, возле богача
Бедняк портной, Аким Перфильев, на икону
Тож зенки выпялил, молитвенно шепча:
«Пошли мне, господи, в заказчиках удачу...
Последние достатки трачу...
Чтоб обернуться мне с детишками, с женой,
С меня довольно четвертной...»
Купчина к бедняку прижался тут вплотную,
От злости став белей стены:
«Слышь? Лучше замолчи!.. На, сволочь, четвертную
И не сбивай мне зря цены!»

Басни Эзопа

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись — Медведь с Китом,
И так сдружились крепко оба,
Что, заключив союз до гроба,
Друг другу поклялися в том,
Что каждый помогать другому будет в горе,
Ну, скажем там, болезнь случится иль война...
Вот, как на грех, пришлося вскоре
Нарваться Мише на Слона.

Увидевши, что близко море,
Стал Миша друга звать скорей:
«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»
Кит в берег тычется,— увы, царю морей
Не выбраться на сушу!
Медведь Кита корит:
«Изменник! Продал душу!»
«Кому? — ответил Кит.— И в чем моя вина?
Вини мою природу!
Я помогу тебе, как только ты Слона
Швырнуть сумеешь в воду!»
«Дурак! — взревел Медведь.— Не знал бы я беды,
Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг,— выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил,—
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

———

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
«Грабеж! Разбой! —
Волк поднял вой.—
Так вот какой ты есть защитник угнетенных!
Так вот изнанка какова
Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
Я не боясь скажу, что он
Из беззаконников — первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый
гнев!..»
«Брось! — усмехнулся Лев.—
Все это без тебя мне хорошо известно,
Как не в секрет и волчий нрав.
В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

ОСЕЛ И ЛЕВ

«Друзей мы ценим не числом,
А качеством»,— читал я где-то,
Ан вот подите же: Лев дружбу свел с Ослом.
Ну, что вы скажете на это?
Лев! С кем? С Ослом? Да почему?
А потому!
Мне ж все подробно знать откуда?
Должно быть, царская причуда!
Льву... Все дозволено ему!
Ослов ли брать к себе на службу
Иль заводить с ослами дружбу.
Хоть, впрочем, нет большой диковинки и в том,
Что просто Лев с тоски, чтоб отогнать зевоту,

Решил обзавестись не другом, а шутом.
Так это аль не так, мы выясним потом.

Однажды взяв Осла с собою на охоту,
Лев дал ему работу:
Зайдя вперед, пугать зверей, чтоб, ошалев,
Они неслись туда, где притаился Лев.
Осел в усердии великом
Всех всполошил ослиным криком.
Добычи вдосталь было Льву.
В час отдыха, со Львом разлегшись важно рядом,
«Что, друг,— спросил Осел,— а страшно я реву?»
Окинув «друга» хитрым взглядом,
Лев отвечал:
«Беда как страшно! Я — оглох!
Не только ты переполох
На всех зверей навел немалый,
Но в страхе жители бегут из ближних сел;
Да сам я струсил бы, пожалуй,
Когда б не знал, что ты — осел!»

ДОБРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:
«Ты, кумушка, не думай,
Что я всегда такой угрюмый:
Злость на меня находит полосой,
А вообще, сказать не лицемеря,
Добрей меня не сыщешь зверя.
Спроси хоть у людей: ем мертвых я аль нет?»
«Ах, кум,— Лиса в ответ,—
Что мертвые?! Я думаю другое:
Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
Когда бы мертвецов ты менее щадил,
Но... оставлял живых в покое!»

Смысл этой басенки не нов
Для лицемеров и лгунов:
Прочтут, поймут... и не покажут вида,
Что их касается обида!

МИР

Тигр с Барсом встретился однажды у ручья.
Была ль вина — и чья,
Старинная ли тут сказалась злоба,
Не знаю,— только оба
Вступили сразу меж собой
В жестокий бой.
К концу уставши так, что лапою не двинуть,
Остановились — дух немного перевесть,
Ан, смотрят: воронья кругом не то — не счесть,
А глазом не окинуть!
Горланит черный стан, кружит над головой,
Заране радуясь добыче даровой.
То видя, хоть у них давно прошла усталость,
Бойцы, и поостыв и образумясь малость,
Речь повели о мировой.

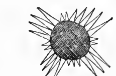
———

Я басню раскопал у старика Эзопа.
Мораль, которую жевали «до потопа»,
Теперь, того гляди, применишь невпопад.
Все ж повторю ее — без лишних междометий:
Там, где двумя нарушен добрый лад,
Разладу рад,
Конечно, третий.
И в басне дан пример наглядный и живой,
Как важно вовремя сойтись на мировой.

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
В ненашем государстве,
За тридевять земель
Отсель,
Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
Случилось что-то вроде смуты.
«Разбой! — кричали все.— Грабеж!»
Шли всюду суды-пересуды:
Порядки, дескать, в царстве худы,
Насилья много от вельмож!
Одначе
Хоть бунтовали все, но в общей суете
Верх брали те,
Кто посильней да побогаче:
«Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
Царь нас рассудит в лучшем виде».
Но то ли сам дошел, то ль, расхрабрясь от слов
Вельможи главного, злодея Протоплута,
Не допустил к себе послов
Мудрейший царь Тофута:
«Нелепо,— молвил он,— мне слушать их, зане́
Все, что известно им, известно также мне,
А ежли что мне неизвестно,
О том им толковать подавно неуместно!»
Но черный люд не сдал: боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не запомнят старожилы».
Пошел в народе разговор:
«Попали мы впросак!»
«Того ль душа хотела?»
«Эх, не доделали мы дела!»
«От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
Потолковали,
Погоревали

И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!
Я в этом царстве жил недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте
И с применением каких геройских мер,
Вы этого всего нагляднейший пример
В *Коммунистическом* найдете *манифесте*.

ПСОЙ

Псой — оборотистый мужик,
Когда-то лавочник был местный.
Теперь он просто ростовщик
И плут известный.
Путь у него к наживе прост:
Паук пускал деньжатки в рост.
Росли деньжатки помаленьку.
Опутал мироед родную деревеньку,
Потом — соседнюю, потом —
Округа целая ограблена плутом!
Люд бедный стоном стонет,
А Псой в довольстве тонет:
С спокойной совестью и без больших хлопот
Переливает знай в рубли народный пот.
Там урожай хорош ли, плох ли,
А Псою то и это впрок:
Содрав положенный оброк,
Псой крестится: «Не я б, так все б кругом
подохли!»
Но под конец он так прижал всю бедноту,
Что стало ей невмоготу;
Ввалилися к нему голодные солдатки:
«Ты, дьяволов ты сын, съел наши все достатки!
Нет на тебя, на пса поганого, ружья!

Вот погоди ужо, придут с войны мужья!»
Вцепиться в бороду готовы бабы Псою.
Псой перед бабами — лисою:
«Спасибо, милые, за добрые слова.
Вот благодарность мне, я вижу, какова.
Такого ли от вас я чаял воздаянья
За все мои благодеянья?
Мужьями мне грозить? — Не страшно. Я не трус.
Придут — там будет видно,
Мне, главное, обидно,
За что вы на меня?» — Наговорив турус,
Псой выпроводил баб и в первую же ночку,
С собою прихватив сундук, жену и дочку,
Удрал,— куда? — бог весть.
Сумел следы заместь.

В собрание одно на днях попав случайно,
Был удивлен я чрезвычайно.
Псой объявился тут. Растрепанный и злой,
Кричит: «Долой! долой!»
Бранит большевиков и чем-то их стращает,
Эсеров очень восхищает.
Интеллигентики от Псоя без ума:
Вот, дескать, мудрость где народная сама!
А то скрывают, крохоборы,
Что мироед у них пришел искать опоры!

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь.—
Молодняком помещик любовался.—
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?

В острастку мужикам... на случай своеволья!»
«М-да! — Филька промычал, скосивши вбок глаза.—
М-да... розги — первый сорт...
Молоднячок... Лоза!..
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

Какой же басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли да шли,— и молодняк подрос.

БОГОМОЛКА

Монаси — чины ангельскии.

У лавры Троицкой, в слободке,
Монах повадился ходить к одной молодке.
Муж со двора, монах во двор.
Зачем? Нескромный разговор.
Одначе как-то муж все шашни обнаружил
И, сцапав в добрый час духовного отца,
Уж так-то, так его утюжил:
С того и с этого конца!
То видя, всплакалась соседка-богомолка:
«Стой, стой, безбожник! Стой! С ума сошел, Миколка!
Не тронь священного лица!»
«Так я ж накрыл его с женою, шельмеца!»
«Накрыл его с женой... Подумаешь — причина!
Да ты б еще ценил, что, может, через год
Вдруг женка даст тебе приплод,—
И от кого приплод, пойми ты, дурачина:
От ангельского чина!

Вот с богомолкою подобной и толкуй.
Не дай господь такой обзавестись хозяйкой!
Заладит, что ни день, «*Исаия ликуй!*»
С монахом снюхавшись, с Исайкой!

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

У батюшки Ипата
Водилися деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолил себе монет!
Однако же, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
«Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
Решив добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночку потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
«Сей ларь — с Христовым телом».
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: *«Несть божьих здесь телес!*
Христос воскрес!»

Что пономарь был плут, я соглашусь, не споря,
Плут обманул плута — так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

КРЕЩЕНИЕ

Дьячок Кирилл да поп Ипат
У старенькой купели
Под писк ребят
Козлами пели.
Кто про детей, а батя — про отцов:

«Ужотко проучу я этих подлецов:
Довольно мне они, злодеи, насолили!
Церковный сенокос и поле поделили,
На требы таксу завели...
Приходится сидеть как раку на мели:
Нет ни почету, ни доходу!»
С перекосившимся от злой усмешки ртом
Поп ребятишек в воду
Стал погружать гуртом:
«Во имя... отца... и сына... и святого духа...
Крещаются младенцы: *Голиндуха...*
Евпл... Хуздазад... Турвон...
Лупп... Кирса... Сакердон...
Ексакостудиан... Проскудия... Коздоя...»
Чрез полчаса
В деревне шум стоял от ругани и воя.
Ермил накинулся на кума, на Сысоя:
«Кого же ты носил крестить: дитё аль пса?
Как допустил его назвать ты... Сакердоном?»
В другом конце сцепился Клим с Антоном:
«Как, ты сказал, зовут мальца?»
На куме не было лица.
«Эк... сам...— уставился бедняк убитым взглядом
На разъяренного отца.—
Как бишь его... Кума с попом стояла рядом...
Эк... сам...»
«Что сам? Крестил аль что? Ты, леший, пьян!»
«Я? Пьян? Ни боже мой!» — Кум жалко усмехнулся.—
А крестничка зовут: Эк... сам... кустом... Демьян!»
«Сам под кустом Демьян?! Ах, братцы!
Он рехнулся!»
Пров кума своего на все лады честил:
«Ты ж где, подлец,— в лесу дитё мне окрестил
Аль у соседского овина?
Как, повтори, зовут мальца?»
«Ху... Хуздазад!»
«Что? Сам ты Хуздазад! Вон со двора, скотина!
Неси дитё назад!»
«Ай! — Кузькина жена в постели горько билась.—
Какого Евпла мне, кума, ты принесла?
Евпл!.. Лихоманка б вас до смерти затрясла!»
У Сурина Наума

За Голиндуху так благодарили кума,
Что, не сбежись народ на шум,
Крестины век бы помнил кум.

———

«При чем тут кумовья? Опричь попа Ипата,—
Мне скажут,— ни одна душа не виновата».
Пожалуй, что и так. Хоть есть слушок, что поп,
Из кумовей попав кому-то под ослоп,
Ссылаться пробовал на святцы,
Но... я при этом не был, братцы!

СОБОРОВАНИЕ

Кулак Ермил Ермилыч занемог,
Лежит, не чувствуя совсем ни рук, ни ног,
Хрипит, глазами дико водит,
«Ой, стонет, смерть моя... Ой, ой, конец
приходит!»
В избе переполох.
Семейство все вокруг болящего хлопочет.
Послали за попом: Ермил-де очень плох —
Собороваться хочет.
Явился поп. За плату в пять овчин
Над умирающим отбрякал скорбный чин.
Отбрякал честью, по канону,
Потом, усаженный за стол, распялил пасть
И так нажрался самогону,
Что прямо страсть!
Забывши, что в углу под Спасом
Хозяин при смерти, стал батя диким гласом
Такие песенки похабные орать
И по избе ходить таким задорным плясом,
Что у хозяина тем часом
Пропала всякая охота помирать;
Весь распалившися от батиной забавки:

«Ай, батя! — завопил Ермил, махнувши
с лавки, —
Ай, батя! Ты ж прямой Целитель Пантелей!
А ну-кося и мне стакашечку налей!»

НА ЧТО ПОКОЙНИКУ САПОГИ?

Случай в деревне Югостицы Смоленской губ.

Мужик Исай Слепых, уже давно больной,
Жить приказал на Фоминой.
Покой ему, бедняге, вечный.
Вдова к попу — насчет убогих похорон.
А к слову, поп, отец Мирон,
Был, не в пример другим, на редкость поп
сердечный.
Узнав от плачущей вдовы,
Что нечем будет ей платить за похороны,
Он молвил: «Не у всех в кубышках миллионы.
Сам знаю я, твои достатки каковы,
Да, много горестей узнаешь ты, вдовея...
А что до платы мне... так дело не в деньгах...
Покойный твой Исай, мне помнится, говея,
У исповеди... кхе!.. был в новых сапогах».

На следующий день несли в гробу Исая.
Поп, на ноги свои украдкой взгляд бросая,
(Ух, черт, и сапоги ж!) гнусил, распялив рот.
А сзади по снегу с гурьбой босых сирот
Исаева вдова плелась босая.

В МОНАСТЫРЕ

Поползень втихомолочку
нашел себе богомолочку.

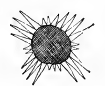
Народная пословица.

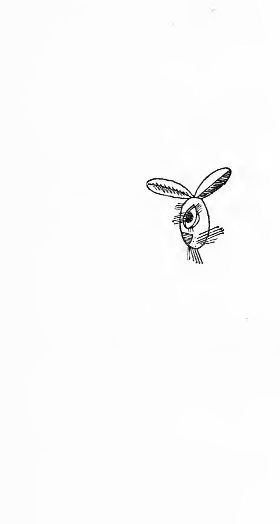
«Здесь, — богомолке так шептал монах смиренный, —
Вот здесь под стеклышком, внутри сего ларца,
Хранится волосок нетленный, —
Не знаю в точности — с главы, или с лица,
Или еще откуда —
Нетленный волосок святого Пуда.
Не всякому дано узреть сей волосок,
Но лишь тому, чья мысль чиста, чей дух высок,
Чье сердце от страстей губительных свободно
И чье моление к святителю доходно».
Умильно слушая румяного отца,
Мавруша пялила глаза на дно ларца.
«Ах, — вся зардевшись от смущенья,
Она взмолилась под конец, —
Нет от святителя грехам моим прощенья:
Не вижу волоска, святой отец!»
Отец, молодушку к себе зазвавши в келью
И угостив ее чаишком с карамелью
И кисло-сладеньким винцом,
Утешил ласковым словцом:
«Ужотко заходи еще... я не обижу.
А что до волоска — по совести скажу:
В ларец я этот сам уж двадцать лет гляжу
И ровно двадцать лет в нем ни черта не вижу!»

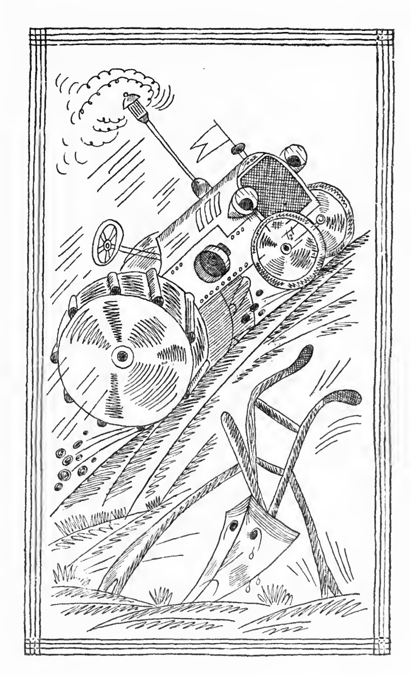
ВРАГА ПОЩАДИТЬ — В БЕДУ УГОДИТЬ

В пастуший, в золотой, как говорится, век
Жил-был пастух, добрейший человек.
По доброте своей безмерной,
Когда в степи он стадо пас,
Он даже как-то волка спас
От смерти верной;
Надежным псам, точней сказать,
Он не дал волка растерзать.
«Острастку сделали, — сказал он, — и прекрасно!»
Волк, дескать, тоже божья тварь
(Пословица была такая встарь!),
Так что ж губить его напрасно?
Он волка пожалел. Но не прошло трех дней,
Как вышла пастуху за доброту награда:
Волк выбрал ночку потемней
И вырезал у пастуха полстада.
Пастух, конечно, был классический дурак,
Мы скажем так,
Судя по скорбным результатам.
Фашистским прихвостням и всем их адвокатам
Из басни вывод мы подносим, он таков:
Уничтожение волков
Должно законом быть в обычае пастушьем,
Известны мы своим радушьем,
Но скажем господам иным за рубежом:
Врага, что сердце нам хотел пронзить ножом,
Не склонны мы дивить своим великодушьем.
Мы перед родиной ответственны во всем
И пред потомками. Пусть знают «адвокаты»,
Фашизму не избыть расплаты,
Ему мы голову снесем!

ИВАН
БАТРАК

СОХА И ТРАКТОР

«Фордзоша, миленький!
Возьми меня с собой!» —
Махая дряхлою рукой,
Соха скрипела вслед,
Когда детина-трактор
Зарею раннею
Спешил на поле трактом.
«Куда ты, старая?
Пора уж на покой!»
«И что ты, родненький!
Аль я уж не пригодна?
Весь век не знала я гульбы.
И то сказать —
Не ради похвальбы:
Всегда пахала превосходно.
Ведь, почитай, во мне
Начало всех начал».
«Ну, быть по-твоему!» —
Ей трактор отвечал.

Вот к месту прибыли.
Впилися в землю плуги,
Соха за ними тож в поход.

Трах-та-ра-рах! —
На всех парах
Мой трактор запыхтел с натуги,
Прибавил ход
И прет: канава, холм отлогий —
Все для него открытый путь.
Соха же как-нибудь
Подпрыгивает вслед
Старушкой хромоногой
И роет, как свинья,
Кривую борозду,
Но глубоко забрать не может.
Соху досада гложет:
«Ужели осрамлюсь?!»
И вот на всем ходу
Поглубже чуточку
Забрала лемехами,
Но, не угнавшись за плугами,
Соха вдруг крякнула
И начала кружить,
Взмахнула обжами-руками —
И «приказала долго жить».

НАХЛЕБНИКИ

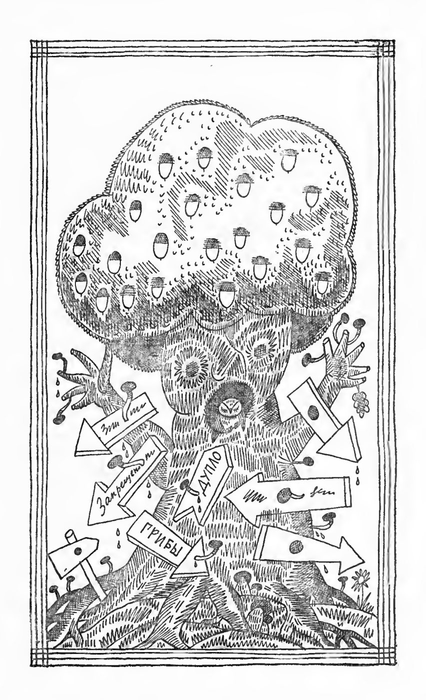
Барс получил
По службе повышенье
(Назначен был
Сатрапом дальних скал —
Он почести
Усердием снискал).
Так вслед, по приглашенью,
Родные бросивши леса,
За барсом двинулись
Гиена, волк, лиса.

«Куда ж ты, кумушка Анфиса? —
Заметив то,
Лису спросила крыса.—
Я понимаю — барс...
А ты-то здесь при чем?»
«Известно, милая:
К нему секретарем!»
«А ты, бирюк,
Тож, видно, за друзьями?»
«Угу, к нему управделами!»
И крысу пуще взял задор:
«Гиена, ты каким же дивом?»
«А я заведовать архивом!»
«Друзья! Ну что за вздор!
Да вы же — круглые невежды!
А честность... Ох, плохи надежды!..»
«Брось, крысонька! —
Тут барс вмешался в разговор.—
Все это — пустяки.
Здесь вовсе нет потери.
Зато какие молодцы,
Где надо услужить
Или укрыть концы,
И все они к тому же...
Звери».

Самуил
Маршак

ДУПЛО
ГРИБЫ

О ГВОЗДЯХ

Стремясь порядку научить людей,
Хранитель парка не жалел гвоздей:
В могучий ствол дубовый
Забил он гвоздь пятидюймовый.
А в старый бук
Вогнал гвоздей огромных двадцать штук,
Чтоб вывесить такие объявленья:
«Оберегайте лесонасажденья!»,
«Не рвать цветов!», «Запрещено курить!»,
«Не мять газонов!», «В парке не сорить!»,
«Нельзя плевать!» и «Дорогие детки!
Не обрывайте у деревьев ветки!..»

На всех стволах, куда ни кинешь взгляд,
Таблички аккуратные висят.
Взгляните на каштан или на бук вы,—
С каким искусством выведены буквы:
«Налево — душ!», «Направо — тир и клуб»...
Когда бы говорить умел ветвистый дуб,
Столетний дуб с табличкой: «Детский сектор»,
Он заявил бы: «Милый мой директор,
Порой друзья страшнее, чем враги.
Ты от себя меня обереги!»

Мы с вами книги детские видали,
Пробитые гвоздем морали.
От этих дидактических гвоздей
Нередко сохнут книжки для детей...

Мораль нужна, но прибивать не надо
Ее гвоздем к живым деревьям сада,
К живым страницам детских повестей.
Мораль нужна. Но — никаких гвоздей!

НОВАЯ БАСНЯ ПРО СТАРОГО ЛЖЕЦА

...И к былям небылиц без счету
прилыгал.
И. А. Крылов, «Лжец».

Фон Роммель, старый лжец,
Который некогда грозился взять Суэц,
С корреспондентами гуляя в чистом поле,
Рассказывал про европейский вал
И к былям небылиц без счету прилыгал.

«Вы видите, друзья, цветут здесь каприфоли,
Ромашки, ландыши, и тмин, и бальзамин,
А под корнями их — два миллиарда мин!
Смотрите, на лугу траву жует корова.
Даю вам слово,
Что минами она у нас начинена
И, если ток включить, взрывается она.
Мы всё минируем — от хлева до овина.
Вот немка к нам идет. «Как ваше имя?»
«Минна».
Услышав сей ответ, пугливый журналист
От Минны бросился бежать, дрожа как лист,
И больше к Роммелю не ходит для беседы,
Боясь коровьих мин и женщины-торпеды...

У басенки моей простейшая мораль:
Границы должен знать и самый пылкий враль.

Пускай припомнит он один закон старинный, —
Что при плохой игре не помогают мины!

БАСЕНКА О ВАСЕНЬКЕ

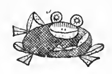
В одной из школ
Есть у меня знакомый мальчик Вася.
Два года он учился в первом классе
И во второй с натяжкой перешел.

Вот осенью явился в первый раз
К дверям второго класса наш Василий.
А двое новичков его спросили:
«Не можешь ли сказать, где первый класс?»

«Не помню! — отвечал с презреньем Вася. —
Давно я не бываю в первом классе!..»

Читатель, если новый чин у вас,
Не надо забывать свой прежний класс!

БАРАБАН И ТРУБА

Жил-был на свете барабан
Пустой, но очень громкий.
И говорит пустой буян
Трубе — своей знакомке:

«Тебе, голубушка труба,
Досталась легкая судьба.
В тебя трубач твой дует,
Как будто бы целует.

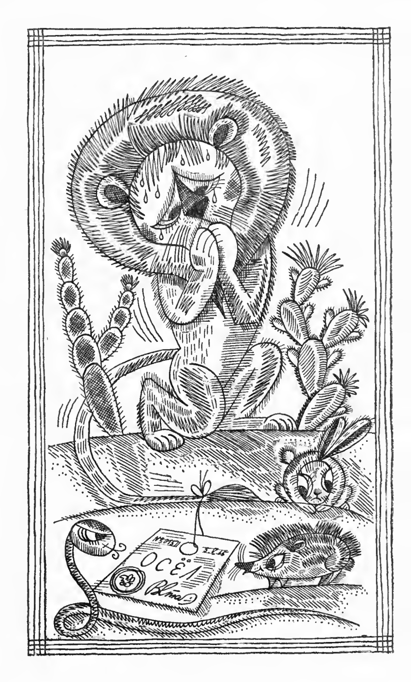
А мне покоя не дает
Мой барабанщик рьяный,
Он больно палочками бьет
По коже барабанной».

«Да, — говорит ему труба, —
У нас различная судьба,
Хотя идем мы рядом
С тобой перед отрядом.

Себя ты должен, баловник,
Бранить за жребий жалкий.
Все дело в том, что ты привык
Работать из-под палки!»

СЕРГЕЙ
МИХАЛКОВ

ОСЁЛ

ЛЕВ И ЯРЛЫК

Проснулся Лев и в гневе стал метаться,
Нарушил тишину свирепый, грозный рык —
Какой-то зверь решил над Львом поиздеваться:
На львиный хвост он прицепил ярлык.
Написано: «Осел», есть номер с дробью, дата,
И круглая печать, и рядом подпись чья-то...
Лев вышел из себя: как быть? С чего начать?
Сорвать ярлык с хвоста?! А номер?! А печать?!
Еще придется отвечать!
Решив от ярлыка избавиться законно,
На сборище зверей сердитый Лев пришел.
«Я Лев или не Лев?» — спросил он раздраженно.
«Фактически вы Лев! — Шакал сказал резонно. —
Но юридически, мы видим, вы Осел!»
«Какой же я Осел, когда не ем я сена?!
Я Лев или не Лев? Спросите Кенгуру!»
«Да! — Кенгуру в ответ.— В вас внешне,
несомненно,
Есть что-то львиное, а что — не разберу!..»
«Осел! Что ж ты молчишь?! — Лев прорычал
в смятенье. —
Похож ли я на тех, кто спать уходят в хлев?!»
Осел задумался и высказал сужденье:

«Еще ты не Осел, но ты уже не Лев!..»
Напрасно Лев просил и унижался,
От Волка требовал, Шакалу объяснял.
Он без сочувствия, конечно, не остался,
Но ярлыка никто с него не снял.
Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу,
То этим, то другим стал уступать дорогу,
И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось ослиное: «И-аа!»

Мораль у басни такова:
Иной ярлык сильнее Льва!

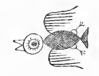
ДАЛЬНОВИДНАЯ СОРОКА

Изнемогая от тяжелых ран,
К своим трущобам отступал Кабан.
В чужие вторгся он владенья,
Но был разбойнику отпор достойный дан,
Как поднялось лесное населенье...
Сороке довелось в ту пору пролетать
Над полем боевых событий.
И — кто бы ожидал такой сорочьей прыти! —
Сорока, сев на ель, вдруг стала стрекотать:
«Так, так его! Так, так! Гоните Кабана!
Мне с дерева видней — он не уйдет далеко!
Я помогу, коль помощь вам нужна.
А вы еще разок ему поддайте сбоку!»
«Дивлюсь я на тебя. Ты только прилетела,—
Сказал Сороке Воробей,—
А трескотней своей, ей-ей,
Всем надоесть уже успела!»
«Скажи, мой свет! —
Сорока Воробью в ответ,—
Что толку, если б я молчала?

А тут придет конец войне —
Глядишь, и вспомнят обо мне
Да скажут где-нибудь: «Сорока воевала!..»

Сороке выдали медаль.
А жаль!

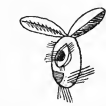
ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

В день именин, а может быть рожденья,
Был Заяц приглашен к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Пшли домой!» — «Да ты найдешь ли дом? —
Спросил радушный Еж.—
Поди как ты хорош!
Уж лег бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадешь:
Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Зайца убеждать? Зайчишка захмелел.
«Да что мне Лев! — кричит.— Да мне ль его бояться?
Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!
Да я семь шкур с него спущу!
И голым в Африку пущу!..»
Покинув шумный дом, шатаясь меж стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу темной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почище Львов,
От них и то летели клочья!..»
Проснулся Лев, услышав пьяный крик,—
Наш Заяц в этот миг сквозь чащу пробирался.

Лев цап его за воротник!
«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?
Постой, да ты, я вижу, пьян —
Какой-то дряни нализался!»
Весь хмель из головы у Зайца вышел вон!
Стал от беды искать спасенья он:
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но все за Вас!
За Ваших Львят! За Вашу Львицу! —
Ну, как тут было не напиться?!»
И, когти подобрав, Лев отпустил Косого.
Спасен был хвастунишка наш.

Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного,
Но обожал... подхалимаж.

БЕЗ ВИНЫ ПОСТРАДАВШИЕ

Прослушать певчих птиц однажды пригласили
Начальство — Льва. (Лев был в чинах и в силе,
И перед ним, дыханье затая,
На задних лапках многие ходили.)
Лев прибыл на концерт. На сцену попросили
Певцов: Скворца и Соловья.
Перед лицом таким, робея от волненья,
Чуть арию свою не позабыл Скворец,
Но под конец
Так разошелся молодец,
Такое на него напало вдохновенье,
Что диву бы дался любой ценитель пенья.

Какой солист!
То вдруг защелкает, то перейдет на свист,
То иволгой кричит, то кенарем зальется,
Кудахчет курицей, как человек смеется,
И выходкам веселым нет конца!
Но тут заметили, что, слушая Скворца,
Ни разу Лев не улыбнулся,
Напротив — даже отвернулся!
Вот Соловья черед. Лев морщится опять!
Что это значит? Как понять?..
Ему на месте не сидится,
Он хочет встать!
Его с трудом удерживает Львица...
А Соловей?.. Как сладко он поет!
Какие он верха берет!
Но, гривою тряхнув, Лев с места вдруг встает
И, не дослушав песни соловьиной,
Уходит со своею половиной...
Лиса уж тут как тут: «Певцы тому причиной!
Кто их назвал «солистами лесов»?
Ни дикции, ни голосов!
На Льва все время я смотрела —
Он возмущался то и дело!
Скандал! Позор!»
И отдан был приказ: «Певцов направить в хор!
Заставить наново учиться!»
Но как же так могло случиться?
Лев к пенью вкус имел
(Он даже сам немного пел,
И, говорят, довольно мило),
Послушать мастеров ему приятно было.
Чего ж он морщился?.. Он лишнего поел,
И тут как раз ему живот схватило!..
А бедные певцы, которых сдали в хор,
Когда бы не Орел, там пели б до сих пор!

Я басню написал тем людям в назиданье,
Что вкруг начальства вьются без конца,
Готовые уже за указанье
Считать обычное чиханье
Вышестоящего лица.

МЕДВЕЖИЙ МЕД

Одно Лицо, по чину должностное,
Не будем уточнять, откуда и какое,
К начальству строгому решив подъехать тонко,
Преподнесло ему в подарок... медвежонка!
Начальство приняло живого Мишку в дар,
Живой медведь не взятка, не товар!
Детишкам разве развлеченье...
Вот прибыл Мишка наш по месту назначенья,
В саду посажен у ворот...
Недели не прошло, как Мишке в угощенье
Бочонок меду с нарочным идет!
Какое тут уж может быть сомненье,
Раз так и сказано: «При сем — медведю мед!»
И облизнуться не успели,
Второй бочонок тут как тут!
Второй доели —
Третий ждут,
А там четвертый для порядка!..
Шлют Мишке мед, а Мишеньке не сладко:
Ввалилися бока, угас веселый взор.
Чего греха таить, что за житье у Мишки!
Он сыт не каждый день.
Добро хоть ребятишки
Нет-нет да что-нибудь швырнут через забор:
Кто — белый гриб, кто — спелый помидор.

Дельцам и взяточникам туго —
Их не щадят народные суды.
Так вот они, чтоб подкормить друг друга,
Изобретают новые ходы!

НЕПЬЮЩИЙ ВОРОБЕЙ

Случилось это
Во время птичьего банкета:
Заметил Дятел-тамада,
Когда бокалы гости поднимали,
Что у Воробушки в бокале —
Вода! Фруктовая вода!!
Подняли гости шум, все возмущаться стали,
«Штрафной» налили Воробью.
А он твердит свое: «Не пью! Не пью! Не пью!»
«Не поддержать друзей? Уж я на что больная,—
Вопит Сова,— а все же пью до дна я!»
«Где ж это видано, не выпить за леса
И за родные небеса?!» —
Со всех сторон стола несутся голоса.
Что делать? Воробей приклювил полбокала.
«Нет! Нет! — ему кричат.— Не выйдет! Мало!
Мало!
Раз взялся пить, так пей уже до дна!
А ну налить ему еще бокал вина!»
Наш скромный трезвенник недолго
продержался —
Все разошлись, он под столом остался...
С тех пор прошло немало лет,
Но Воробью теперь нигде проходу нет,
И где бы он ни появился,
Везде ему глядят и шепчут вслед.
«Ах, как он пьет!», «Ах, как он разложился!»,
«Вы слышали? На днях опять напился!»,
«Вы знаете? Бросает он семью!»
Напрасно Воробей кричит: «Не пью-ю!
Не пью-ю-ю!!»

Иной, бывает, промахнется
(Бедняга сам тому не рад!),
Исправится, за ум возьмется,
Ни разу больше не споткнется,
Живет умней, скромней стократ.
Но если где одним хоть словом
Его коснется разговор,
Есть люди, что ему готовы

Припомнить старое в укор:
Мол, точно вспомнить трудновато,
В каком году, каким числом...
Но где-то, кажется, когда-то
С ним что-то было под столом!..

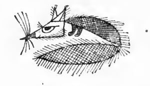
ЛИСА И БОБЕР

Лиса приметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров,—
Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобер!
Лиса ночей не спит: «Уж я ли не хитра?
Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь Бобра!»
Вот Лисонька моя, охотясь за Бобром,
Знай вертит перед ним хвостом,
Знай шепчет нежные слова
О том о сем...
Седая у Бобра вскружилась голова,
И, потеряв покой и сон,
Свою Бобриху бросил он,
Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобриха и стара...
Спускаясь как-то к водопою,
Окликнул друга старый Еж:
«Привет, Бобер! Ну, как живешь
Ты с этой... как ее... с Лисою?»
«Эх, друг! — Бобер ему в ответ.—
Житья-то у меня и нет!
Лишь утки на уме у ней да куры:
То ужин — там, то здесь — обед!
Из рыжей стала черно-бурой!
Ей все гулять бы да рядиться,

Я — в дом, она, плутовка, — в дверь.
Скажу тебе, как зверю зверь:
Поверь,
Сейчас мне в пору хоть топиться!..
Уж я подумывал, признаться,
Назад к себе — домой податься!
Жена простит меня, Бобра, —
Я знаю, как она добра...»
«Беги домой, — заметил Еж, —
Не то, дружище, пропадешь!..»
Вот прибежал Бобер домой:
«Бобриха, двери мне открой!»
А та в ответ: «Не отопру!
Иди к своей Лисе в нору!»
Что делать? Он к Лисе во двор!
Пришел. А там — другой Бобер!

Смысл басни сей полезен и здоров
Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!

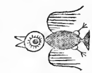
СПЛЕТНЯ

Веселый Чиж в пансионате «Клен»
Не ведал, что творит, когда однажды он,
По простоте душевной,
на скамейке
Спел песню на ушко знакомой Канарейке.
Наутро загудел лесной пансионат:
«Она ведь замужем! А он поди женат!»
«Вы видели, как он ей лапку жал,
Когда ее на ванны провожал!»
«Он так влюблен, — вовсю злословят Куры, —
Что пропускает даже процедуры!»
«Она меняет каждый день наряды, —
За туалетами ее не уследишь!..»

Чиж ловит на себе с утра косые взгляды,
И слышит за спиной и слышит где-то рядом:
«Чиж с Канарейкой!»
«С Канарейкой Чиж!»
«Они прошли!» — стрекочет вслед Сорока.
«Они идут!» — шипит жена Орла...
Затравленный вконец,
Чиж улетел до срока,
А Канарейка в клинику слегла...

Мещанское гнилое любопытство,
Как будто бы за нравственность борясь, —
За дух морали выдает бесстыдство
И все хорошее затаптывает в грязь!

МЕДВЕЖИЙ ЗАРОК

Шмелиного Медведь отведал меду.
Укусов бедному не счесть.
Распух нажаленный, похож стал на урода.
И тотчас радостная весть —
Что он раскаялся и мед зарекся есть —
Дошла в пчелиную колоду.
Тут пчелы подняли трезвон,
Жужжат, кружатся:
«Наш мед спасен! Наш мед спасен!
Теперь нам нечего бояться!»
И шлют к Медведю на поклон
Двух пчелок с просьбой, чтобы он
Зашел бы хоть полюбоваться,
Взглянуть на гордость их трудов —
На мед! На лучший из медов!..
«Ну, так и быть! — сказал Медведь. —
Уж разве только посмотреть!..»
Вот гостя важного встречает рой пчелиный —
Ему и место и почет,

Раскрыты перед ним ячейки сочных сот,
В них — сладкий дар садов, душистый дар
долины:
Посмотришь — и слюна ручьем течет!
В сравненье с ним идет ли мед шмелиный?
Так сам и просится Медведю на язык!..
И в тот же миг
Наш Косолапый,
Урча от жадности, залез в колоду лапой
И до тех пор держал открытой пасть,
Пока, бесстыжий, не наелся всласть.
А после даже вылизал колоду,
Чтоб капле ни одной не дать пропасть!..

———

Когда на то моя была бы власть,
Я, зная медведей породу,
Не допускал бы их до меду!..

НУЖНЫЙ ОСЕЛ

Обед давали у Вола.
Хлев переполнен был гостями,
А стол — харчами.
Пора бы уж гостям и сесть вокруг стола,
Но тут разнесся слух: «К обеду ждут Осла!
Как только он изволит появиться,
Хозяйка знак подаст — гостям за стол садиться!»
Вот долгожданный гость явился наконец.
Напротив племенной Коровы
Посажен он в кругу Овец.
Хозяин налил всем: «Так будем же здоровы!
Внимание! Осел имеет слово!»
Веселые умолкли голоса.
Как наш Осел завел... насчет овса!
Почем теперь овес, да как овес хранится,
Да почему сытней он, чем пшеница...

Он говорит уж полчаса.
Один Баран успел напиться,
Заснула старая Овца,
А речи про овес все нет и нет конца:
Ослу невмочь остановиться!
Уже гостям ни есть, ни пить, ни петь.
И начали ряды гостей редеть.
Окончен бал, как говорится.
Охрипшего Осла остался слушать Вол...
Как мог такой Осел попасть к Волу за стол?
Ужели он с Волом был так сердечно дружен?
Осел в почете был. Осел Волу был нужен:
Когда б кормушками на скотном он не ведал,
Он у Вола бы не обедал!

ЛЕВ И МУХА

Раз Мухе довелось позавтракать со Львом
От одного куска и за одним столом.
Вот Муха досыта наелась,
Напилась,
Собралась улетать, да, видно, расхотелось
(На львином ухе солнышком пригрелась),
Осталась на обед, а там и... прижилась.
В недолгом времени пошла молва,
Распространяться стали слухи
(Их разносили те же Мухи!),
Что Муха-де живет советницей у Льва,
Что в ней
Гроза зверей
Души не чает.
Случись по делу отлучиться ей,
Так он уж загодя скучает —
Не ест, не пьет,
И сам завел такой обычай:
Когда уходит на добычу,

То Муху он с собой берет,
А раз она сидит на львином ухе,
То может нажужжать, что в голову взбредет!..
Ну, как тут не бояться Мухи?..
А Льву и невдомек, что Муха так сильна,
Что перед ней все лезут вон из кожи
И что она
В его прихожей
Делами львиными подчас вершит одна!

У нашей басни цель: бороться против зла.
Так вот бы хорошо, когда б для пользы дела
Моя мораль до Львов дошла
И некоторых Мух легонечко задела —
За дело!

КОТЫ И МЫШИ

Кот Тимофей — открытая душа —
Коту Василию принес в зубах мыша:
Кот Васька отмечал день своего рожденья
И принимал преподношенья...
Увидев дичь, что гость ему принес,
Хозяин проурчал, брезгливо морща нос:
«Спасибо, брат! Но только зря старался!
Давно прошли те дни,
Когда мышами я питался...
Уж ты меня, дружище, извини!»
Смущенный гость был удивлен безмерно:
Чтоб кот не ел мышей? Ослышался, наверно!
Хотел переспросить, но... подали обед:
Сметану, масло, сыр, печенку и паштет,
Колбасы всех сортов и даже
Такую колбасу, которой нет в продаже!
К столу все новые закуски подносили.
Тимошка-кот наелся до ушей.

«Вот так, брат, и живем...— мурлыкал кот
Василий,—
Обходимся, как видишь, без мышей!»

Когда бы у меня читатели спросили,
О чем завел я в этой басне речь,
Я им ответил бы, что данный кот Василий
Жрал то, что должен был стеречь!
А эдаких котов, не ловящих мышей,—
Из кладовых пора бы гнать взашей!

МОРСКОЙ ИНДЮК

Индюк завидовал Гусям,
Что могут плавать там и сям.
Короче говоря,
Его к воде тянуло —
На реки, на озера, на моря,
Откуда иногда соленым ветром дуло.
Но более всего его манило то,
Что краше моряков уж не одет никто!..
Везет же Индюкам! Индюк попал на флот!
Индюк по-флотски ест. Индюк по-флотски пьет.
В тельняшку он одет, как ходят все на флоте.
Но в воду вы его и силой не столкнете:
Подальше от воды на суше он живет,
А если с берега увидит вдруг волну,
Так уж кричит: «Тону-у!..»
Заехал раз Индюк домой, на птичий двор,
И произвел фурор.
О нем лишь только разговор:
«Какой моряк! Ах! Ах! — кудахчут Куры.—
Какой жаргон!

И как татуирован он!
А мы живем за Петухами, дуры!»
Надулся наш Индюк, вдруг став героем дня,
Хвост распустил, а сам что было сил
(Хотя особенно никто и не просил)
Заголосил:
«Родня!
Берите все пример с меня!
Довольно вам в пыли купаться!
Я — водоплавающий, братцы!
Жить не могу без корабля!
Аврал! Форштевень! Брамселя!»
Захлопал крыльями весь птичий двор вокруг:
«Как мы горды! Нас посетил Индюк!»
И даже сам Петух пропел «кукареку!»,
Воздав хвалу морскому Индюку.

Так прячутся порой нахалы и невежды
За громкие слова и пышные одежды.

ОСТОРОЖНЫЕ ПТИЦЫ

Топтыгин занемог: вскочил чиряк на шее —
Ни сесть ему, ни лечь, ни охнуть, ни вздохнуть
И не уснуть.
Вот Дятла он велит к себе позвать скорее,
Чтоб тот чиряк немедленно проткнуть.
За Дятлом послано... Как лекарь появился,
Он тотчас же и так и сяк
Со всех сторон обследовал чиряк,
Но вскрыть его, однако, не решился,
Топтыгину сказав при этом так:
«Уж если сам, злодей, до ночи не прорвется
И протыкать его придется,
То следует созвать совет из лекарей.
К тому ж у Филина, известно, клюв острей!»

За Филином, за Петухом послали...
Глаз не сомкнул больной всю ночь.
На утренней заре врачи слетаться стали.
Слетелись и... сидят — решают, как помочь.
И сообща приходят к мненью:
«Чиряк покамест не вскрывать!
А если к вечеру не будет облегченья,
Собраться вновь и Журавля позвать,
Поскольку у него и глаз вернее,
И клюв длиннее!»
Тем временем Медведь, ворочаясь в углу,
Вдруг ненароком придавил Пчелу.
И храбрая Пчела, как это ей пристало,
Жужжа в шерсти, свое вонзила жало.
И ожил наш Медведь! Пчела его спасла!
Вздохнули лекари: им тоже легче стало,
Не потому, что жало в цель попало,
А потому, что малая Пчела
С них, так сказать, ответственность сняла!..

Перестраховщики! Я басню вам прочел
Не для того, чтоб вы надеялись на Пчел!

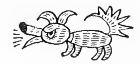
ШАРИК-БОБИК

У ресторана «Горная вершина»,
Где ждут курортников и шашлыки и вина,
С утра до вечера крутился тихий Пес.
Всем посетителям равно хвостом виляя,
На трезвых не рыча, на пьяного не лая,
Он повседневно здесь свое дежурство нес.
Пес откликался на любую кличку,
И это у него вошло в привычку:
Окликнут Шариком — он вмиг хвостом вильнет,
«Эй, Бобик!» — он уже к чужой коленке льнет,
А сам глядит в глаза — глядит и не моргнет!
«А ну, Дружок! Поди сюда, собачка!» —

Собачка тут как тут! — и ей уже подачка:
Кидает чья-нибудь рука
То косточку от шашлыка
С кусочком сладкого, поджаренного жира,
То птичье крылышко, то просто ломтик сыра...
Нет, хлеба не искал курортный этот пес —
От хлебного куска он воротил свой нос...
Его собратья сторожат жилища,
На складах тявкают, врага по следу ищут —
Несут служебный долг, гордясь своим постом,
А этому милее кров и пища,
Добытые глазами и хвостом...

———

Любых мастей и видов тунеядцы!
Ведь это вы попали в басню, братцы!

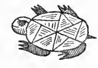
ЗАЯЦ И ЧЕРЕПАХА

Однажды где-то под кустом
Свалила Зайца лихорадка.
Болеть, известно как, не сладко:
То бьет озноб его, то пот с него ручьем,
Он бредит в забытьи, зовет кого-то в страхе...
Случилось на него наткнуться Черепахе.
Вот Заяц к ней: «Голубушка... воды...
Кружится голова... Нет сил моих подняться,
А тут рукой подать — пруды!»
Как Черепахе было отказаться?..
Вот минул час, за ним пошел другой,
За третьим начало смеркаться,—
Все Черепаху ждет Косой.
Все нет и нет ее. И стал больной ругаться:
«Вот чертов гребешок! Вот костяная дочь!
Попутал бес просить тебя помочь!
Куда же ты запропастилась?
Глоток воды поди уж сутки жду...»

«Ты что ругаешься?» — Трава зашевелилась.
«Ну наконец пришла,— вздохнул больной.—
Явилась!»
«Да нет, Косой, еще туда-а иду...»

Я многих черепах имею здесь в виду.
Нам помощь скорая подчас нужна в делах,
Но горе, коль она в руках
У черепах!

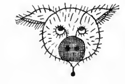

БОЛЬНОЙ КАБАН

К ученой птице — умному Павлину —
Хавронья на прием явилась не одна —
Хавронья привела с собою Кабана.
(Павлин был доктором — умел лечить скотину!)
Павлин спросил: «Чем вам помочь, друзья?»
«Мой Боров заболел! — ответила Свинья.—
Весь день на всех рычит, копытами топочет —
Всем угрожает он! Знать ничего не хочет!
Доходит дело чуть ли не до драк.
Он никаких не терпит возражений
И не стесняется в подборе выражений».
«Я очень нервным стал!» — заметил мрачный Хряк.
Павлин задумался: «Скажите, а бывает,
Что и на Льва он голос поднимает?»
«Нет, этого пока не замечала я,
Со львами вежлив он»,— прохрюкала Свинья.
«Быть может, он волков и тигров оскорбляет?»
«Нет, этого мой Хряк себе не позволяет!»
«Ну что ж,— сказал Павлин,— диагноз мой таков:
Поскольку ваш супруг не трогает волков,
Ни тигров и ни львов, а значит, разумеет,
Что голос повышать на сильного не смеет,
И перед ними вовремя робеет,—
Он, с точки зренья докторов,
Здоров!»

Знавал я одного начальника такого,
На подчиненных брызгал он слюной.
«Уволю! Накажу! — кричал он через слово.—
Как вы стоите тут передо мной?»
Его однажды вызвали, прижали,
И у него коленки задрожали:
«Простите! — говорит.— Я нервный! Я больной!»

СОРОКА-НАУШНИЦА

Сорока запросто к Орлу домой ходила.
(Что уж само собой довольно странно было,
Хотя не нам судить
О том, как жить Орлам, с кем дружбу им
водить,
Но в данном случае Сорока та была
Подругой юности сестры жены Орла...)
Орел, что в облаках над прочими парил
И в силу этого от жизни оторвался,—
По прихоти жены с Сорокою общался,
Ей лично лапку жал и с нею говорил.
Сорока верещит, Сорока в курсе дел:
Тот — свил себе гнездо, а этот — улетел...
Орел в два уха слушает Сороку,
А у нее любое лыко в строку:
«Я слышала на днях, как Соловей поет,
Подумать только, с кем концерты он дает:
Как ночью на пруду заквакают лягушки,
Он начинает вторить им с опушки...»
«Ну, а Скворец?»
«Ах, это ли певец!
Сказать по совести, он только то и знает,
Что каждую весну скворечники меняет...»
«Что скажешь про Дрозда?»
«Признаюсь, не тая,

Как осень, так глядит в заморские края...»
Сорока верещит без всякого стесненья —
Орел о птицах формирует мненье...

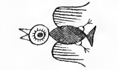
Иной, что мнит себя на должности Орлом,
Таких «наушниц» держит под крылом!

КУКУШКА И СКВОРЕЦ

«Чего распелся ты так рано над крыльцом?» —
Кукушка из лесу Скворцу прокуковала.
«Ах, если бы, Кукушечка, ты знала! —
Ей отвечал Скворец.— Я нынче стал отцом!
Теперь мне в пору петь с рассвета до заката:
В скворечнике моем пищат мои Скворчата!
Я полон гордостью — растет мой скромный дом!»
«Вот невидаль! Нашел же чем гордиться! —
Кукушка из лесу в ответ.—
Чем удивил ты белый свет!
По мне, так лучше быть свободной птицей!»
«А где несешься ты?»
«В любом чужом гнезде!»
«А где твои птенцы?»
«Не знаю где. Везде!»
«Да кто ж выводит их?»
«Другие их выводят.
Я не из тех, кто в этом смысл находит...
Семья мне не нужна. Я жить одна хочу,
Куда задумаю — туда и полечу!
Где захочу — там прокукую.
Вот, Скворушка, тебе бы жизнь такую!»
«Нет,— отвечал Скворец.— Пример моих отцов
Подсказывает мне иметь весной птенцов!»
И надо же такому вдруг случиться:
Пернатый хищник, старый вор,
Скворчатинкой задумав поживиться,
Явился как-то раз к моим Скворцам во двор.

Но грозно встретила его семья Скворцов!
Едва отбившись от птенцов и от отцов,
Разбойник улетел. А над лесной опушкой
Он с одинокой встретился Кукушкой —
И все ж позавтракал в конце концов!

ЕНОТ, ДА НЕ ТОТ

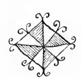
Известно, что в лесах хватает всем работы...
Вершить делами нор и гнезд
(А это видный и почетный пост)
В лесу назначили Енота.
Енота знают все. Он в обхожденье прост,
Не наступает никому на хвост
И личные ни с кем не сводит счеты...
Но вот
Проходит год.
Что видят зверь и птица?
В лесу порядка нет, хоть правит в нем Енот!
Кругом что только ни творится —
Он даже ухом не ведет!
А если, случаем, кому и доведется
С ним говорить,— тому готов ответ:
«Не время», «Обождем», «Проверим», «Утрясется».
Где надобно решать — Енот ни «да», ни «нет».
Заохал, застонал лесной народ:
«И как могли мы ошибиться?
Енот — не тот!
Куда уж Суслику с нуждой к нему пробиться,
Когда Медведь — и то семь дней приема ждет?
Не тот Енот. Не тот!»
«Да,— с горечью вздохнув, заметил кто-то,—
Скорей дойдешь, пожалуй, до Орла,
Чем до Енота!
А у Орла куда важней дела!..»

В одной приемной горсовета
На ум пришла мне тема эта.

ИВАН ИВАНЫЧ ЗАБОЛЕЛ...

Иван Иваныч заболел, —
Не потому, что он дурное что-то съел
Иль сквозняком его продуло, —
Но уж едва-едва он привстает со стула
И еле-еле руку подает,
А многих вообще не узнает.
Что спросишь — он в ответ то промычит
невнятно,
А то возьмет да заорет:
«Я занят! Нет меня! Закройте дверь!
Понятно?..»
Жену оставил он. С семьей он не живет...
Ближайшие друзья ему дают советы:
Один рекомендует спорт,
Другой — поехать на курорт,
А третий — соблюдать диету...
Больному нашему не впрок ни то, ни это!
Но вот
Иван Иваныча взялся лечить народ:
В один прекрасный день его освободили
От всех забот,
Что у бедняги были,
От всех хлопот
И даже от
Автомобиля,
Что день и ночь дежурил у ворот!
И все пошло наоборот:
Иван Иваныча как будто подменили:
Кого не узнавал — теперь он узнает,
Кого не принимал — тех в гости сам зовет,
С людьми он говорит охотно, просто, внятно,
Вернулся он в семью, отлично в ней живет...
Понятно?!
Вот!

ПРОСТАЯ СПРАВКА

Раз вышла с басней у меня запарка:
Я сел писать про львиный юбилей,
А сколько львы живут? Забыл я, хоть убей!
Ну, что же, позвоню в контору Зоопарка!
Звоню. Прошу помочь в неведенье моем.
Мне отвечают очень лаконично:
«Подобных справок мы заочно не даем!
Зайдите лично!»
Что делать? Захожу. Прошу мне справку дать.
«Откуда? Кто такой?» — «Поэт я. Автор басен».
«Придется подождать!» — «Ждать? Что, вопрос не ясен?»
«Нет, ясен ваш вопрос, но... надо подождать!»
Покорно жду... И наконец решенье:
«Львы не собаки! (Важный аргумент!)
Придется вам прислать с запросом отношенье.
Получите ответ на документ!..»
И дело это кончилось на том,
Что приобрел я Брема первый том
И там про львов прочел такие вещи!..
И сколько львы живут и кое-что похлеще...
Такую «бдительность» иные проявляют,
Чтоб ни за что нигде не отвечать,
А сами, между прочим, оставляют
В открытом сейфе круглую печать!

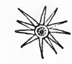
ГИГАНТ И ЦИТАТА

Один Гигант районного масштаба
Прославился на всю округу тем,
Что на любую из насущных тем
Мог прочитать доклад — на пять минут хотя бы.
Но мог и растянуть на пять часов подряд —
За счет цитат...
Вот как-то при одном из выступлений,

Уже почти кончая свой доклад
Набором исторических сравнений,
Гигант запнулся... Люди говорят,
Что как бедняга ни старался,
Как за стакан с водой ни брался,
Но как дойдет до места: «...фараон
По имени Тутанхамон...» —
На этом слове спотыкался,
Произносил невнятно первый слог,
А три других совсем сказать не мог.
Так фараон безвестным и остался!
А виноват
Во всем был аппарат!
И тот, кто сочинил сей каверзный доклад,
Кто в глубине души таил надежду,
Что выведет на свет невежду!

По мне — уж если прибегаешь
К чужим и мыслям и трудам,—
О чем с трибуны «докладаешь»,
Ты заучи хоть по складам!

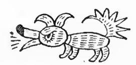
ПОЛКАН И ШАВКА

Косого по лесу гоняя,
Собаки — Шавка и Полкан —
Попали прямо в пасть к волкам:
Им повстречалась волчья стая.
От страха Шавка вся дрожит:
«Полкаша... Некуда деваться...
Я чую смерть свою... Что будем делать?..» —
«Драться! —
Полкан в ответ ей говорит.—
Я на себя возьму того, что покрупнее,
А ты бери того, что рядом с ним».
И, до врага достав прыжком одним,

Вцепился храбрый пес зубами в волчью шею
И наземь Серого свалил, —
Но тут же сам растерзан был.
Что думать Шавке? Очередь за нею!
Тут Шавка взвизгнула — и в ноги бух волкам:
«Голубчики мои! Не погубите!
Сродни ведь прихожусь я вам!
Вы на уши мои, на хвост мой посмотрите!
А чем не волчья шерсть на мне?
Сбылась мечта моя — попала я к родне!
Пошли за мной, я показать вам рада,
Где у реки пасется стадо...»
Вот волки двинулись за Шавкою гуськом,
Вначале лесом, после бережком,
Под стадо вышли, на хвосты присели,
Посовещалися на волчьем языке
И, от коров невдалеке,
На всякий случай раньше Шавку съели,
Но сами тож не уцелели —
В жестокой схватке полегли:
Сторожевые псы то стадо стерегли,
И ружья пастухи имели...

Сей басне не нужна мораль.
Мне жаль Полкана. Шавки мне не жаль!

ОСОБАЯ МЕБЕЛЬ

Аврал на мебельно-фанерном комбинате!
На видном месте вывешен приказ:
Вне плана выполнить к определенной дате
В масштабе области почетный спецзаказ!..
Приняв наряд, ведущий мастер цеха
Сам отбирает бук и высший сорт ореха,
Шлет в распиловку лучшие пеньки.
В конструкторском бюро горячие деньки:

Эскизы, выкладки, расчеты, копировка...
Модель представлена. Модель утверждена,
И в производство спущена она.
Теперь идет в цехах — пригонка, фанеровка
В двенадцать рук, в две смены полировка,
Умельцы варят специальный клей...
Заказ готов! Бухгалтеру неловко,
Что себестоимость его пятьсот рублей!..
На мебельно-фанерном комбинате,
К намеченному дню, две новых спецкровати
Заказчику сданы
За полцены...
Спит на одной из них лицо мужского рода,
Не оправдавшее доверия народа,
И, как ни странно, даже смотрит сны
В масштабе области, под мерный храп жены.

Тот, кто по праву занял видный пост,
Тот, как павлин, не распускает хвост.
Ему не нужно спальни заказной —
Он в нашей жизни ищет смысл иной!
А тот, кто думает, что он незаменим,
И ценит лишь того, кто пляшет перед ним,
Тот, несмотря на пост высокий свой,
Чванливой тупости для нас пример живой!

СВИНКИ И СВИНЬИ

Сидели в клетке две Морские Свинки,
Владелец их гулял на вечеринке,
А Свинки те смотрели из угла,
Как за столом компания пила:
От выпитых без счета стопок водки
Тупели взгляды, хрипли глотки,
Бессвязной становилась речь,
Одних — тянуло в пляс, других — клонило лечь...

«Мне страшно! Я боюсь! — сказала Свинка
Свинке, —
Мурашки у меня уже бегут по спинке...
Что, если завтра нас отправят в институт
И станут так травить, как этих травят тут?»
«Не делай выводов и приглядись сначала! —
Вторая Свинка первой отвечала. —
Никто не травит их. Они же сами пьют!
Ты слышишь, как они поют,
Хоть, правда, в голосах и нет у них единства!»
«Что ж происходит здесь?»
«Здесь происходит... свинство!»

ОСЕЛ В ОБОЙМЕ

Ослу доверили однажды пост завидный.
Лесным дельцам сказать не в похвалу —
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,
По дружбе оказал протекцию Ослу...
Осел на должности что было сил старался:
Одним указывал, других учить пытался;
Но как бы он себя с достоинством ни вел, —
Каким он был, таким он и остался:
Ушами поведет — все видят, что Осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
«Не оправдал надежд товарищ Лопоухий!
Не справился. С поста придется снять».
И вот на пост Слона, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
«Он, говорят, проштрафился и тут!»
Одни смеются, а другие плачут:
«Что, если к нам теперь его назначат?!»

Вопрос с ослами ясен, но не прост:
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если уж Осел попал в номенклатуру,
Вынь да подай ему руководящий пост!

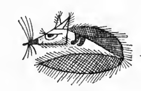

СМЕЛОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Что делать нам с Лисой? Житья от Рыжей нет! —
Словами этими Индюк открыл совет.—
Все те, кто крякают, кудахчут на дворе,
Все скоро будут там... У Лисоньки в норе!
Кто хочет выступить? Какие есть сужденья?
Как проучить злодейку наконец!..»
Тут кто-то с места внес такое предложенье:
«Чтоб слышать издали Лисицы приближенье,—
Повесить ей на шею бубенец!..»
«Мы вовремя всегда успеем разбежаться!» —
Сказала Курица, приняв серьезный вид.
«Да! — согласился Гусь.— Да! Я за это, братцы!
Идея хороша! Как в этом не признаться!
Но кто из нас ее осуществит?!»
«Ну, это уж технический вопрос!» —
Ответил тот, кто предложенье внес.

Я басню сочинил. Мораль ее проста:
Без практики, увы, теория пуста!

КОЗА, МЕДВЕДЬ И ГЛУХОЙ ОСЕЛ

Медведю от Козы глухой Осел завез
Однажды под вечер продуктов целый воз!
　　Завез да и свалил в берлогу
　　Всего помногу —
И за год Мишеньке не съесть!..
　　«Откуда мне такая честь? —
Задумался Медведь.— Что это означает?
　　Видать, Рогатая души во мне не чает!..»
Вот наш Медведь дня через два встречает
　　И от души благодарит Козу.
«За что?» — «Да как за что? — Топтыгин отвечает.—
　　За то, что было на возу!»
Коза рогами только замотала:
«О чем ты, Миша? Право, не пойму!..»
А как домой пришла, так уж Ослу попало:
Гостинцы он завез. Но только не тому!
Коза их, как на грех, другому посылала!
Вот догадаться бы: куда?.. За что?.. Кому?..

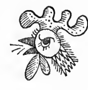
ПЕТУХ-БОЛТУН

Петух с бессонницы завел себе привычку
Всех раньше подниматься по утрам
И начинать до срока перекличку
С другими петухами по дворам.
Конь, что в упряжке за день наломался,
Не отдохнув, в конюшне просыпался.
Пес вздрагивал во сне и открывал глаза.
Вставали на ноги Корова и Коза...
«Вставайте, лодыри! Проснитесь, лежебоки! —
Кричал Петух.— Проспали вы все сроки!
Довольно вам валяться на боку!
　　Кукареку! Кукареку!»

Охрипнув от бессмысленного крика,
Всех на ноги подняв от мала до велика
И этим показав, какой «работник» он,
Петух потом весь день в крапиве отсыпался...
(Он даже в курах не нуждался
И годен был лишь разве на бульон!)

Подобное и среди нас бывает:
Иной, как тот Петух, с трибуны призывает,
Шумит, кричит, приказы отдает,
Работы требует. А сам баклуши бьет!

АРБУЗ

Арбуз, что из земли тянул нещадно соки,
Что более других лежал на солнцепеке
И вырос до такой величины,
Что все другие кавуны
С ним оказались не равны,
Перед собратьями своими возгордился:
«Я тяжелее всех, каков же я на вкус?!
Всяк скажет про меня: «Арбуз так уж арбуз!..»
Так до тех пор он хвастал и кичился,
Пока в хозяйских вдруг руках не очутился.
А как попал под нож,
То оказался уж не так хорош:
Что толку, что велик? Велик, да толстокож!
На цвет, да как сказать, скорее бел, чем красен.
На вкус — трава травой...

Смысл этой басни ясен:
Иной, глядишь, и говорит пестро,
Осанка хоть куда, так важно носит пузо,
А ковырни его да загляни в нутро —
Оно как у того Арбуза!

МУХА И ПЧЕЛА

Перелетев с помойки на цветок,
Лентяйка Муха Пчелку повстречала —
Та хоботком своим цветочный сок
По малым долькам собирала...
«Летим со мной! — так, обратясь к Пчеле,
Сказала Муха, глазками вращая.—
Я угощу тебя! Там — в доме, на столе —
Такие сладости остались после чая!
На скатерти — варенье, в блюдцах — мед.
И все — за так! Все даром лезет в рот!»
«Нет! Это не по мне!» — ответила Пчела.
«Тогда валяй трудись!»— лентяйка прожужжала
И полетела в дом, где уж не раз была,
Но там на липкую бумагу вдруг попала...

Не так ли папенькины дочки и сынки,
Бездумно проводя беспечные деньки,
Безделье выдают за некую отвагу
И в лености своей, от жизни далеки,
Садятся, вроде мух, на липкую бумагу!

ДУТЫЙ АВТОРИТЕТ

Я слышал от зверей, что где-то некий Лев
Тушканчика назвал вторым по силе зверем,
Что будто страшен он, когда приходит в гнев!
И все задумались, ушам своим не веря.
Когда бы это слышать от Осла —
Ослу прийти на ум такая блажь могла!
Но это ж Лев сказал! Кто смеет сомневаться?
И стали все Тушканчика бояться...
Медведь его зовет на праздничный обед,

С ним дружбы ищет Волк, а старая Волчица
Пугает им Волчат, которым днем не спится:
«Скажу Тушканчику! На вас управы нет!»
Но, видно, уж судьба Тушканчику была
Нарваться на Лису, что ночью лесом шла.
Он пикнуть не успел — разбойница насела,
Его за шиворот взяла
И съела!
А после чуть сама не померла,
Когда узнала, с кем имела дело!
Она его за Зайца приняла,
А указанье Льва случайно проглядела!

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

«Я лягу на полок, а ты потри мне спину,—
Кряхтя, сказал толстяк худому гражданину.—
Да хорошенько веничком попарь.
Вот так-то я, глядишь, чуток и в весе скину.
Ты только, братец, не ошпарь!»
Трет Тонкий Толстого. Одно пыхтит лежачий:
«Еще разок пройдись!.. Еще наддай!..
А ну, еще разок! Смелей — я не заплачу!
А ну, еще разок!..» — «Готово, друг! Вставай!
Теперь я для себя парку подкину.
Мочалку мылить твой черед!»
«Нет, братец, уж уволь! Тереть чужую спину
Мне не положено по чину.
Кто трет другим, тот сам себе потрет!»

Смеялся от души народ,
Смотря в предбаннике, как Тонкий одевался
И как в сторонке Толстый волновался:
Он чином ниже оказался!

СТАРЫЙ ЛЕВ

Лев юбилей справлял. Седой, почтенный Лев,
Как говорят, видавший в жизни виды.
Со своего поста ушел он, одряхлев,
За время долгих лет остыли страсть и гнев,
А чем тупей клыки, тем тяжелей обиды...
Когда-то грозный рык уж не страшит теперь
Того, кто перед ним всегда дрожал от страха.
Спокойный, мудрый нрав обрел с годами зверь.
И для него уже что — Слон, что — Черепаха!
И вот сейчас к нему посланцев шлют леса:
Овечки нараспев читают адреса,
И лапу жмут ему тушканчики степные.
«Да здравствует наш Лев! — он слышит голоса.—
Живи еще сто лет!» — и возгласы иные...
А он? Что может он? Должно быть, ни-че-го!
Что было, то прошло! Все позади него!

Я был не раз на юбилеях Львов
И слышал множество пустоелейных слов.

ЗАВИСТЛИВЫЙ БОЛЬНОЙ

«Приятелю привет! И ты, брат, на леченье?»
«Ты лучше бы меня не спрашивал, Петров!
Тут я к себе узнал такое отношенье,
Что, видно, мне придется заявленье
Строчить на здешних докторов!
Одним больным — пилюли и микстуры,
Другим — и порошки, и грязи на живот,
И гальванические утром процедуры,
То ванны, то массаж, то на голову лед,
Им специальная диета,

И более того: их водят на укол!
А мне, поверишь ли, прописан общий стол,
Побольше двигаться и не курить при этом.
И больше ни-че-го! Здесь явный произвол!..»

Ей-ей, такие есть, что завистью исходят,
Когда при них другим зонды и шприцы вводят!

СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ

Министр... а впрочем, нет! — директор Зоосада
Раз получил приказ. В нем говорилось: «Надо
Предельно сократить расход зерна на птиц».
Директор списки взял — Дроздов, Щеглов,
Синиц —
И, сократив сто сорок единиц,
На место их зачислил трех Орлиц,
Которым с этого же часа
Пошло довольствие: уж не зерно, а мясо!
Сто сорок или три?
Что ж! Не одно и то же!
А в корень посмотри:
Ведь мясо-то дороже?!

Не так ли в министерских аппаратах
Решают иногда вопрос о штатах?

СЕДОЙ ОСЕЛ

Слон, Заяц и Осел решили строить мост,
Но оказалось, что вопрос не прост
И многое для всех троих неясно...
«Поставить нужно мост,— твердил упрямый Слон,—
На каменных быках, закованных в бетон!»
«Нет! — Заяц возражал.— Быки? Бетон? Ужасно!
Мост должен легким быть! Все, что легко,— прекрасно!»
«Послушайте, друзья! — седой Осел изрек.—
Нам следует сперва решить единогласно,
Как будем строить? Вдоль иль поперек?!»

Вы спросите, о чем же басня эта?
О членах одного Ученого совета!

БЮРОКРАТ И СМЕРТЬ

За Бюрократом Смерть пришла,
Полдня в приемной прождала,
Полдня в приемной просидела,
Полдня на очередь глядела,
Что все росла,
А не редела...
И, не дождавшись... померла!

«Что-о? Бюрократ сильнее Смерти?»
Нет!
Но живучи все же, черти!

НАГЛЫЙ ЗАЯЦ

Спасаясь от врага, что на него напал,
И мало что уже соображая,
Зайчишка, в страхе по лесу петляя,
В нору к Лисе с разбега вдруг попал.
Нет, не убежище для Зайца лисья хата!
Косой хотел рвануть было назад,
Но тут, придя в себя, увидел «детский сад»:
Лисицы дома нет — в норе одни лисята!..
«Опять не повезло! — сказал наглец Косой.—
А я-то шел сюда расправиться с Лисой!..»

ШАКАЛ В ПОСОЛЬСТВЕ

Шакалу новый пост пришелся по душе:
Отныне он — посольский атташе.
А получил он назначенье это,
Поскольку с детства острый нюх имел
И в прошлом вел «отдел чужих секретов»
По министерству разных странных дел.
Упаковав дорожный чемодан,
Он прибыл, так сказать, в одну из дальних стран...
Посольский штат подобран был отменно:
Советник — Крокодил, в секретарях — Гиена,
А сам посол... Пропустим данный ранг,—
Допустим, что посол там был... Орангутанг!
Аккредитованный по всем статьям Шакал
Стал носом землю рыть.
                                        Но что же он искал?
То на чужом дворе окажется «случайно»,
То вдруг заглянет за чужой забор,—
Ему нужна хоть маленькая тайна,
И раздобыть ее мечтает он, как вор.
Ему любой секрет не терпится открыть...
И как-то, проявив особенную прыть,

Он сунулся туда, где хвост ему прижали!
«Шакал не виноват! — в посольстве
завизжали. —
Он — дипломат! Он занимает пост!..»
Короче говоря, заморское посольство
Активно проявило недовольство.
Но возле моста был в капкане — хвост,
А в аппарате был на пленке — мост!

Что ж, дипломатам некоторых стран
Полезно иногда напомнить про капкан.

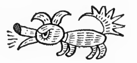
БЕШЕНЫЙ ПЕС

Однажды, в знойный день, взбесился Пес
цепной
И, ядовитой брызгая слюной,
Сорвался вдруг с цепи, махнул через ограду —
Да прямо к стаду!
Сначала он напал по-волчьи на телка,
Потом задрал невинного ягненка,
Одних загрыз, другим порвал бока
И насмерть ранил пастушонка.
Короче: натворил таких он бед,
Каких не видел свет!
Когда б разбойника облавою не взяли,
То многие еще бы пострадали.
Но был в конце концов захвачен лютый Пес,
И... производством дело началось!
Уж не одна неделя пролетела —
Полгода суд идет. Растет и пухнет дело —
Чинят свидетелям допрос.
Бандит в тюрьме окреп, подрос,
Так на харчах казенных откормился
И обленился,

Что от хвоста до шеи залоснился.
Он только знает спать да есть.
При нем друзья. Услуг не счесть:
Ему ошейники меняют,
Его родные навещают,
А два Шакала, посчитав за честь,
Перед судом ретиво защищают:
Скулят, визжат, и лают,
И, чтобы умалить его вину,
Повторный требуют анализ на слюну...
«Чего же судьи ждут? Когда ж повесят Пса? —
Слышны повсюду голоса.—
Какой другой конец возможен для урода?..»

Известны нам суды такого рода.

РЫБЬИ ДЕЛА

Раз в тихом бочажке, под бережком, чуть свет
Рыбешка мирная собралась на Совет:
В реке их Щука донимала,
И от зубастой им житья не стало.
«Казнить разбойницу! Казнить — двух мнений нет!..»
И Щука старая, как ни сильна была,
Все ж кверху брюхом как-то раз всплыла...
Победа многих вдохновила:
«Преступница нам больше не страшна! —
Разумная Плотичка заявила,—
Но в дальней заводи живет еще одна.
Не худо бы расправиться и с нею!»
«Конечно, вам, Плотве, виднее,—
Из-под коряги молвил сытый Сом,—
Но, правду говоря, та Щука ни при чем —
Она сюда не заплывала,
Вам до нее и дела мало!»
Плотичка возражать не стала,
И дело кончилось на том...

В зеленых берегах текут спокойно воды,
Вьюны и Пескари в них водят хороводы,
И Караси не залезают в грязь,
Зубастой хищницы отныне не боясь.
Но мирные деньки не больно долго длились —
Исчезло в ясный день Плотичек десять штук,
Два Пескаря домой без плавников явились
И пропадать Уклейки стали вдруг.
Рыбешкам снова не житье, а мука:
Из дальней заводи переселилась Щука
И привела с собою двух подруг.

Мне бедных рыбок жаль. Зато другим наука:
Не слушайте Сомов, уничтожая Щук!

ВОЛК-ДИПЛОМАТ

Зайчишка получил от Волка приглашенье
Пожаловать к нему с супругой на банкет.
Другой бы отписал: «...Примите уверенья...
Я нездоров... Мерси... Пардон... Привет...»
Но данный Волк, хоть не был гуманистом,
На зайцев не рычал, когда встречал,
Их не травил в лесу, не трогал в поле чистом,
На их поклон поклоном отвечал...
Вот почему, польщенный приглашеньем,
Сказав Зайчихе: «Причешись! Пойдем!»,
Придумав громкий тост, предвидя угощенье,
И преисполненный почтенья,
Явился Заяц к Волку на прием.
Хозяин гостю рад: «Как долго не видались!
Да вы поправились!» — «На целый килограмм!»
Пока в прихожей зайчики топтались,
Хозяин подмигнул зубастым поварам...
Я тот банкет описывать не буду.
Для полной ясности я лишь сказать могу,

Что повара к столу подали блюдо,
И это было... заячье рагу!

Сравнение мое, быть может, грубовато,
Но я имел в виду зайчат, вступивших в НАТО!

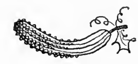
ВОЛК-ТРАВОЕД

Вожак воров и сам матерый вор,
Волк-живодер
Как избежать облавы ни старался,
А все ж попался.
Теперь над ним свершится приговор,
Не избежит преступник наказанья!
Свидетели дают
Правдивые, прямые показанья:
«Зарезал здесь овцу, задрал теленка тут,
А там свалить коня не посчитал за труд...»
Улики налицо. Но судьи ждут,
Что им убийца скажет в оправданье.
«Известно,— начал Волк,— что испокон веков
Всегда травили нас, Волков,
И скверные про нас пускали толки.
Заблудится овца у сонных пастухов,
Корова пропадет — всё виноваты Волки!
А Волки между тем давным-давно
Не могут видеть кровь, не могут слышать стоны.
На травку перешли и на зерно,
Сменили стол мясной на овощной — зеленый.
А если иногда то там, то тут
Ягненка одного, другого задерут,
Так только с целью самообороны...
Надеюсь я на объективный суд!..»

И порешили судьи тут
Дать Волку выговор и не лишать свободы,
Раз изменился нрав у всей его породы.

Но вот прошли уж годы,
Как огласили этот приговор,
А Волки нападают до сих пор
Все на стада, а не на огороды!

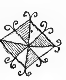
РОЖДЕНИЕ ОДЫ

К начальству вызвали бухгалтера-поэта,
Но принимал его не «зав», а «зам»:
«Вы пишете стихи, у вас выходит это,
А вот у нас выходит стенгазета,
И басни в ней писать мы поручаем вам!
Разить порок пером учитесь у Крылова,—
Возьмите образы зверей.
Курьершу хорошо изобразить Коровой,
Инспектора — Бобром... А впрочем, вам видней!»
Поэт, придя домой, был от смущенья красен:
Он знал, что путь его отныне стал опасен,
Ведь многие не любят басен.
Но все же сел писать,
Начальству своему не в силах отказать.
А надобно сказать,
Был в этом пыльном тресте
Для баснописца непочатый край:
«Зав» — бюрократ (ни совести, ни чести!),
«Зам» — подхалим, начхозу — что ни дай!
Кого сравнишь с Ослом? Кого с Енотом?
Кого назвать Свиньей? Как ни крути — поймут,
А там подсиживать начнут,
Чуть что — отнимут счеты
И выгонят с работы...

Поэт трудился до седьмого поту:
Стопу бумаги измарал,
Весь мир животных перебрал —
Опасна каждая порода!
Вертел поэт, крутил, к утру зашел в тупик.
Обратно повернул, и в тот же миг...
Хвалебная начальству вышла ода!
Не ожидал он сам такого хода!

От баснописца не добьешься толка,
Когда он лезет в лес, а сам боится волка!

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

Со дня рожденья четверть века
Справлял в дубраве Курский Соловей.
(Немалый срок и в жизни человека,
А соловью — тем паче юбилей!)
Среди лесных певцов подъем и оживленье:
Окрестные леса
Вручают юбиляру адреса.
Готовится банкет. Концерт на два часа.
И от Орла приходит поздравленье.
Счастливый юбиляр растроган и польщен —
Не зря в своих кустах свистел и щелкал он...
За праздничным столом в тот вечер шумно было.
На все лады звенели голоса,
И лишь Ворона каркала уныло:
«Подумать только, чудеса!
Уж мне за пятьдесят давно перевалило,
И голосом сильней, и всем понятней я,
И столько раз Сова меня хвалила...
А юбилей — поди ж ты — Соловья!..»

Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых,
А попадаешь все в знакомых...

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на вернисаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
Что, если вдруг не удалось оно?
Вниманием гостей художник наш польщен!
Какую критику сейчас услышит он?
Не будет ли жесток звериный суд?
Низвергнут? Или вознесут?
Ценители пришли. Картину Слон открыл.
Кто дальше встал, кто подошел поближе.
«Ну, что же,— начал Крокодил,—
Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу!..»
«Что Нила нет, в том нет большой беды! —
Сказал Тюлень.— Но где снега! Где льды?»
«Позвольте! — удивился Крот.—
Есть кое-что важней, чем лед!
Забыл художник огород».
«Хрю-хрю,— заметила Свинья,—
Картина удалась, друзья!
Но с точки зренья нас, Свиней,
Должны быть желуди на ней».
Все пожеланья принял Слон.
Опять за краски взялся он
И всем друзьям по мере сил
Слоновьей кистью угодил,
Изобразив снега, и лед,
И Нил, и дуб, и огород,
И даже мед!
(На случай, если вдруг Медведь
Придет картину посмотреть...)
Картина у Слона готова,
Друзей созвал художник снова.
Взглянули гости на пейзаж
И прошептали: «Ералаш!»

—

Мой друг! не будь таким слоном:
Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь,
Себе же только навредишь.

ПОРТНОЙ НА ЛАВРАХ

Жил-был мужской портной — хороший мастер.
«Собаку съел» он по портновской части,
И это было видно по тому,
Что каждый, кто хотел принарядиться,
Мечтал попасть на очередь к нему:
Так трудно было мастера добиться.
И в самом деле,
Портной не портил зря сукно —
Отлично на заказчиках сидели
Что пиджаки, что брюки — все равно!
Сезон сменял сезон — так проходили годы.
Наш знатный мастер жил да жил,
Все шил да шил.
Росла о нем молва — росли его доходы...
Но вдруг
Все стали подмечать вокруг,
Что у портного изменилась хватка
И, невзирая на размер задатка,
Известным мастером пошитое пальто
Уже не то!
Обужена спина. Не там, где надо, складка.
Морщит подкладка.
Неладно вшиты рукава...
Другая разнеслась по городу молва,
А там узнали все, ушам своим не веря:
Кроят и шьют теперь в портновской подмастерья!
А мастер, задавая важный тон,
Лишь помогает выбирать фасон.
Сам больше не кроит, не шьет, не мерит он,
Он лишь визирует готовые изделья
И даже запил от безделья...
Свой опыт растеряв в теченье ряда лет,
Портной в конце концов совсем сошел на нет.
И отказались от него клиенты...

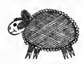
Да! К месту здесь сказать: иным идут во вред
Излишние аплодисменты!

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ БАРАН

«Чего ты все снуешь без отдыха, без сроку! —
Петух однажды на дворе
В сердцах отчитывал Сороку.—
Я хоть бужу хозяев на заре.
А ты все тянешься к открытому окошку,
Все норовишь стянуть где ложку,
Где сережку!
Что говорить, на это ты ловка!
А что до твоего, болтушка, языка,
Так от него не жди ни толку и ни проку!»
Услышав, как Петух отчитывал Сороку,
Баран накинулся на доброго Коня:
«Чего ты на дворе торчишь средь бела дня?
То бочкой прогремишь, то — бороной, то — бричкой!
А уж возить навоз вошло в твою привычку!
Как будто ты не мог найти чего другого,
Что бы свалить хозяину во двор?!
Скажу тебе в глаза: пошляк ты, право слово!
Ни вкуса у тебя, ни мыслей нет! Позор!»

Недавно я прочел критический обзор
И, будучи с обзором не согласен,
Я басню новую добавил в книгу басен.

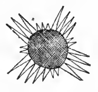
ПЕГАС И ПОЭТ

В глухой, полночный час
Один Поэт стал призывать Пегаса.
Услышал этот зов Пегас
И прискакал с Парнаса.
«Послушай, добрый конь,— сказал ему Поэт,—
Ты служишь мне немало лет,
А толку от тебя, я вижу, нет и нет:

Что я ни напишу, за все меня ругают,
Ни песен не поют, ни сказок не читают.
В чем дело? В чем секрет?»
«Изволь,— сказал Пегас.— Меня манит полет,
Безудержный галоп за мыслью вдохновенной!
Я Пушкина знавал. Вот был ездок отменный!
Как вспомню я о нем, так, право, дрожь берет!
А ты свои стишки строчишь в часы досуга
И вот уже который год
Садишься на меня все задом наперед
И все рысцой трусишь на мне по кругу!
Ну что ж, поехали? Уж солнышко встает».

На днях прочел стихов две жирные тетрадки,—
Как видно, наш Поэт не изменил посадки!

ЗЕЛЕНЫЙ И ВАРЕНЫЙ

Живой зеленый Рак, речной пропахший тиной,
Глазами пожирал собрата своего.
Тому естественной причиной
Был необычно яркий цвет его.
«О, как же он хорош! Как фрак его прекрасен! —
Восторженно шуршал зеленый Рак.—
Да я любой клешней пожертвовать согласен,
Чтоб только нарядиться так!»
«Чему завидуешь, дурак? —
Сказала мудрая и старая Рачица.—
Ты тоже можешь быть так ярок и душист!
Для этого тебе достаточно свариться
И чтоб в кастрюльке был лавровый лист!»

Порой моих друзей такая зависть гложет,
Что только кипяток им, кажется, поможет!

РАЗБОРЧИВАЯ КОШКА

В девицах Кошечка жила.
Она разборчивой слыла
И выбрать жениха по вкусу не могла:
Тот — чересчур усат, тот — худ, а этот — лыс!
Один не ест мышей, другой боится крыс!
А третий — просто кот: как вечер, он в окошко —
На каждом чердаке ждет не дождется Кошка!
За этого идти — уж больно он ревнив,
За ним состаришься до срока!
Уж этот всем хорош, да, говорят, ленив:
Весь день на печке, рыжий лежебока!..
Так наша Кошечка в девицах и жила.
Но вдруг... котяток принесла!
И в этот вечер многие коты
Сидели по домам, поджав свои хвосты...

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящий сборник входят избранные басни лучших русских баснописцев — от Антиоха Кантемира до наших дней.

Наряду с известными мастерами этого жанра (А. Сумароков, И. Хемницер, И. Крылов, Демьян Бедный) в сборнике представлены забытые баснописцы (М. Херасков, М. Чулков, П. Вяземский и др.) и писатели, редко обращавшиеся к басне, но создавшие совершенные и оригинальные в этом роде образцы (Д. Фонвизин, А. Пушкин).

Расположены басни, по возможности, в хронологическом порядке или так, как они помещались авторами в прижизненных изданиях.

В примечаниях приводятся краткие биографические и библиографические справки о баснописцах и необходимые пояснения к тексту.

Орфография текстов приближена к современной с сохранением характерных особенностей языка оригинала.

А. КАНТЕМИР

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) был сыном молдавского господаря, переселившегося в Россию. Закончил свое образование в только что учрежденной Академии наук. Вскоре после восшествия на престол Анны Иоанновны он, как защитник петровских начал, был удален в почетную ссылку — назначен послом сначала в Лондон, а затем во Францию. За границей Кантемир прожил (с 1732 г.) всю остальную часть своей жизни.

Шесть басен Кантемира (1731—1739 гг.), написанные в духе его прославленных сатир, являются первым в русской литературе опытом этого жанра. До Кантемира в России были известны лишь прозаические переводы басен Эзопа.

У Кантемира еще нет того ритмического разнообразия и интонационной разговорности стиха, которые появятся в басне Сумарокова, но написаны его притчи уже силлабическим стихом.

Печатается по изданию: А. Кантемир, Сочинения, письма и избранные переводы, СПб. 1867.

Ястреб, павлин и сова (стр. 29). *Воевода.* Начальник войска, фельдмаршал. *Из воздушного рода.* Из птиц, сиречь, понеже воздух обитают. *Славы жало.* Славы любовь, склонность та, которая нас к трудам одобряет, в надежде получения чрез них себе славного имени. *Седина бесплодна.* Старость не лучший плод принесет. *Что павлину перья так, как и гордость сродна.* Что перья павлину никакого достоинства не придают, понеже они дар природы, а не трудами своими добыты. К тому ж та без трудов от самой своей природы данная ему красота его гордым делает. Сим стихом стихотворец означает дворян спесивых, которые, кроме своего знатного имени, которая украса им от предков доставлена, никакого собственного достоинства не имеют. *Недремно та бодрствует, пока унывает.* Не туды совет клонится, чтоб народа начальникам ночь не спать, но чтоб бодрствовать о благосостоянии народном гораздо больше своих подчиненных. *(Прим. А. Кантемира.)*

Огонь и восковой болван (стр. 30). *Восколей.* Воскового дела мастер; тот, сиречь, кто из воску образчики льет или лепит. *Излив болван.* То, что вылив образчик. *Осягл жар.* Жар тут в именит. падеже, воск в винительном. *Расползлося.* Растопилося. *(Прим. А. Кантемира.)*

М. ЛОМОНОСОВ

В своей «Риторике» (1748) М. Ломоносов первый в истории русской литературы дал определение жанра басни.

«Притча,— писал он,— есть также краткий вымысл, соединенный со нравоучением, которое из оного следует. Примеров довольно видеть можно в Езопе. Такие притчи, как и все вымыслы, разделяются на *натуральные, ненатуральные* и *смешанные.* Натуральные суть те, в которых ничего чрезъестественного не заключается, как притча о женщине и о лекаре. Ненатуральные, в кото-

рых бессловесным животным дается слово или действия человеческие, как притча о журавле и о лисице. Смешанные суть те, которые состоят из разговоров или действий натуральных и ненатуральных, например, как жаворонок с человеком разговаривает».

Басни в творчестве Ломоносова занимают скромное место. Специально для «Риторики» он написал три басни, которые впоследствии неоднократно перепечатывались.

Печатаются по изданию: М. Ломоносов, Краткое руководство к красноречию, кн. I, Риторика, СПб. 1748.

В. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) — поэт и теоретик литературы. Родился в Астрахани, в семье священника. По окончании в Москве Славяно-греко-латинской академии Тредиаковский путешествует за границей: в Голландии, во Франции. В 1732 году утверждается переводчиком Академии наук. В 1735 году публикует «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». При дворе и в Академии наук Тредиаковский терпел беспрерывные унижения и насмешки, тогда как своею деятельностью литератора и ученого он многое сделал для развития русской литературы. Недаром впоследствии его деятельность высоко оценил А. Пушкин.

Среди многообразных поэтических опытов и трудов Тредиаковского басни занимают видное место. Интересны поиски Тредиаковского в области метрики. Он пытался применить и в басне придуманный им «хореический гекзаметр». Именно поэтому он назвал свои басни так: «Несколько Езоповых басенок, для опытка гексаметрами ямбическим и хореическим составленных». Ямбическим гекзаметром Тредиаковский называл шестистопный ямб (александрийский стих), хореическим — тринадцатисложный размер с семью ударениями (например, бас*ня* «Ворон и Лисица»). Написаны басни Тредиаковского, по-видимому, в самом начале 1750-х годов (всего 51 басня).

Печатаются по изданию: В. Тредиаковский, Сочинения и переводы, СПб. 1752, т. I.

А. СУМАРОКОВ

Александр Петрович Сумароков (1718—1777) — один из виднейших представителей русского классицизма. Получил образование в Шляхетном корпусе в Петербурге. Некоторое время был

на военной службе. С 1736 года он — директор первого императорского театра. Литературная деятельность Сумарокова была исключительно разнообразной: он выступал как драматург, поэт-одописец, сатирик, лирик, а также как критик, теоретик, публицист.

Притчи А. П. Сумарокова стали появляться в журналах начиная с 1755 года. Они печатались в «Ежемесячных сочинениях», «Трудолюбивой пчеле», «Полезном увеселении» и других журналах. В 1762 году басни Сумарокова вышли отдельным изданием в двух книгах под названием «Притчи Александра Сумарокова», а в 1769 году вышла и третья книга «Притчей». В посмертном издании «Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе», осуществленном в 1781 году Н. Новиковым, помещено (в VII т.) шесть книг притчей Сумарокова. Всего им написано свыше трехсот семидесяти притчей — больше, чем кем-либо из русских баснописцев.

Печатаются по изданиям: А. Сумароков, Притчи, кн. 1—2, СПб. 1762; «Полное собрание всех сочинений», ч. VII, М. 1781.

Скупой (стр. 46). *Шелег* — металлический жетон, не имеющий ценности.

Кошка (стр. 47). *Фижбейная юбка* — широкая юбка на каркасе из китового уса.

Яйцо (стр. 48). *Сертят* — шляются без дела.

Блоха (стр. 51). *Минерва* — в римской мифологии богиня мудрости. *Каллиопа* — в греческой мифологии муза красноречия и поэзии.

Пир у Льва (стр. 52). *«И вместо портупей имеют кушаки»...* — то есть вместо перевязи для шпаги (привилегия дворянства) носят кушак (признак купеческого сословия). Сумароков имеет здесь в виду богатых купцов, добивавшихся дворянского звания. *Потазал* — побил, потаскал за волосы.

Жуки и пчелы (стр. 55). Строка из этой басни: «Они работают, а вы их труд ядите» — была взята Н. Новиковым эпиграфом к сатирическому журналу «Трутень» за 1769 год. Басня, по-видимому, обращена против В. Тредиаковского, с которым Сумароков враждовал.

Сова и Рифмач (стр. 55). В басне имеется в виду В. Тредиаковский, который, ссылаясь на свои заслуги по введению силлаботонического стихосложения в русскую поэзию, претендовал на первенство среди современных поэтов.

Коловратность (стр. 56). *Коловратность* — круговращение. Возможно, что тема этой басни навеяна дворцовыми перево-

ротами и придворными интригами периода конца царствования Елизаветы и воцарения Екатерины, когда судьбы многих деятелей круто менялись.

Безногий солдат (стр. 56). Сюжет этой притчи, живой бытовой сценки, взят Сумароковым из русской действительности. *Из ряды* — по договору.

Подьяческая дочь (стр. 58). *Корнет* — чепец, модный французский головной убор. *Флеровый салоп* — верхняя женская одежда из шелковой материи (род круглого плаща). *Трисет* — карточная игра.

Волки и овцы (стр. 61). *Астрея* — в греческой мифологии богиня справедливости *«Римляне сабинок уносят...»* — сказание о похищении римлянами жен древних обитателей Италии — сабинянок. *Подклет* — нижний этаж деревянного дома.

Суд (стр. 63). *Сок* — силой выжать, корыстно воспользоваться.

Кисельник (стр. 64). Восходит к притче Феофана Прокоповича из его слова «В неделю цветную».

Сатир и гнусные люди (стр. 66). В притче Сумароков изобразил свое трудное положение поэта-сатирика в дворянском обществе. Последние два стиха были взяты эпиграфом к новиковскому журналу «Трутень» на 1770 год. *Демокрит* — древнегреческий философ-материалист.

Кот и мыши (стр. 68). *Подьяческий крючок* — извороты, ухищрения в тяжбе.

Порча языка (стр. 73). *Мотонис Н. Н* — русский писатель, друг Сумарокова, член Академии наук, специалист по восточным языкам. *Козицкий Г. В.* — литератор и журналист екатерининской эпохи, редактор журнала «Всякая всячина».

Чинолюбивая Свинья (стр. 74). Римский император *Гай Калигула* (I век), по преданию, хотел назначить свою любимую лошадь консулом (см. притчу «Калигулина лошадь»). *Припадки* — фавор.

Калигулина лошадь (стр. 75) — см. примечание к басне «Чинолюбивая Свинья». *Консул* — высшее должностное лицо в Древнем Риме. *Невтон* — Ньютон, знаменитый английский ученый, математик и физик.

Стряпчий (стр. 75). *Стряпчий* — ходатай по делам, частный поверенный.

Ось и бык (стр. 76). *Тягло тянет* — работает на барщине.

Хвастун (стр. 77) — по сюжету близка к басне Геллерта «Крестьянин и его Сын». Впоследствии этим сюжетом воспользовался Крылов в басне «Лжец».

К о р ш у н в п а в л и н ы х п е р ь я х (стр. 84). *Жеребо* — наполненно, беременно. *Сверстают* — сравняют.

М у ж и к с к о т о м к о й (стр. 86). Сюжет этой басни напоминает былину о Микуле Селяниновиче. В ней Сумароков высказывает свое отношение к крестьянству.

О т р е к ш а я с я м и р а м ы ш ь (стр. 88) — направлена против церковных имущественных привилегий.

В. МАЙКОВ

Василий Иванович Майков (1728—1778) родился в Ярославле, в богатой помещичьей семье. Некоторое время учился в академической гимназии в Петербурге, но, не окончив ее, вернулся в Ярославль. С 1747 и до 1762 года Майков состоял на военной службе в Семеновском полку. В 1768 году был секретарем комиссии по составлению нового «Уложения».

В 1771 году была опубликована его комическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вакх» о похождениях ямщика. Именно комические поэмы принесли Майкову известность. «Нравоучительные басни» Василия Майкова вышли в двух книгах — первая в 1766, вторая в 1767 году. Второе издание вышло в 1788 году.

Печатаются по изданию: В. М а й к о в, Нравоучительные басни, ч. 1—2, М. 1766—1767.

М. ХЕРАСКОВ

Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) в возрасте десяти лет был отдан в Петербурге в Шляхетный кадетский корпус. По выходе из него Херасков недолгое время находился на военной службе, а затем поступил в только что открывшийся Московский университет асессором. С этого времени и начинается литературная деятельность Хераскова. В 1756 году в «Ежемесячных сочинениях» были помещены его первые «притчи», а в 1760 году выходит сборник «Нравоучительных басен» Хераскова. В 1763 году он — директор Московского университета. К 1770-м годам Херасков становится деятельным масоном. Масонские воззрения сказались и в его творчестве, в той философии нравственного самоусовершенствования, которой проникнута его лирика.

Басни печатаются по изданиям: М. Х е р а с к о в, Нравоучительные басни, М. 1764; «Ежемесячные сочинения», июнь, 1756; «Полезное увеселение», декабрь, 1761; «Свободные часы», февраль, 1763.

Б а б о ч к а и П ч е л а (стр. 115). *Аврора* — богиня утренней зари; *Флора* — богиня цветов и юности *(римск. миф.)*.

Д р о в о с е к (стр. 119). *Минерва* — богиня мудрости *(римск. миф.)*.

Д. ФОНВИЗИН

Л и с и ц а - К о з н о д е й (стр. 123) — одно из ранних произведений Д. Фонвизина (1744—1792). Эта «дерзкая» басня-сатира, по всей вероятности, была вызвана смертью императрицы Елизаветы Петровны (1761), усилившей придворные интриги и обострившей борьбу за власть.

Печатается по изданию: Д. Ф о н в и з и н, Собрание сочинений в двух томах, т. I, Гослитиздат, М. 1959.

Кознодей — проповедник. *Пифик* — обезьяна. *Альфреско* — настенная живопись.

М. ЧУЛКОВ

Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1792) происходил, видимо, из семьи мелкого торговца. Учился в «нижней» гимназии для разночинцев при Московском университете. В 1761 году поступил актером в труппу придворного театра. В 1768 году числится придворным лакеем, позже служит уже в сенате, а к концу жизни — надворным советником «при кабинете» Екатерины II. Чулков написал огромное количество произведений самого разнообразного содержания и характера, в том числе авантюрно-бытовой роман «Пригожая повариха» (1770). В 1766—1768 годах Чулков выпускает сборник сказок и новелл «Пересмешник, или Славенские сказки», издает сатирический журнал «И то и сио» (1769), в котором и помещает свои басни.

Печатаются по журналу «И то и сио», сентябрь, ноябрь, 1769.

М. ПОПОВ

Михаил Иванович Попов (1742—1790) учился в Московском университете. Был актером придворного театра. В 1767 году работал секретарем комиссии по составлению нового «Уложения». Еще работая в театре, Попов сблизился с М. Чулковым, совместно с которым издал ряд книг. М. Попов был поэтом и переводчиком. В 1768 году он выпустил сборник «Описание древнего славенского языческого баснословия», а в 1770—1771 годах пытается создать свод славянской мифологии: «Славенские древности,

или Приключения славенских князей». В своем творчестве Попов ориентировался на широкого демократического читателя. Наибольшую известность Попову принесла его комическая опера «Анюта» (1772).

Печатаются по изданию: М. Попов, Досуги, СПб. 1772.

Два вора (стр. 134). *Серяк* — некрашеное домотканое сукно.

А. АБЛЕСИМОВ

Александр Онисимович Аблесимов (1742—1783) родился в Галичском уезде Костромской губернии. Отец его, небогатый провинциальный помещик, не мог дать сыну сколько-нибудь солидного образования, и будущий писатель поступил на службу в лейб-кампанскую канцелярию. Молодой канцелярист переписывал А. П. Сумарокову набело его стихи и пристрастился к литературе. Впоследствии Аблесимов перевелся в комиссию сочинения нового «Уложения», затем перешел на военную службу. Дослужившись до капитанского чина, он вышел в отставку и поступил экзекутором в Московскую управу благочиния. В этой должности он и умер в крайней бедности. В 1781 году Аблесимов начал издавать (хотя и без обозначения своего имени) особый журнал под названием «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего», в котором и печатал свои басни. Подлинную известность ему принесла комическая опера «Мельник, колдун, обманщик и сват», долго не сходившая со сцены.

Печатаются по журналу «Рассказчик забавных басен», М. 1781.

Приказная уловка (стр. 139). *«Читал печатное...»* — Имеется в виду журнал Екатерины II «Всякая всячина», в котором подьячие брались под защиту именно так, как это здесь изложено. *«Указ подьячих испужал...»* — Указ, изданный Екатериной II вскоре после восшествия на престол, запрещал взятки, но не обеспечивал никаких гарантий выполнения его.

И. ХЕМНИЦЕР

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) родился в Астраханской губернии, в семье малосостоятельного штаб-лекаря. Когда будущему баснописцу исполнилось одиннадцать лет, его отец с

семьей переселился в Петербург, где мальчика стали готовить к медицинской карьере. В 1757 году двенадцатилетний Хемницер самовольно поступил в солдаты в пехотный полк. Во время Семилетней войны (1756—1763) принял участие в походе в Германию. Хемницер пробыл на военной службе двенадцать лет. По выходе в отставку поступает на службу в Горное ведомство. В 1776 — 1777 годах совершает путешествие по Европе. По возвращении он продолжал свою работу в области минералогии и опубликовал ряд специальных трудов. В 1779 году Хемницер анонимно издал небольшой сборник под заглавием «Басни и сказки NN», позже доставивший ему литературную известность.

В 1782 году Хемницер получил место русского консула в Смирне. Около полутора лет пробыл он в далеком азиатском городе, болел, тяжело переживал свое одиночество, мечтая об отставке и пенсии.

В 1799 году вышло посмертное издание басен Хемницера, подготовленное друзьями баснописца — Н. Львовым и В. Капнистом, внесшими в текст многочисленные исправления. Лишь в 1873 году появилось издание сочинений И. Хемницера под ред. Я. Грота, в котором восстановлен подлинный текст басен по рукописям Хемницера.

Печатаются по изданию: И. Хемницер, Полное собрание стихотворений, М.—Л. 1963.

Дерево (стр. 146). Идея басни — шаткость, неустойчивость положения вельмож при царском дворе. Сюжет этой басни использовал Крылов в одноименном произведении. *Вулкан* — в римской мифологии бог огня и кузнечного ремесла, здесь: бог подземного огня.

Два соседа (стр. 148). Сюжет басни предвосхищает «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. Гоголя. *«Пока все животы судьям перетаскали...»* — то есть все свое имущество.

Лжец (стр. 151). Сюжет этой басни, идущий от Геллерта, использовал Крылов в одноименном произведении. *«В то время самое, как опыты те были...»* — Речь идет об опытах действия огня на алмазы, на которых присутствовал Хемницер во время службы в Горном училище.

Барон (стр. 153). По своему сюжету восходит к басне Геллерта «Пожалованный в бароны мещанин». *Гайдуки* — здесь слуги. *Щечить* — таскать украдкой, воровать. *Аргус* — в греческой мифологии многоглазый великан.

Богач и бедняк (стр. 156). *«Хоть родом будь из коню-*

хов...» — намек, вероятно, на фаворита Анны Иоанновны — Бирона, дед которого был конюхом.

Стряпчий и воры (стр. 165). *Оправить* — оправдать. *Расщечить* — растаскать, разворовать.

Дионисий и министр его (стр. 167). *Дионисий* — сиракузский тиран, отличавшийся крайней подозрительностью и жестокостью.

Привилегия (стр. 172). *«Здесь об откупщиках словцо одно сказать...»* — намек на указ о винных откупах, позволявший откупщикам увеличивать цены на водку.

Метафизический ученик (стр. 178). До издания Я. Гротом в 1873 году «Сочинений и писем И. И. Хемницера по подлинным его рукописям» эта басня печаталась в редакции В. Капниста под названием «Метафизик». Стих капнистовской редакции «Веревка! — вервие простое!» стал распространенной поговоркой.

В одной из своих работ эту басню упоминает В. И. Ленин (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 2, Госполитиздат, М. 1958, стр. 418).

Высоко оценил басню В. Белинский: «Наконец явился талантливый Хемницер и написал своего превосходного «Метафизика», который и доныне и всегда будет превосходен как ловко написанная эпиграмма...» (В. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 147).

Народ и идолы (стр. 183). *«Жрецы на жерновах водою разъезжали...»* — По-видимому, имелась в виду легенда об Антонии Римлянине, новгородском «чудотворце», переплывшем на камне море.

И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) родился в семье симбирского помещика. На восьмом году был отдан в пансион сначала в Казани, а затем в Симбирске. Четырнадцатилетним подростком он в силу «стесненных обстоятельств» вступает рядовым в Семеновский полк, в Петербурге, в который был записан с малолетства. Пробыв несколько месяцев в полковой школе, он в течение ряда лет служил унтер-офицером, затем офицером.

В 1790 году Дмитриев познакомился с Державиным и с кругом писателей, близких к нему (Богдановичем, Львовым и другими). По словам самого Дмитриева, с этим знакомством ему «открылся путь и к Парнасу». Большое влияние на творчество Дмитриева оказал Карамзин, с которым его связывала общность литературной

позиции и творческих принципов. В 1795 году, вслед за Карамзиным, издавшим книгу «Мои безделки» (1794), Дмитриев выпустил сборник своих стихотворений «И мои безделки», подчеркнув тем самым свою приверженность к Карамзину.

Деятельность Дмитриева как баснописца фактически закончилась 1810 годом, когда вышло третье, «исправленное и умноженное» издание его басен. Изданием сочинений в 1823 году он как бы подвел итог своей литературной деятельности.

Печатаются по изданиям: И. Дмитриев, Басни, СПб. 1810; «Стихотворения», ч. I, СПб. 1823.

Мышь, удалившаяся от света (стр. 189). *Дервиш* — восточный монах, отшельник.

Дуб и Трость (стр. 190). *Зефир* — теплый ветер; *Аквилон* — северный холодный ветер *(греч. миф.)*.

Мудрец и поселянин (стр. 199). В басне развивается руссоистская философия естественной жизни. *Зенон, Эпикур и Платон* — древнегреческие философы.

Дон-Кишот (стр. 202). *Селадон* — сентиментальный вздыхатель, герой романа Юрфе «Астрея».

В. ЖУКОВСКИЙ

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852) — выдающийся поэт и переводчик, один из предшественников русского романтизма.

Басни В. Жуковского обычно мало привлекают внимание исследователей. Сам Жуковский, обратившийся к этому жанру преимущественно в 1806—1807 годах, когда появились первые басни Крылова, также впоследствии не включал басни, напечатанные в 1807 году в «Вестнике Европы», в собрания своих сочинений.

Печатаются по изданию: В. Жуковский, Сочинения, т. I, СПб. 1878.

В. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин (1767—1830), дядя А. С. Пушкина, родился в 1770 году в Москве в состоятельной дворянской семье и получил блестящее домашнее образование. Благодаря своему остроумию и сценическому дарованию В. Пушкин сделался любимцем московских салонов. Поэтические мелочи — шарады, буриме, стихотворные экспромты, шутливые куплеты, стихи в альбомы, эпиграммы — были излюбленной формой его литературной деятель-

ности. Современники ценили остроумие и легкость стиха В. Пушкина, сближавшие его с И. Дмитриевым. Будучи другом и приверженцем Карамзина, В. Пушкин принял участие в литературной борьбе «Арзамаса» с «Беседой», откликнувшись на полемику двумя посланиями, направленными против Шишкова и его сторонников. Широкую известность получила комическая поэма В. Пушкина «Опасный сосед», написанная в 1811 году. Поэма не была тогда напечатана в силу ее фривольного характера. Басни В. Пушкина относятся к 10—20-м годам XIX века.

Печатаются по изданию: В. Пушкин, Сочинения, СПб. 1855.

Д. ДАВЫДОВ

В творческом наследии поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова (1784—1839) басни занимают количественно небольшое место. Однако они сыграли видную роль в русской «потаенной» поэзии XIX века. Басни Давыдова (1803), направленные против деспотизма и самодержавия, получили большую популярность в прогрессивных и революционно настроенных кругах русского общества. Они распространялись конспиративно, в списках.

Печатаются по изданию: Д. Давыдов, Сочинения, М. 1962.

Голова и Ноги (стр. 235). Басня обращена против самодержавия, автор резко полемизирует с учением об абсолютной власти монарха (голова — монархия, ноги — народ), указывая на решающую роль народа, «имеющего право» «твое величество о камень расшибить».

Река и зеркало (стр. 236). В одном из списков имеет заголовок «Деспот», точно передающий смысл басни, направленной против деспотизма самодержавной власти.

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), друг Пушкина и многих декабристов, играл видную роль в литературной жизни 1810—1820-х годов, принимая деятельное участие в «Арзамасе» и выступая ярым защитником сначала Карамзина и сентиментализма, а затем, позднее, романтизма и Пушкина. В 1820 году Вяземский подписал прошение об освобождении крестьян, за что был отстранен от службы и ряд лет находился в опале; позже он пришел к примирению с правительством и сделал видную служебную карьеру в министерстве народного просвещения. Расцвет творчества Вяземского как поэта относится преимущественно к первой четверти XIX века. В эти годы и сложился его легкий, остроумный

и точный стих. П. Вяземский писал элегии и романсы и даже торжественные оды. Заметное место в его наследии занимают сатирические стихи, злые и острые эпиграммы, стихотворные фельетоны. Эпиграмматичность стиля сказалась и в написанных им в 10—20-х годах баснях.

Печатаются по изданию: П. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. III, СПб. 1880.

Доведь (стр. 242). *Доведь* — шашка, проведенная в дамки.

А. НАХИМОВ

Аким Николаевич Нахимов (1782—1814) был сыном небогатого помещика Богодуховского уезда Харьковской губернии. Образование он получил в благородном пансионе при Московском университете. По выходе из пансиона поступил на военную службу, затем вскоре перешел на статскую службу в Петербурге. В 1808 году Нахимов окончил словесное отделение Харьковского университета, после чего поселился в своей деревеньке и предался сочинительству. В эти же годы он преподает в Харьковском университете.

В сатирах и баснях он высмеивал «приказных» и «канцеляристов».

Басни печатаются по изданиям: А. Нахимов, Сочинения в стихах и прозе, Харьков, 1815; «Русская старина», 1880, ноябрь.

Живописец (стр. 252). *Рафаил* — Рафаэль, великий итальянский живописец.

Парик и болван, на котором его расчесывают (стр. 253). *Болван* — деревянная форма для парика.

Повестка (стр. 254). *Алтынница* — скряга, скупая.

Ассигнация и алтын (стр. 255). *Алтын* — старинная медная монета (три копейки). *Крюк* (судейская плутня) — прозвище подьячего, чиновника.

Крыса и секретарша (стр. 256). *Хабар* — барыш.

А. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) родился в обедневшей помещичьей семье во Владимирской губернии. Образование будущий баснописец получил в Петербурге в Горном кадетском корпусе, куда был отдан в двенадцатилетнем возрасте. По окончании корпуса поступил на службу в Экспедицию государственных доходов, где и прослужил до 1826 года. С этого времени

служебная деятельность Измайлова протекала преимущественно в провинции: сначала он был вице-губернатором в Твери, а затем — в той же должности — в Архангельске. Не поладив там с губернатором, которого он изобличал в беззаконных поступках, Измайлов в 1829 году возвратился в Петербург и последние годы жизни занимался преподаванием. Умер поэт в бедности, почти в нищете. Свою чиновничью службу Измайлов совмещал с сочинительством В нравоучительно-сатирическом романе «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799) Измайлов продолжал демократические тенденции сатиры XVIII века. Этот роман характерен для творчества Измайлова, умудрявшегося сочетать грубоватый натурализм сатиры XVIII века с салонной чувствительностью сентиментализма. В 1802 году Измайлов вступил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». В 1807 году Измайлов был избран секретарем Общества, и вплоть до 1825 года руководил его деятельностью.

Басни Измайлова стали появляться в печати с 1805 года. В 1814 году вышло первое издание «Басен и сказок»; дополненное новыми произведениями, оно при жизни автора выдержало еще четыре издания.

Печатается по изданиям: А. Измайлов, Басни и сказки в трех частях, СПб. 1826; Басни и сказки, СПб. 1839.

Два Осла (стр. 269). *Фенелон* — французский писатель и педагог. Его роман о Телемаке в 1766 году был переведен В. Тредиаковским.

Блины (стр. 272). Эта басня, написанная в 1821 году, высмеивала религиозное ханжество, насаждавшееся министром народного просвещения Голицыным и ему подобными.

Видимо, по цензурным причинам, строка «Ах! Как он богомолен!» была заменена другой: «Опрятен и проворен!»

Слезы Кащея (стр. 278). *Платон* (Левтин), *Леванда* — известные проповедники XVIII века.

Лгун (стр. 289). В басне высмеивается издатель «Отечественных записок» Павел Свиньин, собиратель памятников старины, путешественник и историк. В своих статьях и заметках он неоднократно сообщал небылицы.

М. СУХАНОВ

Михаил Дмитриевич Суханов (1801—1843), поэт-крестьянин даровитый самоучка, родился в деревне Славянской, Архангельской губернии. Рано выучившись грамоте, мальчик пристрастился к чте-

нию. Случайно ему в руки попались стихотворения Ломоносова, которыми он увлекся и стал им подражать. Одиннадцати лет будущий поэт был отдан «мальчиком» в лавку купца в Архангельске. В 1824 году Суханов поселился в Петербурге и стал систематически печататься в журналах. В 1828 году им была издана книжка «Басни, песни и разные стихотворения», за которую российская Академия присудила ему серебряную медаль. Однако от этого положение крестьянина-поэта не улучшилось, и в борьбе с бедностью он вынужден был писать для книгопродавцев ходкие тогда сонники и «оракулы».

Печатаются по изданию: М. Суханов, Басни, песни и разные стихотворения, СПб. 1828.

А. ПУШКИН

А. Пушкин написал всего лишь одну басню, полемического характера — «Сапожник» (1829), направленную против Н. Надеждина. В 1829 году Надеждин выступил в журнале «Вестник Европы» с резкими и несправедливыми нападками на «Полтаву» и «Графа Нулина», упрекая Пушкина в несоблюдении эстетических правил. Поэт ответил на это своей «притчей».

И. КРЫЛОВ

Великий русский баснописец Иван Андреевич Крылов (1769—1844) родился в Москве в семье армейского офицера. После смерти отца в 1778 году Крылов вынужден был пойти на службу подканцеляристом. Четырнадцатилетним подростком он перебирается из Твери в Петербург, привезя с собой первую написанную им пьесу — комическую оперу «Кофейница». В течение ряда лет Крылов состоит на службе канцеляристом в Казенной палате, продолжая занятия литературой. Он пишет стихи, трагедии, комедии, которые, однако, не увидели света. Подлинная известность приходит к Крылову в 1789 году, когда он предпринимает издание сатирического журнала «Почта духов». Сатирические письма-фельетоны молодого Крылова обратили на себя внимание правительства резкостью сатиры на вельмож, дворянство, чиновничество, и к концу года журнал был закрыт. Крылов на протяжении ближайших лет пытается продолжать свою журнальную деятельность, издавая журналы «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Однако, подвергаясь гонениям со стороны правительственных кругов, он вынужден был уехать из Петербурга — сначала в

Москву, а затем затеряться в провинции. В эти годы он пишет едкую сатиру на царствование Павла I — «шутотрагедию» «Трумф» (или «Подщипа»). В 1806—1807 годах Крыловым написаны пьесы — «Модная лавка» и «Урок дочкам», имевшие большой успех у театрального зрителя.

Лишь в 1806 году он снова возвращается в столицу и выступает со своими баснями, сразу же завоевавшими широкую популярность. В эти годы он сближается с А. Н. Олениным и его семьей и становится постоянным посетителем кружка Оленина. В 1812 году Крылов поступает на службу в Публичную библиотеку (ныне имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), где прослужил в течение многих лет.

В 1809 году выходит первая книжка басен Крылова. Вслед за ней Крылов издает новые дополненные сборники своих басен. «Изданиям басен И. А. Крылова потерян счет,— писал Белинский.— ...Таким успехом не пользовался на Руси ни один писатель, кроме Ивана Андреевича Крылова» (В. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 114).

«Басни» в девяти книгах, подготовленные им в последние месяцы жизни, в 1843 году, выходят уже после смерти баснописца.

Печатаются по изданию: И. Крылов, Сочинения в двух томах, т. 2, Гослитиздат, М. 1955.

Ворона и Курица (стр. 313). Басня навеяна карикатурой И. Теребенева «Французский вороний суп», относящейся ко времени пребывания французов в Москве. *Смоленский Князь* — М. И. Кутузов.

Парнас (стр. 317). В этой басне Крылов высмеял писателей из «Беседы любителей русского слова» во главе с А. С. Шишковым, выступавших с защитой принципов уже устаревшего классицизма. В «красно-хитро-сплетенной» речи Осла Крылов высмеивает архаические формы языка, в частности церковнославянский язык, которым пользовались классицисты.

Синица (стр. 320). В основе басни народная пословица: «Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много наделала». *Нептунова столица.*— Здесь подразумевается Петербург, расположенный на берегу моря (Нептун — бог моря в римской мифологии).

Троеженец (стр. 322). Написана в связи с громким бракоразводным процессом военного историка Е. Б. Фукса, обвенчавшегося в третий раз, не оформив развода со своей второй женой. Дело долго тянулось, пока царским указом не был восстановлен второй брак Фукса.

Собачья дружба (стр. 327). *Орест и Пилад* — в греческой мифологии два неразлучных друга.

Раздел (стр. 328). Басня написана в период Отечественной войны 1812 года и разоблачала эгоистические стремления господствующих классов в момент всеобщей опасности, угрожавшей стране.

Волк на псарне (стр. 329) — отклик на полученное в Петербурге известие о мирных предложениях Наполеона, сделанных им Кутузову через французского посла Лористона 23 сентября (5 октября) 1812 года. Кутузов, однако, решительно отверг эти предложения. По словам одного из современников, Крылов передал жене Кутузова собственноручный список этой басни, который она переслала мужу. После сражения под Красным Кутузов прочитал басню собравшимся вокруг офицерам и при словах: «А я, приятель, сед...» — снял свою фуражку.

Щука и Кот (стр. 336). В этой басне Крылов осмеивает слишком медленные действия адмирала Чичагова, командовавшего в 1812 году Южной армией. Чичагов должен был отрезать путь отступления разгромленным войскам Наполеона через Березину. Благодаря опозданию Чичагова отдельным частям наполеоновской армии удалось уйти.

Обоз (стр. 339). В 1812 году после занятия французами Москвы Александр I потребовал от Кутузова быстрых действий против проникшего в глубь России неприятеля. Кутузов же, верный осторожной тактике, медлил, постепенно осуществляя свой стратегический план, основанный на истощении противника. Крылов в этой басне оправдывает тактику Кутузова.

Осел и Соловей (стр. 341). По рассказам современников, эта басня была написана Крыловым в насмешку над знакомым вельможей, который, прослушав несколько его басен (в том числе переводы из Лафонтена), спросил: «Это хорошо, но почему вы не переводите так, как Иван Иванович Дмитриев?» — «Не умею»,— скромно отвечал поэт.

Кот и Повар (стр. 348). Эта басня, написанная в 1812 году еще до начала войны, выражала убеждение русских патриотических кругов в необходимости принятия срочных и решительных мер против угрозы вторжения Наполеона в Россию.

Гуси (стр. 352). По древнеримскому преданию, гуси, дремавшие на городской стене, оповестили своим криком население Рима о внезапном нападении галлов и тем помогли спасению города. Мысль о том, что «заслуги предков никому не придают знаменитости», Крылов высказывал неоднократно и раньше в своих сатирических статьях «Почты духов».

К в а р т е т (стр. 355). Сохранилось свидетельство, что поводом к написанию Крыловым этой басни послужили изменения в составе Государственного совета в 1810 году, приведшие к продолжительным прениям о том, как рассадить председателей четырех департаментов, на которые был разделен Государственный совет.

Л е б е д ь, Щ у к а и Р а к (стр. 357). В этой басне видели намек на неурядицы в Государственном совете.

Д е м ь я н о в а у х а (стр. 364). По словам биографа, современника Крылова, эта басня была написана им под впечатлением заседаний в «Беседе любителей русского слова», на которых зачастую бездарные пииты душили всех чтением бесконечно длинных произведений. После одного из таких утомительно-тоскливых чтений Крылов прочел басню «Демьянова уха», рассмешившую всех собравшихся близостью ситуации.

П о д а г р а и П а у к (стр. 368). *«Слух этот Лафонтен по свету распустил...»* — Речь идет об одноименной басне французского баснописца Лафонтена.

К л е в е т н и к и З м е я (стр. 371). В основе басни народная пословица — «Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь». *Вельзевул* — сатана.

М у р а в е й (стр. 376). Первоначально басня заканчивалась следующими стихами, снятыми по цензурным причинам:

Так, дворянин или чиновник там иной
В уезде у себя и важен и завиден.
И всех он там знатней,
И всех славней,
И всех умней,
В столицу ж приезжай — как этот муравей,
Чуть-чуть он будет виден.

С о в е т М ы ш е й (стр. 378). Баснописец, возможно, имел в виду учреждение Государственного совета, преобразованного в 1810 году по проекту Сперанского из Непременного совета.

С о л о в ь и (стр. 385). В этой басне Крылов под Соловьем подразумевал, по-видимому, самого себя, а под Птицеловом — А. Н. Оленина, осуществлявшего негласный контроль над творчеством баснописца.

К р е с т ь я н и н и О в ц а (стр. 386). В. Г. Белинский отозвался о ней как об «одной из лучших басен Крылова» (В. Б е л и н с к и й, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 573).

В о л к и М ы ш о н о к (стр. 388). Ниже приводится первоначальная редакция заключительных строк этой басни:

У Климыча-судьи часишки вор стянул,
Он тож кричит на вора: караул,
Хлопочет.
Рад целый мир поднять вверх дном;
А этого и вспомнить он не хочет,
Что сам имение все нажил грабежом.

Кошка и Соловей (стр. 391). В этой басне Крылов намекал на трудное положение русских писателей,— и, в частности, на свое,— находившихся под строгим контролем правительственной цензуры, не разрешавшей писать что-либо дурное о крепостном праве, произволе чиновников и т. п.

Рыбья пляска (стр. 392). По свидетельству современников, в этой басне заключался намек на подлинный исторический факт, относящийся к поездке Александра I по России. В одном из городов, где он останавливался, в губернаторском доме, Александр I увидел в окно приближавшуюся к дому толпу людей. На вопрос царя, что это означает, губернатор ответил, что это депутация от жителей, желающих принести благодарность за состояние края. Александр, спеша отъездом, не принял этих лиц, которые на самом деле шли с жалобой на губернатора.

Здесь помещена первоначальная редакция, запрещенная цензурой.

Прихожанин (стр. 393). Написана в ответ на стихотворное послание П. А. Вяземского «И. И. Дмитриеву», в котором в числе знаменитых баснописцев Иванов (Лафонтен, Хемницер и Дмитриев) Крылов не был даже упомянут.

Пестрые овцы (стр. 395). При жизни Крылова по цензурным причинам не была напечатана. Эта басня, по мнению одних комментаторов, явилась откликом на репрессии против передовой профессуры в Петербургском университете в 1822 году. Другие считают, что она написана в связи с событиями в Семеновском полку в 1821 году. В ответ на возмущение против жестокого обращения командира с солдатами полк был, по приказанию царя, сурово наказан: солдаты были распределены по гарнизонам в самых нездоровых и опасных местах.

Кукушка и Орел (стр. 398). В этой басне высмеивается реакционный писатель Фаддей Булгарин, автор бездарного романа «Иван Выжигин», пользовавшийся особым покровительством царя.

Булат (стр. 400). Современники относили эту басню к судьбе героя Отечественной войны 1812 года — генерала Ермолова, заподозренного Николаем I в сочувственном отношении к декабристам и отставленного от дел.

Мирон (стр. 402). Имя Мирон в переводе с греческого означает «каплющий елеем», что подчеркивает сатирическую направленность басни, обличающей лицемерие и ханжество богачей и вельмож.

Пастух (стр. 406). В основе басни пословица: «На волка токмо слава, а овец таскает Савва».

Кукушка и Петух (стр. 411). По мнению современников, в басне высмеиваются реакционные писатели Булгарин и Греч, восхвалявшие друг друга в тогдашних журналах и газетах. В сборнике «Сто русских литераторов», в котором впервые напечатана эта басня, помещена была карикатура, изображавшая Булгарина и Греча с головами петуха и кукушки.

Вельможа (стр. 411) — последняя басня Крылова, написанная им в 1834 году. Цензура почти два года не разрешала ее печатать. В ней использованы сатирические мотивы крыловской «Почты духов». Басня получила высокую оценку Белинского (В. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 578). *Эак* — сын Зевса, один из трех судей в Аиде, подземном царстве Плутона *(греч. миф.)*.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Козьма Прутков — псевдоним братьев Жемчужниковых — Алексея (1821—1908), Александра (1824—1895) и Владимира (1830—1884), и известного писателя Алексея Константиновича Толстого (1817—1875). Стихи Козьмы Пруткова родились из шуточных забав и экспромтов этих авторов, объединившихся под одним псевдонимом. Произведения Козьмы Пруткова печатались с 1851 года в сатирическом отделе «Современника» — «Литературный ералаш», а затем в «Искре» и в «Свистке», сатирическом приложении к «Современнику».

Многие стихи Козьмы Пруткова направлены против изживших себя литературных жанров и тем, пародируют приемы «чистого искусства».

Басни Пруткова не являются пародией на какие-либо конкретные басни, они развенчивают ложную «мудрость», «глубокомысленность» морали, басенные штампы, архаичность формы иных баснописцев — эпигонов Крылова.

Первое «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» вышло в 1884 году.

Печатаются по изданию: «Сочинения Козьмы Пруткова», Гослитиздат, М. 1955.

Д. МИНАЕВ

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889) родился в Симбирске, в семье литератора. Известный сатирик, автор многочисленных пародий, эпиграмм, стихотворений. Сотрудник революционно-демократической прессы 60—70-х годов («Русского слова», «Свистка», «Современника», «Искры»). В его обширном творческом наследии имеется несколько басен, относящихся к концу 60—80-х годов.

Печатаются по изданию: Д. Минаев, Собрание стихотворений, М.—Л. 1947.

Добрый пес (стр. 425). *«Голос»* — умеренно-либеральная газета, издававшаяся А. Краевским.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ[1]

Демьян Бедный (псевдоним Ефима Алексеевича Придворова) (1883—1945) родился в семье крестьянина-бедняка в деревне Губовка, Херсонской губернии. После службы в армии, сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, Д. Бедный учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Стихи Д. Бедного начали появляться в печати с 1899 года, но подлинная известность пришла в период сотрудничества в большевистской газете «Звезда» (1911), а затем в «Правде». Бедный писал в разных жанрах: лирические, гражданские стихи, поэмы, песни и басни, доставившие ему широкую популярность. Первые басни Д. Бедного публиковались на страницах большевистской печати. В 1913 году они появились отдельной книгой — «Басни», их новое издание вышло в 1917 году.

В стихах и баснях Д. Бедного отразились настроения пролетариата, пропагандировались лозунги большевистской партии. В 1917 году в «Правде» печаталась повесть-поэма Д. Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю» — о приходе крестьянских масс к революции. В годы гражданской войны он писал песни («Проводы» и др.), сатиры на белогвардейцев, пользовавшиеся большой популярностью в народе. Одним из наиболее значительных произведений 20-х годов явилась поэма «Главная улица».

---

[1] В этом разделе использованы материалы примечаний Собрания сочинений Д. Бедного в восьми томах, **тт. 1—3**, Изд-во «Художественная литература», М. 1963—1964.

В послереволюционные годы Д. Бедный возвращается к басенному жанру, в частности, в годы Великой Отечественной войны написал ряд басен, направленных против гитлеровских захватчиков.

Печатаются по изданиям: Демьян Бедный, Сто басен, М. 1935; Собрание сочинений в пяти томах, тт. 1—3, Гослитиздат, М. 1963—1965.

Рыболовы (стр. 429). Басня направлена против меньшевиков-ликвидаторов, которые пытались повернуть рабочее движение с революционного пути. *«Нырни поглубже в воду!..»* — намек на необходимость углубления нелегальных форм революционной работы.

«Трибун» (стр. 431). *Маклаций* — адвокат В. А. Маклаков, член Государственной думы, деятель правого крыла кадетской партии. Выступал в Думе с либеральными демагогическими речами и одно время за большие гонорары защищал в суде финансовых воротил, совершавших преступления.

Отцы и дети (стр. 432). *Меньшиков М. О.* — журналист, сотрудник черносотенной газеты «Новое время». *Митрофанушка* — персонаж комедии Д. Фонвизина «Недоросль».

«Народник» (стр. 434). Написана в связи с выборами в IV Государственную думу в 1912 году, во время которых представители буржуазно-помещичьих партий пытались завоевать на свою сторону крестьян.

Гуманность (стр. 436). *Лисий Нос* — поселок на берегу Финского залива под Петербургом, где приводились в исполнение смертные приговоры над революционерами.

Кашевары (стр. 441). Направлена против меньшевиков и ликвидаторов.

«Пес» (стр. 444). *Пес* — сатирическое прозвище штрейкбрехеров.

Волк (стр. 447). Басня направлена против меньшевистских «соглашателей».

Сватовство (стр. 448). *«Прогрессистка»* — так называемая «прогрессивная партия», представлявшая интересы буржуазии и выступавшая на думских выборах в блоке с кадетами.

Гипнотизер (стр. 450). Написана в связи с выборами в IV Государственную думу, разоблачает антидемократический характер и лживость буржуазно-помещичьих партий, обманывающих крестьян-избирателей.

Лапоть и сапог (стр. 452). Басня являлась откликом на столыпинскую земельную реформу, которая привела к массовому разорению крестьян.

Гастролер (стр. 454). Направлена против предвыборной агитации правых партий. *Союзник* — представитель черносотенной партии «Союз русского народа». *Эсдек* — социал-демократ.

«Умница» (стр. 457). Басня посвящена «российским... «патриотам», под которыми подразумеваются реакционеры-черносотенцы, насаждавшие шовинизм.

Бунтующие зайцы (стр. 462). Написана в 1912 году. Высмеивала демагогические выступления лидеров буржуазной партии «октябристов» (Гучкова и др.). По свидетельству В. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин обратил внимание на эту басню. «Я стал,— вспоминает он,— рассказывать аллегорическое значение некоторых басен Демьяна и, когда мы дошли наконец до басни «Бунтующие зайцы», где Гучков изображен главарем этих зайцев, стоящим на пригорке и ораторствующим, а все его последователи-октябристы в конце концов, с перепугу, бесконечной чередой улепетывающими во все лопатки в кусты,— Владимир Ильич пришел в восторг: «Вот это настоящая оппозиция его величества. Вот это, с позволения сказать, русский парламент! Замечательно! Но они-то сами понимают, что Демьян так их разделывает?» («На литературном посту», 1931, № 4, стр. 5—6).

Свеча (стр. 465). За опубликование этой басни в журнале «Просвещение» в 1913 году, № 2, номер журнала был конфискован. Арест журнала был вызван тем, что басня изобличала подлинный смысл «высочайшего манифеста» 17 октября 1905 года. Чтобы обмануть народ и разоружить революцию, царское правительство обещало в нем всяческие «гражданские свободы». Об этом времени напоминает Д. Бедный и в концовке басни («Читатель... помнишь ли те дни...»).

«Натуралист» (стр. 466). *«Попал в министры под конец...»* — Имеется в виду А. Н. Хвостов, нижегородский губернатор, крупный помещик, известный своими служебными злоупотреблениями и развратным поведением. В 1915 году был назначен министром внутренних дел и шефом жандармов.

Хозяин (стр. 469). Номер газеты «Рабочая правда» от 23 июля 1913 года, где напечатана впервые эта басня, был конфискован.

«Благодетель» (стр. 471). Номер журнала «Просвещение» (№№ 7—8, 1913 г.), где впервые опубликована басня, был конфискован. «Благодетель» (как и «Хозяин»), по словам цензора, призывала «к классовой борьбе рабочих и приказчиков с хозяевами и предпринимателями».

«Ответ» (стр. 472). *Коковцев В. Н.* — реакционный деятель, крупный бюрократ.

Ерши и вьюны (стр. 473). Басня разоблачает меньшевиков-ликвидаторов («вьюны»).

Щука и ерши (стр. 475). Явилась откликом на борьбу рабочих за право на свободу страховых обществ. Руководители этих обществ устраивали лекции и вели пропагандистскую работу среди рабочих. Стремление хозяев-промышленников навязывать рабочим своих лекторов и осмеивается в этой басне. *Бадаев А. Е.* — большевик, депутат Государственной думы. *Литвинов-Фалинский* — чиновник министерства торговли.

Добряк (стр. 477). Басня имела в виду демагогическую «благотворительность» предпринимателей, которые давали мизерные суммы на борьбу с беспризорными, одновременно увольняя тысячи рабочих.

Слепой и фонарь (стр. 477). Направлена против ликвидаторов, прикрывавшихся псевдомарксистской фразеологией.

Купидоша (стр. 478). *Унтер Пришибеев* — персонаж одноименного рассказа Чехова, ставший синонимом грубой полицейской власти.

В церкви (стр. 481). Басня написана в 1914 году, но по цензурным причинам не была напечатана, и опубликована лишь в 1921 году в газете «Правда».

Басни Эзопа. Цензурные трудности для опубликования публицистически острых басен во время первой империалистической войны побудили Д. Бедного прибегнуть к сюжетам древнегреческого баснописца, в которых он находил мотивы, созвучные современности. За 1914—1916 годы Д. Бедным создано двадцать две басни на сюжеты Эзопа, но в свои сборники он включал лишь часть из них.

Помощь (стр. 481). Басня написана в 1916 году, но до революции была запрещена цензурой, поскольку намекала на взаимоотношения между Россией и Англией во время империалистической войны.

Волк и Лев (стр. 483). Разоблачала хищнический, грабительский характер империалистической войны, которая велась под лозунгом защиты «слабых» государств.

Мир (стр. 485). До революции не печаталась по цензурным причинам.

Тофута мудрый (стр. 486). Была написана сразу после Февральской революции, свергшей самодержавие. *«...Царя мудрейшего Тофуты...»* — Имеется в виду последний русский царь Николай II. *«Злодей Протоплут»* — министр внутренних дел царского правительства А. Д. Протопопов. *«Власть, отбитую народом от*

Тофуты, присвоили себе все те же богачи».— Здесь дана большевистская оценка Февральской революции. *«...Богачей смели, как сор...»* — призыв к социалистической революции, за которую боролись большевики.

ИВАН БАТРАК

Иван Андреевич Батрак (Козловский) (1892—1943) родился в крестьянской семье в Белоруссии. После окончания сельской школы учился в городском училище в городе Орше. Девятнадцатилетним юношей отправился в Петербург в поисках заработка. Работал ремонтником на железной дороге, электромонтером. Настойчиво продолжал учиться в воскресном Рабочем университете. Литературная деятельность И. Батрака началась с сотрудничества в дооктябрьской «Правде», с репортерских заметок. В 1914 году он вступил в большевистскую партию, а в октябре 1915 года за пропагандистскую деятельность был приговорен к восьми годам каторги. Лишь в 1917 году был освобожден из Шлиссельбургской крепости.

Вслед за Д. Бедным Батрак выступал с баснями и стихами в рядах первого поколения пролетарских поэтов. Его басни получили широкую известность в 20 — начале 30-х годов. В конце 30-х годов подвергся необоснованной репрессии.

Печатаются по изданию: Иван Батрак, Басни, М. 1933.

С. МАРШАК

Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964) — выдающийся советский поэт, лауреат Ленинской премии, автор книг и стихов для детей, известный переводчик. Родился в Воронеже в семье техника. Учился в гимназии в Острогожске, затем в Петербурге. Начал печататься с 1907 года. Несколько лет прожил в Англии. С. Маршак — один из создателей детской литературы. Всеобщее признание получили его переводы Р. Бернса, сонетов Шекспира, английских народных стихотворений.

В годы Великой Отечественной войны С. Маршак писал стихотворные тексты к плакатам и карикатурам художников Кукрыниксов. К этому же времени относятся и его басни, разоблачающие фашистских захватчиков.

Печатаются по изданию: С. Маршак, Собрание сочинений в четырех томах, т. 4, Гослитиздат, М. 1963.

Новая басня про старого лжеца (стр. 506). *Фон Роммель* — немецкий генерал, командовавший фашистской армией в Северной Африке.

С. МИХАЛКОВ

Сергей Владимирович Михалков родился в 1913 году в Москве. Закончил в Пятигорске среднюю школу, затем учился в Литературном институте имени А. М. Горького. С 1933 года стал печататься в столичной прессе. Успех принесли ему стихи для детей, в которых он проявил себя как талантливый и своеобразный поэт. В годы Великой Отечественной войны С. Михалков работал на Южном фронте в газете «Во славу Родины», а затем в центральной газете ВВС Красной Армии в качестве военного корреспондента. Вскоре после окончания войны, по совету А. Н. Толстого, написал первые басни. «Наш старейший писатель,— рассказывает сам Михалков,— замечательный мастер слова А. Н. Толстой, прочитав как-то мои новые стихи для детей, сказал: «Тебе лучше всего удаются стихи, в которых идешь от фольклора, от народного юмора. Не начать ли тебе писать басни?» Спустя некоторое время я написал свою первую басню. А. Н. Толстому она понравилась. Я написал еще несколько. Одну из них опубликовала газета «Правда». Читательский успех басни «Лиса и Бобер» во многом определил судьбу этого незаслуженно забытого литературного жанра» (С. Михалков, Собр. соч. в четырех томах, т. 1, Гослитиздат, М. 1963, стр. 9).

Басни С. Михалкова выходили много раз отдельными сборниками.

Печатаются по изданию: С. Михалков, Собрание сочинений в четырех томах, изд-во «Художественная литература», М. 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

В. МАЙКОВ

М. ХЕРАСКОВ

Д. ФОНВИЗИН

М. ЧУЛКОВ

М. ПОПОВ

А. АБЛЕСИМОВ

И. ХЕМНИЦЕР

И. ДМИТРИЕВ

В. ЖУКОВСКИЙ

В. ПУШКИН

Д. ДАВЫДОВ

П. ВЯЗЕМСКИЙ

А. НАХИМОВ

А. ИЗМАЙЛОВ

М. СУХАНОВ

А. ПУШКИН

И. КРЫЛОВ

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Д. МИНАЕВ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ИВАН БАТРАК

С. МАРШАК

С. МИХАЛКОВ

РУССКАЯ БАСНЯ

Редактор *Г. Колосова.* Художеств. редактор *С. Данилов.*
Технич. редактор *Ф. Артемьева.* Корректор *Т. Лукьянова*

Сдано в набор 28/VII 1965 г. Подписано к печати 2/XII 1965 г. Бумага Кама мелов. № 2.84×108¹/₃₂—18,75 печ. л. 31,5 усл. печ. л., 29,52 уч.-изд. л. Тираж 100 000. Заказ № 2887. Цена 1 р. 14 к.

Издательство «Художественная литература». Москва Б-66 Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, Ж-54, Валовая, 28

1р. 14к.

